

Джефф Питерс Русский угол Оклахомы

Великолепная семерка – 3

Г.Любавина: gurongl@rambler.ru

«Русский угол Оклахомы»: Гелеос; Москва; 2002

ISBN 5-8189-0211-0

Аннотация

Мировой вестерн. Герои «Великолепной семерки» вновь отправляются в опасное путешествие по «дикой» земле Оклахомы. Их кони не успевают отдохнуть, а оружие остыть. Но даже тогда, когда мир сходит с ума и смерть неизбежна, на помощь приходит верная рука друга.

Джефф Питерс Русский угол Оклахомы

ПРОЛОГ

22 апреля 1889 года почти сто тысяч мужчин и женщин собрались вдоль границы Территории¹ Оклахомы. Кто-то прибыл сюда верхом, кто-то пешком. У кого-то за спиной высился громоздкий фургон, а кто-то держал перед собой ручную тележку. Толпа терпеливо дожидалась сигнала, чтобы перешагнуть границу. Наконец, по команде армейских офицеров, ровно в полдень прозвучал артиллерийский залп. Скрип колес и топот копыт огласили просторы прерии, и со всех сторон доносился стук молотков, вбивающих в девственную землю заявочные столбы.

Спустя всего лишь несколько часов почти два миллиона акров земли, еще утром принадлежавшей индейцам, обрели новых хозяев. К вечеру того же дня невзрачные поселки Гатри, Инид и Оклахома-Сити превратились в города с пяти тысячным населением. Так началось массовое заселение Оклахомы.

¹ Территория — район, не получивший статуса штата, но имеющий свой законодательный орган.

К этому времени во всей Америке не оставалось другого пригодного для жизни района, не заселенного белыми. До сих пор сюда, в прерию между реками Симаррон, Канейдиан и Арканзас, сгоняли только индейцев. Эти разноязыкие и часто враждующие народы оказывались рядом по одной причине — они продали свою землю, на которой жили веками, федеральному правительству, которое позаботилось о том, чтобы индейцы были надежно защищены от болезней и грехов белого человека. К концу восьмидесятых годов это же самое «федеральное правительство» решило, что индейцы используют свою новую территорию слишком неразумно. Индейцы не строили железных дорог и не разрабатывали рудники и карьеры, они не отправляли стада бычков на бойни в соседние штаты. А в это самое время в городах и поселках накопилось множество людей, рвущихся на новые земли. И такие земли нашлись, когда индейцам было предписано не покидать границ своих достаточно просторных резерваций, а все остальные земельные угодья были отданы под заселение.

Однако, продвигаясь в глубь Территории, недавние жители восточных штатов с удивлением обнаруживали, что на этих пастбищах уже пасутся не дикие бизоны, а стада вполне домашнего скота. Встречались им и ухоженные фермы, и пшеничные поля, огороженные колючей проволокой, а среди пологих холмов кое-где можно было увидеть и ажурную вышку ветряка. Оказалось, что на этих засушливых и небезопасных землях уже давно поселились какие-то смельчаки, которые основали здесь свое жилье и хозяйство, не дожидаясь ничьих разрешений. И они не были рады появлению новых соседей...

Глава 1. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В ОКЛАХОМУ

Крис оставался в седле до последнего. Винн держался рядом с ним и был готов подхватить его, когда он потеряет сознание, но Крис оставался в седле.

Их преследователи не приближались и не отставали, неотступно двигаясь вслед за ними, — шесть неясных силуэтов, почти невидимых в дымке под самой линией горизонта. Тем незачем было тратить силы и торопиться. Их радовали капли крови, которые они все чаще встречали в следах. Преследователи прекрасно понимали, что скоро беглецы упрутся в горы, здесь-то все и закончится. Пока убегающие будут взбираться по склону, они пришпорят коней, приблизятся на расстояние выстрела и сумеют навязать перестрелку. А в ней шансы были неравными. Вдвоем против шестерых? У Винна осталась дюжина патронов, у Криса не больше. Бой не будет слишком долгим.

Винн надеялся только на то, что на склонах гор им удастся сразу укрыться в лесу. Но чем ближе становились горы, тем слабее теплилась в нем надежда. Он видел глинистые голубые откосы и белые языки осыпей. В бинокль удалось разглядеть на буром склоне извилистую тропу среди редких пятен чахлого кустарника. И только за голым и острым гребнем первого, ближнего к ним отрога призывно зеленели кроны леса, покрывавшего далекие склоны.

«Значит, нам надо будет побыстрее перевалить через этот отрог, только и всего, — решил Винн. — Будем двигаться как можно быстрее, не отвлекаясь на ответные выстрелы. И будем надеяться, что наши преследователи не слишком искусные стрелки. Если б эти парни умели стрелять, они не дали бы нам уйти».

Винн и Крис наткнулись на шайку, когда двигались по сухому руслу реки.

Как всегда, за секунду перед бедой все обстояло наилучшим образом. Позади была долгая и нелегкая дорога из Мексики, впереди ждала встреча с приятелем Криса, Лысым Маком, который стал в этих краях большим человеком. Крис, добродушно посмеиваясь, рассказывал о том, какие дела проворачивали они с Маком, когда состояли в шайке знаменитого налетчика Энди Крофорда. В те далекие годы они зарабатывали на жизнь, помогая богачам избавиться от груза лишних денег. Богач тем и отличается от бедняка, что не станет биться насмерть, защищая каждый доллар. Второе отличие заключается в том, что богачи слишком злопамятны. И за каждый утраченный доллар они были готовы заплатить еще два, лишь бы содрать шкуру с Крофорда и его команды.

Поэтому Крису и не хотелось появляться в тех местах, где прошла его веселая молодость, в цветущих и бурлящих городах с каменными многоэтажными отелями, банками и игорными домами. Он давно покончил со своим прошлым, но это не станешь доказывать каждому встречному помощнику шерифа. Он не знал, что стало с его прежними компаньонами, и не хотел этого знать. Они с Винном никогда бы не узнали о судьбе Лысого Мака, если б не услышали разговор двух случайных попутчиков, когда пересекали Рио-Гранде. Правда, теперь Лысого Мака называли иначе — теперь он звался «шериф Маккарти». Слухи о его методах борьбы с преступниками докатились до самой границы. Шериф Маккарти, грозный и неустрашимый, охранял шахту где-то на стыке Колорадо, Канзаса и Оклахомы, и авторитет его был настолько велик, что шахтерскому поселку присвоили название, которое выбрал сам Лысый Мак. И разве мог Крис не навестить место, которое отныне называлось Крофорд-Сити?

Винн чувствовал, что Крис рад за своего приятеля и даже, возможно, немного завидует ему. Рано или поздно у каждого наступает время, когда хочется остановиться, когда новые края уже не манят с прежней силой, когда надоедает просыпаться каждый день в другом месте. «Встать на якорь», «пустить корни» — эти выражения уже не казались им смешными. И попутный ветер уже не подталкивал их в спину, а, наоборот, приносил с собой запах оставленного крова и словно звал вернуться... «Может быть, шериф Маккарти возьмет нас к себе в помощники? — посмеивался Крис. — В Оклахоме меня никто не знает». «В Оклахоме как раз и собираются люди, которые надеются, что о них тут никто не знает», — говорил Винн.

Он и сам давно уже искал место, где можно было бы не опасаться встречи с кем-то из старых знакомых. Винн старался держаться подальше от зданий, над которыми развевался государственный флаг: там обычно обретались его бывшие однополчане. Лейтенант кавалерии Винсент Крокет ходил под этим флагом в атаку на восставшие индейские деревни Южной Дакоты. Нельзя сказать, чтобы это занятие ему очень нравилось, но он считал, что должен исполнить свой долг. Однажды вечером его назначили командиром расстрельного взвода, чтобы наутро казнить пленных: слишком хлопотно было таскать их за собой. У Винна было всего лишь два часа на размышление, и, поразмыслив, он решил, что государство нанимало его как солдата, а не как палача. Нарушение условий контракта ведет к его расторжению. Ночью Винн выпустил пленных индейцев и бежал из расположения полка, прихватив с собой изрядный груз оружия. Мятежные шайены² приняли его к себе, и он провел среди них, наверно, самую удивительную часть своей жизни. Впрочем, бегство одного дезертира не могло ослабить армию, и «Черные Бизоны»³ в конце концов подавили восстание шайенов. Винн не участвовал в боях, и даже в последний бой индейцы не взяли его с собой. С тех пор он и бродил по Западу, держась на безопасном расстоянии от армейских форпостов.

«Нет, я в помощники шерифа не пойду. Слишком заметная должность. Давай лучше доберемся до большого города. Бостон или Нью-Йорк. Там можно спрятаться в толпе, — говорил Винн. — А в дикой пустыне и укрыться негде, и заняться нечем». — «Дикая пустыня? Ты будешь удивлен, когда мы переберемся через горы. Там ты увидишь настоящую прерию, с травами в человеческий рост, со стадами бизонов, с целыми морями цветов». — «Ты там бывал?» — «Нет, но я знаю Мака. Он всегда мечтал поселиться в настоящей прерии».

Так, беспечно переговариваясь, они неспешно скакали по сухому руслу. Путь их лежал в стороне от наезженных дорог, потому что Винн и Крис предпочитали движение по прямой

² Шайены — один из коренных народов Великих Равнин США. В 80-х — 90-х годах XIX века шайены вместе с народами арапахо и сиу вели военные действия против правительственных войск.

³ «Черные Бизоны» — подразделение негритянской кавалерии.

линии. Арабская кобыла Криса и мерин Винна, которого он звал Бронко, были привычны к бездорожью. Для опытных и осторожных путников нет ничего сложного в том, чтобы быстро пересечь индейские земли, особенно если повезет.

Похоже, что им не повезло.

Когда ветер донес до них запахи поднятой пыли, дыма и паленой шерсти, оба решили, что где-то впереди — ранчо, где клеймят молодых бычков. Двигаясь между высокими берегами по дну пересохшей реки, они не могли видеть его, но при этом и сами оставались вне поля зрения обитателей ранчо, и это их вполне устраивало.

Они обогнули выступающий обрыв — и встали. Встреча оказалась неожиданной не только для них.

Русло привело их к широкому, округлому каньону с отвесными стенами. Здесь, в этой долине, скрытой от постороннего взгляда, и в самом деле клеймили скот. Небольшое разношерстное стадо сгрудилось в дальнем конце каньона — там виднелись шоколадные спины и белые массивные головы герефордов, а между ними чернели безрогие, остромордые ангусы. Трое всадников теснили стадо к стенам каньона, удерживая бычков на месте. Один черный бычок-ангус лежал на песке. На голове его сидел ковбой, другой натягивал лассо, обвившее задние ноги бычка, а еще двое замерли над выпуклым черным боком, разглаживая шерсть. От низкого костерка стелился дым. Голый по пояс человек в кожаном фартуке подержал над прозрачным пламенем длинный штырь с решеткой на конце и стремительно шагнул к лежащему бычку. Клеймо медленно опустилось на черную шерсть, бычок дернулся, и ковбои вскочили, ослабив лассо.

По тому, как тщательно прикладывалось раскаленное железо к дергающейся коже, было ясно, что идет не просто клеймение, а подмена клейма. Так обычно поступают с ворованным скотом.

Скотокрады были слишком увлечены своим занятием и поэтому не сразу заметили посторонних наблюдателей. Но заметив их, тут же схватились за оружие.

Тот, что был ближе, выстрелил одновременно с Крисом — но тут же выронил ружье, схватившись за руку. Винн послал пару пуль по остальным и развернул коня. Пока они выбирались из русла и помчались по траве, сзади было тихо, и Винн успел подумать, что на этом все и кончится. Но оказался неправ: скоро за спиной прогремел выстрел, и, оглянувшись, он увидел, что все шестеро скачут за ними.

— Кажется, мы им понравились, — прокричал Винн.

— А они мне не очень, — ответил Крис. — Рубашка была почти новая.

Винн только теперь заметил, что его спутник держится левой рукой за бок.

— Тебя зацепило?

— Немного.

Криса следовало перевязать, но не было времени останавливаться. Шестеро скотокрадов явно не желали отставать. По всей видимости, они очень дорожили своим потайным загоном для ворованного скота. И теперь им оставалось либо устраивать себе новый тайник, либо уничтожить тех, кто прознал про старый. Похоже, второй путь показался им более простым.

Кони хорошо отдохнули ночью и сейчас показывали почти все, на что были способны. Белая арабка Криса, казалось, летела над седой травой, а мерин Винна держался чуть сзади. Винн с беспокойством замечал, что синяя рубашка Криса на спине изрядно потемнела. Черное пятно шириной с ладонь расплзлось над поясом.

Заметив, что погоня немного отстала, они тоже сбавили ход. Винн кинул Крису свой вязаный шарф, и тот на ходу обмотал его вокруг пояса, перетянув рану.

— Отлично! — сказал он бодро.

Винн не нашелся, что ответить, потому что шарф моментально пропитался кровью.

— Ничего, — сказал Крис, — в горы они за нами не полезут.

— Может быть, нам просто по пути, — предположил Винн. — Может, им тоже хочется в Крофорд-Сити.

— Тогда пусть поищут другую дорогу, а мы в обход не пойдем... — Крис не договорил, выругавшись от боли. — Вот уж не думал, что сквозная рана может доставить столько неудобств.

— Возьми мою скатку, — Винн протянул другу свернутое одеяло и помог уложить его поверх скатки Криса, между спиной и задней лукой седла, чтобы тому было удобнее опираться. — Так лучше?

— Лучше не бывает.

Винн оглянулся и увидел, что кони преследователей перешли на рысь и их силуэты стали яснее. Отрыв сократился, но ненадолго: лошади Винна и Криса тут же сорвались с места, да так, что ветер засвистел в ушах.

Горы незаметно вырастали перед ними. Погоня длилась уже второй час. Под копытами то гулко гудела, то скрипела каменистая сухая земля, на которой росли только редкие кактусы. Винн продолжал прикладываться к биноклю, высматривая на склоне иной путь, кроме видневшейся отсюда тропы. Наконец, ему пришло в голову, что необязательно делать то, чего ждет от тебя противник. К чему карабкаться в горы, когда их можно объехать? И он повернул налево. Мог бы и направо, ему было все равно. Главное — не терять скорости, не позволять им сократить отрыв. В конце концов, они тоже не железные, и их кони тоже могут устать.

Кобыла Криса послушно повернула за мерином, и они поскакали вдоль отрога, не поднимаясь на него. Крис ничего не сказал. Он продолжал прямо сидеть в седле, с полузакрытыми глазами. Темные, обветренные губы выделялись на посеревшем лице.

— Хочешь пить? — скрывая беспокойство, спросил Винн.

— Не знаю, можно ли, — ответил Крис. — Будет обидно, если вода вытечет из этой чертовой дырки. Ты пей, не смотри на меня. Почему мы свернули?

— Поищем другой путь.

— Ну, давай поищем... — он снова закрыл глаза. — Рубашка прилипла к спине. Что, там так много крови?

— Да нет, не очень.

— Пока я не забыл... Все мои деньги лежат в банке братьев Гольдбергов в Нью-Йорке. Если я не смогу их забрать сам, сделай это за меня.

— Брось, старик.

— Погоди... В моей сумке защиты их расписки... Ты все понял?

— Не беспокойся. Если у тебя будут провалы в памяти, я тебе напомню.

— Спасибо... — проговорил Крис, не открывая глаз.

Скоро их лица окатил порыв свежего ветра. Винн присмотрелся, привстав на стременах, и увидел впереди, в отвесной серой стене отрога темный провал. Это могла быть расщелина, но там мог оказаться и проход. И если ветер дует оттуда, значит, проход этот достаточно длинный... «Вот куда мы свернем», — решил Винн и поторопил своего Бронко.

Еще один рывок, и под копытами завизжала галька. Они свернули в темное ущелье с высокими отвесными стенами. Подковы скрежетали по валунам, вымостившим дно пересохшей реки. Винн натянул поводья, и Бронко остановился.

Впереди, в десятке шагов, стоял безоружный человек в белой крестьянской одежде и соломенной шляпе. Его босые ступни казались черными от въевшейся пыли. Тут же отдыхала коренастая буланая лошадка без седла, ее круглые желтоватые бока блестели от пота, а черный хвост был обвит кожаным шнуром почти по всей длине так, что только на конце виднелась кисть волос. Под ногами у лошади лежали два туго набитых мешка, связанных между собой.

Человек легко перевалил мешки через черный хребет лошадки, похлопал ее по шее и повернулся.

Это была девушка, смуглая и сероглазая. Она отвела пепельно-русую прядь со лба, спрятав ее под шляпу. Ее взгляд остановился на Крисе. Беззвучно ступая по валунам, она приблизилась к его кобыле и уверенно перехватила свисающую уздечку. Другой рукой она

дотянулась до окровавленного шарфа, обмотанного вокруг пояса Криса, поглядела на свои покрасневшие кончики пальцев и сокрушенно покачала головой. Затем, так же не говоря ни слова, развернулась и за уздечку повела кобылу за собой.

Крис, казалось, не замечал этого. Он так и не раскрыл глаз, и губы его были плотно сжаты.

Странное дело — Винн тоже не произнес ни слова. Молчаливая незнакомка вела за собой кобылу Криса, Винн ехал за ними, а буланая лошадка поплелась за его меринком.

Ущелье понемногу расширялось, его стены словно раздвигались в стороны с каждым поворотом, в них виднелись глубокие жерла пещер и промоины, в которых поблескивали ручейки. Далеко впереди Винн увидел в просвете между скалами зеленый лесистый склон, но проводница свернула в сторону, и они снова оказались в каменном коридоре. На этот раз путь становился все теснее и теснее, и, если бы сверху сорвался камень, от него было бы трудно увернуться. Винн слышал, как за спиной шуршат, задевая за скальные стены, мешки, навьюченные на буланую лошадку. «Вот хорошее место, чтобы остановить погоню», — подумал он, оглядываясь.

— Крис, — сказал он. — Ты выбирайся, а я их задержу. Слышишь меня, старик?

Но Крис не ответил ни словом, ни жестом, и Винн понял, что тот потерял сознание. Точнее сказать, сознания в нем оставалось ровно настолько, чтобы не свалиться с седла.

«Значит, мне придется все решать самому, — подумал Винн. — Остаться здесь, чтобы встретить наших преследователей? Вдвоем мы бы их перебили. Одному не под силу. Я смогу их удерживать в этой теснине ровно столько времени, на сколько удастся растянуть дюжину патронов. А что дальше? Да и могу ли я оставить Криса на попечение незнакомки?»

Выбора не было. Винн ехал, оглядываясь и вслушиваясь в каждый звук, отражавшийся от голых и бесконечно высоких стенок ущелья.

Под копытами иногда поблескивали лужицы, а на валунах нарядно зеленели пятна мха. Вдруг впереди послышался шипящий глухой удар, за ним еще один, и еще, и в воздухе появилась изморось. Если закрыть глаза, можно было подумать, что стоишь на берегу озера, и перед тобой бьются волны. Что за чертовщина?

Мужчины свернули за острый край скалы, и их глазам предстала каменистая долина, шагов сто в поперечнике. Она тянулась между отвесными скалами не больше, чем на милю, и заканчивалась узкой горловиной ущелья. Пространство было испещрено сверкающими лужицами, над которыми стоял слоистый, неподвижный туман. Внезапно прямо из земли вырвалась струя воды. Фонтан, окутанный паром, поднимался выше человеческого роста, а затем с плеском обрушился на гальку, и от каменных стен отразился звук набежавшей волны.

Босоногая проводница остановилась. Она еле слышно почмокала губами, и буланая лошадка неторопливо обошла мерина и ступила передними ногами на мокрую гальку. Животное низко опустило голову, обнюхивая камни, после чего осторожно двинулось вперед. Проводница хлопала лошадь по крупу, пропуская перед собой, и шагнула следом. Белая кобыла Криса вела себя на редкость смирно и послушно следовала за проводницей, раненому даже не приходилось натягивать уздечку. Бронко, не дожидаясь команды, тоже спустился на мокрую гальку. Казалось, лошади знают дорогу, о которой люди и не догадываются. Буланая двигалась причудливыми зигзагами, то далеко обходя безобидные лужицы, то напрямую пересекая широкие разливы, и лошади скрупулезно повторяли все ее маневры, ступая след в след. Белые штаны проводницы потемнели от воды. На лице оседала липкая роса.

Объезжая очередную лужицу, укрытую густым туманом, Винн заметил, что она бурлит. Ему приходилось слышать о кипящих источниках, но он никогда не думал, что рядом с ними человек чувствует себя так неуютно. До него дошло, что сейчас они пробираются над гигантским котлом с кипятком. Один неверный шаг — и ты сварился. Винн забыл о преследователях, о ране Криса и обо всем на свете, и думал только о том, как бы выбраться из этой кастрюли и остаться сырым.

Но буланая не подвела, и вскоре Винн с облегчением вытер со лба надоевшую росу, смешанную с холодным потом.

Дно ущелья круто поднималось кверху, и Винн спешил, помогая Бронко. Крис оставался в седле. Он так и не раскрывал глаз, словно спал на ходу, но пальцы его крепко сжимали рог седла.

Еще один поворот, и Винн остановился, тяжело переводя дыхание. Прямо под ним раскрылся зеленый травянистый склон, спускающийся к просторной долине. Слева и справа высились толстые кедры, и густой, темный лес поднимался выше по склону. Теперь Винн понял, что ущелье рассекало гору, и, двигаясь по нему, они прошли ее насквозь.

— Спасибо, — сказал Винн проводнице. — Вы нас очень выручили, мэм.

Та покачала головой, будто не понимала его слов, и сняла шляпу, поправляя узел русых густых волос. Потом осторожно вытянула поводья из пальцев Криса так, что тот не шевельнулся.

— Крис, — позвал Винн громко. — Эй, старик, ты проспишь все на свете.

Вместо ответа Крис качнулся вперед и навалился грудью на шею кобылы.

Вдвоем они осторожно стянули его с лошади и уложили на траву. Все седло оказалось залито кровью, и рубашка, и джинсы Криса были липкими и блестящими.

Проводница выхватила из-под рубахи короткий нож и разрежала окровавленный шарф. Крис лежал на боку, и, когда незнакомка распорол его рубашку, стало видно, где вошла пуля и где она вышла. Одна дырка чернела спереди под ребром, вторая оказалась выше, под лопаткой, и ее было невозможно разглядеть под сгустками крови. Женщина, стоя на коленях, одним движением стянула с себя белый нашейный платок. Свернула его пополам и накрыла оголенный бок Криса. С треском разорвав рубашку раненого, скатала ее в трубку, разгладила и обернула вокруг пояса, затянув узел. А потом вскочила на ноги и опрометью пустилась вниз по склону.

— Куда же вы, мэм? — крикнул Винн вдогонку, но женщина даже не оглянулась, спускаясь зигзагом по крутому косоугору.

Буланая лошадка спокойно пощипывала траву у себя под ногами, и Винн понял, что хозяйка скоро вернется.

Крис лежал неподвижно. Винн еще никогда не видел его в таком состоянии, хотя им и случалось лечить друг друга от огнестрельных ранений, ушибов и похмелья. И метод всегда был один и тот же — повязка, холод и покой.

— Полежи пока, старик, — сказал Винн другу и расстегнул его оружейный пояс. — Сейчас придет доктор, принесет лекарство. А я позабочусь о твоём покое. Тебе удобно так?

Крис не отвечал, и это был плохой знак. Винн знал, что сейчас раненого нельзя оставлять одного. Следовало сидеть рядом, касаться его и разговаривать, чтобы не дать ему соскользнуть в ту яму, откуда затем трудно будет выбраться... Винн вспомнил всех погибших друзей и попросил их не звать к себе Криса. Он даже осмелился призвать Духа Медведя, чтобы тот посидел рядом с раненым, отгоняя Духа Ворона, который наверняка уже кружил где-то поблизости.

— Все в порядке, — вдруг произнес Крис, не открывая глаз. — Привяжи лошадей, Энди...

Энди? Пусть так, только держись, старик... Винн отвел лошадей ниже по склону и привязал их за разросшимся кустом. Прямо напротив выхода из ущелья лежала пара валунов, и он устроился между ними, положив под руку оба винчестера, свой и Криса. Если преследователи и появятся в этом тесном проходе, он сможет их встретить.

Но из ущелья не доносилось никаких тревожных звуков. Зато ниже по склону слышались голоса, и Винну пришлось оглянуться. Незнакомка возвращалась в сопровождении трех женщин в длинных черных платьях и туго повязанных на головах белых платках. Вслед за ними поднимался коренастый, широкоплечий мужчина в такой же белой крестьянской одежде, как и проводница, но в сапогах и в черной шляпе. Переговариваясь на непонятном языке, женщины окружили Криса и переложили его на

расстеленное одеяло, а потом подняли с травы и понесли вниз. Мужчина поднялся к Винну и сказал, махнув рукой в сторону ущелья:

— Оттуда никто не выйдет. Там никто не ходит.

— За нами увязалась банда. Угонщики скота. Они могут найти нас по следам.

— Следы? В кипящем каньоне не остается следов. И до сих пор его еще никому не удавалось пройти без проводника.

— Надеюсь, не удастся и сегодня, — сказал Винн, поднявшись из-за валунов.

— Меня зовут Питер, — мужчина широко улыбнулся — Наш дом внизу. Это мои сестры. Они позаботятся о твоём друге.

— А меня зовут Винсент Крокет. Спасибо, Питер. Мы ваши должники.

Тот пожал плечами:

— Я ничего для вас не сделал. Скажи спасибо Энни. Это она вас нашла.

Он был таким же смуглым и светлоглазым, как и его сестра, но оказался отнюдь не молчаливым.

— Хорошая лошадь, — сказал Питер, отвязывая кобылу Криса. — Дорогая лошадь. Маленькая голова, сильные ноги, тонкие копыта. Наверно, быстро бежит, очень быстро.

— Быстро.

— Твой друг, наверно, умрет, — сказал Питер. — Ты возьмешь его лошадь с собой? Я мог бы купить ее.

— Мой друг не умрет, — сказал Винн.

— Все умирают, — сказал Питер. — И ты умрешь, и я.

— Тогда зачем тебе его лошадь?

Питер жизнерадостно рассмеялся.

— Ты прав, — сказал он. — Ты очень-очень прав, Винсент Крокет.

Они спускались по травянистому склону, и вскоре внизу, за невысокой рощицей молодых деревьев, показалось несколько бревенчатых домов, стоящих вразброс. Едва заметная дорога уходила от них к реке и терялась за деревьями. Дальше на склонах холмов виднелись широкие прозрачно-зеленые прямоугольники полей и чересполосица огородов.

— Это твоя ферма? — спросил Винн.

— Это тоже моя ферма. Есть еще другая, большая. Там лошади, коровы, мулы. Там мельница. А здесь живет мой отец, и Энни с ним. Ему ничего не нужно. Только вода и хлеб. Сегодня мы пришли к нему в гости. Я, сестры, их дети. Это хорошо для твоего друга. Мы поможем ему. Все будет хорошо. Если он не умрет.

— Откуда вы? — спросил Винн, потому что никогда прежде не слышал такого говора, плавного и чуть замедленного, как у южанина, но с твердыми и четкими окончаниями, как у жителя Севера. Он с легкостью различал немцев и итальянцев, безошибочно узнавал французов, но всегда путал шведов и поляков. Одно можно было сказать точно — этот Питер явно не был китайцем или мексиканцем.

— Мы? Мы с Юга. Саванна, Джорджия. А ты откуда едешь?

— Мы были в Мексике, — сказал Винн.

— Мексика? Это очень далеко.

— А теперь пробираемся в Крофорд-Сити.

— Крофорд? Это не очень далеко, — сказал Питер. — Не так далеко, как Мексика. Но если ехать вдвоем, то даже до Крофорда можно не добираться. У нас тут вдвоем не ездят. Мы вас проводим. Если твой друг поправится.

— Не надо нас провожать. У нас нет ничего ценного, никто нас не ограбит.

— Ничего ценного? — Питер оглядел его. — Шляпа хорошая. Оружие. Сапоги совсем как новые. Лошадь с седлом — это целое состояние. Здесь не грабят, Винсент Крокет. Здесь убивают. И оставляют лежать голый труп. Через два дня от тела остается только несколько костей. А ты говоришь «ничего ценного».

— Да, — только и мог сказать Винн. — Весело вы тут живете.

— Чем занимаешься? Ковбой? Стрелок? Проводник?

— Я был солдатом. Могу заниматься чем угодно.

— За рекой поселок, — сказал Питер. — Там угольный карьер. Хорошая работа, хорошие деньги. Если любишь копать землю, иди туда. Им нужно много людей.

— Нет, — сказал Винн. — Спасибо. Я не люблю копать землю.

— Я тоже. Я люблю лошадей, — сказал Питер. — Я люблю быстро ездить. На лошади твоего друга можно очень-очень быстро ездить. Такие лошади не любят седло. Ей нужна легкая коляска. Ей нужен овес, а не колючки. Ее нужно каждый день чистить. Я знаю, это дорогая лошадь. Это лошадь для богатого человека.

— Ты богатый?

— Не знаю. Наверно, нет. Но твой друг тоже не похож на богатого человека.

— Ну, после выстрела в упор и богатые, и бедные выглядят примерно одинаково, — заметил Винн.

— Ты опять прав, Винсент Крокет, — Питер снова рассмеялся.

Пока мужчины дошли до фермы, Питер еще несколько раз заводил разговор о кобыле Криса. Винн старался отвечать уклончиво и дипломатично. По правде говоря, Крис и сам был бы не прочь передать ее в хорошие руки. Арабка досталась ему по наследству от погибшего друга. Она была быстра и неумоима, привыкла есть жесткую траву, умела ощипывать ветки кустарника, хотя не отказывалась и от овса в хорошей конюшне. Это была отличная лошадь, но ее светло-серая, почти белая масть не годилась для жизни в прерии, где любое светлое пятно видно издалека. «Как только Крис поправится, — решил Винн, — надо будет напомнить этому болтуну о его страсти к быстрой езде, да и поменять кобылу на пару добрых мерингов».

Давно уже Винсент Крокет не встречал такого словоохотливого собеседника. В том кругу, где ему приходилось вращаться последнее время, не принято было много говорить, особенно с незнакомцами. Командуя своими кавалеристами, он легко обходился уставными выражениями, а живя среди индейцев, чаще использовал жесты, чем слова. Только с Крисом им иногда удавалось поговорить о чем-то, кроме еды, оружия, женщин и лошадей.

«Этот Питер мог бы составить отличную пару любому светскому словоблуду из той породы, которая бережно культивировалась в аристократических салонах моей Луизианы, — размышлял Винн. — Если же его помыть, причесать да переодеть, он станет желаннейшим гостем на любом воскресном балу. Интересно, откуда в нем это? Передалось по наследству от папочки, выходца из южных плантаторов? Или ему тут не с кем было поговорить, пока не появились мы с Крисом?»

Навстречу бежали трое мальчишек. На них были такие же белые домотканые штаны и рубахи, как на Питере и его молчаливой сестре.

— А вот и племянники, — сказал Питер, — Ленни, Бенни и Дэнни. Сейчас начнут драться из-за этой белой лошади, кому за ней ухаживать. Дикари. Что с них взять, если отец — индеец...

Мальчишки были похожи как три капли воды, но это были разноцветные капли. Один — белобрысый, другой с черными прямыми волосами, а третий — рыжий и кудрявый. Все трое были смуглые, скуластые и светлоглазые. После короткой перебранки ребяташки перехватили лошадей и повели их в конюшню. Питер едва успел скинуть с буланой лошади два навьюченных мешка.

— Осторожнее! — раздался женский возглас, и Энни, подбежав к ним, присела и бережно взялась за обвязанные горловины мешков.

— Разрешите вам помочь, — Винн наклонился к ней, но тут же выпрямился, обожженный гневным взглядом.

Питер коротко рассмеялся, глядя вслед сестре, которая волокла мешки по траве.

— Можно подумать, у нее там банкноты Федерального казначейства, — озадаченно сказал Винн.

— У нее там пейот.

— Что? Кактус?

— Да. Только она может собирать пейот, — важно заявил Питер.
— Зачем вам столько? Два мешка...
— Она собирает два мешка каждый месяц, — сказал Питер. — Нам нужно много пейота. Всем нужен пейот.
— Но для чего?
— Для жизни. Посмотрим, как дела у твоего друга. — сказал Питер, поднимаясь на крыльцо дома.

Винн перешагнул высокий порог и остановился. Тесная комнатка, похоже, считалась прихожей. Вдоль одной из стен стояла широкая лавка с ведрами и корзинами, на стене напротив висели плащи и куртки, под ними стояло несколько пар стоптанных сапог. Впереди висела цветастая занавеска. Питер прошел вперед, отогнул занавеску и, перекрестясь, вошел в следующую комнату. Винн шагнул за ним и тоже перекрестился, раз уж у них тут так принято.

Крис, совершенно голый, лежал на высокой кровати лицом вниз. Коренастый лысый старик с огромной седой бородой колдовал над его раной. На полу стояла большая глиняная миска, наполненная окровавленными белыми лоскутами. Старик промокнул рану и бросил в миску очередной лоскуток, а стоявшая рядом старуха в черном платье тут же протянула ему новый.

Питер сказал что-то на своем языке, и старик кивнул.

— Много крови потерял твой друг, — услышал Винн его глухой бас. — Будет долго лежать. Ребро сломано пулей. Хорошо, что пуля вылетела наружу, а не ударила в сердце. Счастливый твой друг.

— Что я могу сделать? — спросил Винн.

— Ты? Ничего тебе не надо делать. Только ждать. Мы все сделаем сами, — сказал старик. — Он будет лежать здесь. Ты тоже будешь в этом доме. Три дня. А сейчас иди во двор.

— Я могу помочь, — настаивал Винн, потому что ему не хотелось оставлять Криса одного. — Мне уже доводилось помогать докторам. Военным докторам.

— Как?

— Ну, например, помогал отрезать ногу, когда началась гангрена у раненого солдата.

— Я не буду ничего отрезать твоему другу. Иди во двор, — сказал старик.

Глава 2. ВИНСЕНТ КРОКЕТ. КАК ЛЕЧАТ В ОКЛАХОМЕ

Иногда случается такое, что начинаешь завидовать чужим страданиям. Над Крисом уже хлопотали, он был при деле, исполняя главную роль в спектакле «Исцеление немощного». А я вдруг оказался лишним. Кругом слышалась приглушенная, непонятная речь, какая-то женщина юркнула мимо меня с ведром воды, доносились голоса мальчишек из конюшни, а я стоял один в этой тесной прихожей и мучительно пытался понять — что я тут делаю, как я тут оказался, и вообще, к чему это все?

Наверно, я всего лишь переутомился, когда удирал от шайки скотокрадов. Проще было бы остановиться, принять бой, да и отправиться на тот свет, прихватив с собой нескольких малоприятных попутчиков... Да если б Крис не был ранен, мы бы так и сделали! Мы бы им задали!

Я невольно усмехнулся, поймав себя на детской запальчивости. Как говаривал мой дядюшка Байярд, после обеда звук посуды кажется совсем не таким мелодичным, как до обеда. Зато картина боя становится тем красочнее, чем дальше ты находишься от этого боя, в пространстве и во времени.

Покончив с философскими упражнениями, я вышел на крыльцо.

Во дворе меня поджидал Питер.

— Пора пить кофе, — сказал он. — У тебя есть посуда?

— Да, конечно.

— Ты будешь жить у нас, — сказал Питер. — Пользуйся своей посудой. Есть кружка, тарелка, ложка?

— Я же сказал, есть. Как, по-твоему, мы обходились до сих пор?

— Люди по-разному обходятся, — заметил Питер. — Мне всегда хотелось знать, как обходились индейцы, пока мы не дали им чайники и кружки. У них же не было никакой посуды, только кожаные мешки.

— Я видел, как они кипятят воду в этих кожаных мешках, — сказал я. — Из костра вынимают раскаленные камни и кладут их в воду, прямо в мешки. Получается довольно быстро.

— Где ты такое видел?

— На Черных Холмах. Я жил у шайенов.

— Неужели они настолько обнищали, что остались без котлов и чайников?

— Есть у них и котлы, и чайники, — сказал я. — Все у них есть. Но старики говорят, что в железном котле вода портится.

— Старики везде одинаковые, — сказал Питер. — Здесь нет шайенов. Говорят, их резервация где-то за Симарроном. Но там сидят только женщины. А мужчины все в бандах. Так говорят. Но это далеко. У нас тут живут кайова и команчи. Они мирные. Мы с ними ладим. А ты был у шайенов в плену?

— Нет. Просто жил.

За домом, под деревом был накрыт небольшой стол с двумя лавками, врытыми в землю вдоль него. Рядом с кофейником на белой фаянсовой тарелке высилась гора душистых оладьев. В круглой открытой масленке таяла ярко-желтая пирамида масла, а на блюде расплывался густой бурый мед.

— Садись, — сказал Питер и сел первым, перекрестившись. Свою шляпу он повесил на ветку. — Ешь, все наше, домашнее. Мы не покупаем еду.

— Что-то я не заметил по дороге ни одной лавки, где можно было бы купить хоть что-нибудь, — сказал я, пристраивая свою шляпу рядом. На ветке было еще несколько оструганных сучков, предназначенных для шляп.

— Ты просто пришел не с той стороны. Там, за рекой, есть поселок. Еще дальше есть станция. Можно сесть на поезд и поехать в город, он называется Гудворд, там можно купить все, что тебе надо. Но еду покупать глупо.

— Такую еду не купишь, — согласился я, намазывая мед своим ножом. — Вкусно. Никогда не видел такого меда.

— Этих пчел мы привезли с собой из самой Джорджии, — с усмешкой сказал Питер. — Они все пережили вместе с нами. Они вместе с нами горели и вместе с нами тонули, и теперь живут здесь вместе с нами. Пятнадцать лет мы живем здесь.

— Неужели пчелы живут так долго? — удивился я.

— Да нет, пчелы умирают. Но семья остается та же самая.

— А где вы тонули?

— На Миссисипи, где же еще, — гордо сказал Питер. — Мы ехали на пароходе. Взорвался котел. Начался пожар. Мы были на правой стороне, и она вся обвалилась в воду. Лошади утонули, корова тоже. У нас было два мула, они тоже утонули. Хорошо, что все наши вещи, и пчелы тоже, были в телеге. Телега не утонула. Мы держались за нее. И другие люди тоже держались. Вода была очень холодная.

— Когда это было?

— Семьдесят девятый год. Апрель. Пароход «Быстрая Стрела». Может быть, слышал? Там погибло много народу, об этом еще долго вспоминали.

Меня забавляла та детская гордость, которая звучала в его голосе при упоминании о банальном кораблекрушении. Я вырос на Реке, и с рождения называю Рекой только Миссисипи. Все остальное — речки. О том, как взрывались, горели и тонули пароходы, я слышал с детства. На отмели близ Батон-Ружа, наверно, и сейчас виднеется обломок трапа с самой «Султанши» — этот пароход сгорел в пятистах милях выше по течению, и тогда

погибло больше двух тысяч людей — и мальчишками мы подплывали к этим, все еще крепким перекладам, белеющим над желтой водой, как скелет какой-то гигантской рыбыны...

— Может быть, и слышал, — сказал я. — В те годы на реке такое случалось довольно часто.

— В апреле вода холодная, люди умирали от холода, даже те, кто смог выбраться из воды. Умирали на берегу. Нас было четыре семьи, и все остались живы. Только без лошадей и мулов. Толкали телегу сами. Восемь дней до города. Город Вильсон. Там купили пару мулов и поехали дальше на запад. Мы ехали все время на запад. Саванна, Атланта, Мемфис, Вильсон. Потом Арканзас. Все время на запад.

— Тогда еще многие ехали на запад, — сказал я.

— Мы искали хорошую землю. Мы дошли до края земли.

— По-твоему, здесь край земли?

— Да, — сказал Питер. — Дальше на запад — плохая земля. Горы и пески. Дальше не надо ехать. Мы остановились здесь. Сначала четыре семьи, потом приехали другие.

— Я слышал, что индейцы были недовольны, когда белые стали селиться на их землях, — осторожно сказал я. — И армия здесь не особо помогала.

— Армия? Зачем нам армия? Разве мы не такие же люди, как индейцы? — Питер улыбнулся. — Одна голова, две ноги, две руки. Люди всегда могут договориться. Мы к ним с уважением, и они к нам с уважением. Мы пришли на свободное место, здесь никто не жил. Только кайова, но мы им не мешали. У нас не было тогда лошадей, а индейцам нужны только лошади и бизоны. Наши отцы сами пошли к ним, когда их шатры появились поблизости. Мы не знали, вернутся они или нет. Мы за них молились, и они вернулись. Отнесли индейцам хлеб и табак, а они им дали свои мешки и сумки для воды⁴. Тогда вождем кайова был Темный Бык, отец нынешнего Темного Быка. Отцы попросили у него разрешения жить на этом берегу, потому что здесь была хорошая земля для пшеницы. Темный Бык сказал: «Я не белый человек! Я не провожу границ по земле или по воде. Это белые люди устанавливают правила для других. Живите там, где вам нравится. Земля большая, ее хватит на всех». С тех пор мы с кайова ладим. Очень ладим. Они давно бросили кочевать, потому что бизонов больше нет. Кайова сейчас живут рядом с нами, команчи тоже. Работают у меня, когда хотят. Здесь в округе еще много индейцев, разных индейцев. Некоторые даже работают на карьере, некоторые в бандах. А наши никуда не уходят, живут рядом с нами. Мы с ними ладим. Породнились уже. У одной сестры моей — муж из кайова. Сейчас он придет.

— Зачем?

— Помогать будет. Лечить будем твоего друга. — Питер снова улыбнулся, но на этот раз хитровато. — Надо белую лошадь от него хорошо закрыть, чтобы не увидел. Он с ума сойдет, если ее увидит.

— А откуда он знает, что мы здесь?

— Отец сразу позвал, — сказал Питер и, свернув пару оладьев в трубочку, отправил их в рот. — Ты кушай, кушай, а то остынет все. Индейцы хорошо лечат. Молятся по-своему, креститься мы их научили по-нашему, а травки да корешки вместе собираем в горах, в лесу, в поле. У нас даже кладбища нет. За пятнадцать лет никого не хоронили. Нехорошо будет, если твой друг умрет.

— Он не умрет, — сказал я. — Такой человек, как он, не может умереть от одной пули.

— От одной пули? Я видел, как люди умирают от комариного укуса, — возразил Питер. — Ты знаешь, что такое болотная лихорадка? Я сам рыл огромные могилы для тех, кого укусил маленький комар. И никто не мог им помочь. Пулю можно вытащить, раны можно перевязать, а с лихорадкой ничего нельзя сделать. Но здесь у нас нет таких комаров и

⁴ Емкости, изготовленные из желудка бизона.

никто не умирает от лихорадки. У нас здесь никто не умирает.

Мимо нас молча прошла Энни, она несла лопату на плече. Я проводил ее взглядом и сказал:

— Она собирается копать? Я могу помочь ей.

— Сама справится. Им нужно немного песка, чтобы лечить твоего друга, — пояснил Питер.

Мне оставалось только понимающе кивнуть, хотя я и сомневался в целебной силе песка. Ладно, им тут виднее. Крису я уже ничем не могу помочь. Но мне было слишком тяжело сидеть без дела и слушать нескончаемую болтовню гостеприимного хозяина.

— Может быть, для меня найдется какое-нибудь дело? Не могу же я целый день сидеть и пить кофе.

— Ты устал с дороги.

— Я уже отдохнул.

— Как насчет того, чтобы срубить старое дерево? — поинтересовался Питер.

— Я готов.

Он широко улыбнулся и встал из-за стола. Его лицо просто светилось от радости, словно я сообщил ему о рождении ребенка.

— Спасибо тебе, Винсент Крокет, — сказал он.

— За что?

— Я давно ждал достойного помощника для такого дела. Мне сразу показалось, что ты подойдешь. Я ждал, пока ты сам захочешь мне помочь. Это очень, очень важное дело.

Я дожевал последнюю пару оладьев и допил кофе, и Питер подал мне мою шляпу.

— Вдвоем мы справимся быстро. Это хорошее дерево. Его в прошлом году разбило молнией, оно хорошо высохло за осень и зиму. Я собирался спилить его еще зимой, но времени не было, — говорил Питер, направляясь к сараю. — А если не спилить его сейчас, придется снова ждать зимы. Такие деревья пилят только зимой.

Мы взяли с собой двуручную пилу, топор и клин. Проходя мимо дома, где остался Крис, я увидел, что на крыльце сидели трое. С черными длинными волосами, связанными в пучок. С плоскими лицами кирпичного цвета, и такими же оживленными, как кирпич. Двое были в синих комбинезонах и клетчатых рубашках с засученными рукавами. На ногах у них были грубые ботинки. Третий, толстый и невысокий, был в белой рубахе, в армейских синих брюках с когда-то желтыми лампасами, и босой.

— Здравствуй, Квато, — сказал Питер толстяку. — Хорошо, что ты быстро пришел. Это Винсент Крокет. Его друг ранен. Надо лечить.

Индейцы встали и каждый по очереди назвал себя, прикладывая ладонь к животу:

— Квато. Дэн. Бен.

— Винн, — сказал я и тоже приложил ладонь к животу.

— Мы идем рубить дрова, — сказал Питер. — Винсент Крокет хочет помочь нашей семье. Он был в Мексике. Он жил среди шайенов. Теперь будет жить с нами.

Индейцы смотрели сквозь нас, и казалось, что они ничего не слышат.

Мне действительно довелось прожить полтора года в племени шайенов, и я имел представление об индейской медицине, но сейчас об этом лучше было помалкивать. Насколько я разбирался в их сложной истории, шайены считались злейшими врагами племени кайова, потому что когда-то вытеснили их с занимаемых земель на Черных Холмах. Шайены вытеснили кайова, а кайова потеснили команчей на их территориях, а команчи еще кого-то заставили перебраться в другие места. На этой просторной земле почему-то вечно все теснят друг друга. Наверно, эта земля слишком недавно приняла к себе людей, вот они и суетятся, толкаются, все пытаются устроиться поудобнее. Теперь и белые втянулись в этот круговорот и принялись вытеснять с обжитых мест сразу всех индейцев без разбору — и шайенов, и кайова, и команчей...

Конечно, рано или поздно все устроится. Межплеменные войны, кстати говоря, давно уже в прошлом. Вражда осталась в песнях и сказках, а в быту я своими глазами видел

совершенно обычные отношения. Не слишком теплые, но вполне взаимовыгодные. Кайова объединились с команчами и принялись грабить поселения белых, угоняя оттуда лошадей. Табуны пересекали просторы Великих Равнин с юга на север и оказывались у шайенов. А взамен команчи с кайова получали котлы, одежду, оружие и одеяла, которые предприимчивые шайены, арапахо и сиу отбивали на большой дороге у своих белых. Так продукция северных заводов поступала на юг. Это был налаженный и устойчивый товарооборот по другую сторону Фронтيرا⁵. И когда у белых достанет ума наладить торговлю на индейских территориях, грабежи и налеты резко сократятся. Кто-то этому будет рад, а кто-то, наоборот, огорчится, потому что куда в таком случае прикажете девать кавалерийские полки, которым платят за то, чтобы они защищали белых от грабежей и налетов?

Мы поднимались по узкой тропинке вдоль косогора, и я издалека увидел то дерево, которое мне предстояло превратить в дрова. И, должен признаться, я уже корил себя за столь необдуманный шаг. Конечно, рано или поздно мы своего добьемся, и этими дровами будут топить печь и дети Питера, и дети его детей, и все они будут, надеюсь, вспоминать меня добрым словом. Но я надеялся провести остаток жизни где-нибудь в другом месте, а не здесь, на этом косогоре...

Сколько же лет он стоял здесь, этот дуб? Как ему удалось выжить на склоне, ведь рядом нет ни одного деревца? Когда-то он был просто желудем, потом превратился в росток — его не затоптало копыто бизона, и не подпилили зубы кролика... Говорят, дубы живут веками. Сколько же он жил, прежде чем принял на себя удар молнии? Славное дерево, и славная смерть.

Мы встали на колени перед этим вековым дубом, и острые зубья гибкой пилы выбросили на пожухлую траву первую струйку опилок. Через пять минут Питер стянул с себя рубаху, и я последовал его примеру. Понятно, почему такие деревья пилят только зимой. Даже под лучами робкого мартовского солнца я взмок от пота, словно в мексиканской пустыне.

— Отдохнем, — скомандовал Питер и повалился на спину, раскинув руки. — Дуб хорошо высох. Мы быстро справимся.

— Надеюсь.

— Дубовые дрова лучше всего. Лучше, чем уголь. К тому же уголь надо покупать. Глупо платить деньги за то, что можно получить даром.

— Многие платят деньги, чтобы сберечь свое время, — сказал я.

— Ты куда-то торопишься? Нет. Я тоже. У нас есть время, пока отец лечит твоего друга.

— Он врач, твой отец?

— Нет. Но он умеет лечить. Он умеет все. Знаешь, он был рабом.

— Белый раб?

— Да. Его хозяином был русский граф Полянский. Он приехал в Америку перед войной и привез сюда своих рабов, человек пятьдесят. Когда началась война, граф присоединился к армии северян. На свои деньги устроил госпиталь, приглашал лучших врачей, а его рабы служили санитарями. В конце войны они оказались во Флориде. И там граф умер от лихорадки. Госпиталь развалился, и все люди графа остались без хозяина. Они могли вернуться в Россию, но там для них не было земли. А им нужна была земля. Пошли батраками на фермы. Отец женился на дочке фермера, переехал с ней в Джорджию. Постепенно его земляки тоже перебрались к нему. Они всегда старались держаться вместе. А потом мы отправились на Запад...

— Так вы — русские?

— Нет. Мы из Джорджии. Ну, отдохнули, пилим дальше.

⁵ Фронтир — условная граница, разделяющая поселения белых и индейские земли.

Питер встал на колени, поплевал на ладони и снова схватился за рукоятку пилы. И снова брызнули струйки опилок из-под звенящих зубьев.

На этот раз мне показалось, что мы пилим гранит. И когда Питер остановился и скомандовал: «Отдыхай», я раньше него повалился рядом с дубом.

— Все называют нас русскими, — говорил Питер. — Пускай, мне все равно. Мы пришли сюда первыми. Потом появились другие с Востока. Немцы, чехи, англичане. Много их было. А сейчас почти никого не осталось. Они думали, что смогут прокормиться на этой земле. Но здесь тяжелая земля. Мало дождей. Очень трудно собрать хороший урожай. Поэтому все уехали. Остались только мы.

— Почему вы остались?

— Нам здесь хорошо. Земли много, людей мало.

— Ты же говоришь, здесь «тяжелая» земля.

— Ну и что? У нас есть хороший плуг, «Джон Дир». Есть сильные лошади. Мы ладим с этой землей.

Я подумал, что Питер «ладит с землей» примерно так же, как сейчас мы пытались поладить с этим дубом. И мне стало понятно, почему его соседи подались в иные края.

— Человек имеет право жить там, где ему легче, — сказал я.

— Мы останемся здесь, — сказал он. — Те, кто уехал отсюда, сейчас копают землю на рудниках в Колорадо. Или тут неподалеку, на угольном карьере. Наверно, им больше нравится копать и выбрасывать землю, чем пахать ее, сеять зерно, собирать хлеб. Им больше нравится получать деньги каждую субботу. Им больше нравится каждое воскресенье пропивать эти деньги в кабаке.

— Ну, должен же кто-то добывать уголь...

— Уголь не растет, как пшеница. Он кончится. Здесь мало угля. В прошлом году уже иссяк один карьер, и всем пришлось уехать. Осталась только горда глины и огромная яма. Вот и все, что осталось после двенадцати лет. Здесь будет то же самое. И всем этим людям придется снова ехать куда-то. Все начинать сначала. И так они будут кочевать по всей земле. Они будут добывать хлеб в лавке, они будут жить в чужих домах, они будут греться чужим огнем. А мы останемся здесь, и у нас все будет свое, не чужое. Свой дом, свой хлеб, свой огонь. У тебя есть свой дом?

Я не сразу ответил.

— Да, есть. В Луизиане.

— Это далеко.

— Когда-нибудь я до него все-таки доберусь, — сказал я. — Кажется, мы слишком долго отдыхаем.

— Ты уже торопишься домой, Винсент Крокет! — засмеялся он, берясь за пилу.

Мы еще не добрались до середины, когда снизу прибежал мальчонка с узелком. Белоснежная тряпица раскинулась на земле, густо усеянной опилками, и мы пообедали отварным картофелем и жареными цыплятами. В черном глиняном кувшине с индейским орнаментом было козье молоко. Хлеб был пышным и душистым, горячим внутри, со смуглой мягкой коркой.

Еда придала нам сил, но работа не пошла быстрее, дуб обрушился на землю уже на заходе солнца. От удара даже горы подскочили, но у нас не было сил радоваться своей победе. И мы долго молча стояли над ним. Впрочем, даже лежа на земле, дуб закрывал от нас закатное небо своими голыми длинными ветвями.

— Вот и все, — сказал я.

— Это еще не дрова, — покачал головой Питер. — Нам еще пилить и пилить...

До наступления темноты мы успели срезать всего лишь две нижние ветки. Возвращаясь в деревню, я думал только о том, что через несколько часов мне придется снова подниматься по этому косогору. Краем глаза я заметил, что окна дома, где остался лежать Крис, были закрыты ставнями, но из щелей пробивался красноватый свет. Я хотел бы спросить, как идет лечение, но возле дома никого не было — ни индейцев, ни старика с седой бородой.

Питер, как оказалось, устал не меньше меня. Он молча сидел за столом, а сестры в белых платках порхали вокруг, подавая тарелки и подливая молоко в кружки. Энни среди них не было, и это меня не удивило. Эту молчунью я скорее мог представить гарцующей верхом на мустанге, чем снующей по кухне.

— Твой друг спит, — сказал Питер, отодвигаясь от стола. — Ты тоже ложись. Все будет хорошо. Если ты торопишься, можешь оставить его здесь. Мы проводим тебя до станции.

Я хотел ответить, что у нас, Крокетов, не принято останавливаться на середине дела, но вместо этого только спросил, еле ворочая языком:

— А как же дрова?

Питер что-то приказал своим сестрам, и на столе передо мной появилась пустая кружка.

— Выпей на ночь, работать будет легче, — сказал Питер.

— Виски?

— Лучше, чем виски. Травяной чай.

Я поднял кружку и обнаружил на доньшке зеленоватую прозрачную жидкость. На вкус она была горькой, но приятной.

Мне постелили на широкой лавке вдоль стены. Я стянул сапоги и так и заснул, не раздевшись толком.

На рассвете мы были уже возле нашего поверженного великана. За ночь на месте битвы побывало много любопытствующих. На влажном от росы слое опилок я увидел следы енота. Он, похоже, осматривал, не найдется ли под рухнувшим деревом места для его новой норы. Здесь же виднелся глубокий отпечаток волчьей лапы. Как только топоры застучали по веткам, со всех сторон налетели синицы. Они внимательно обследовали каждую отлетевшую щепку, каждую полоску толстой коры. По их радостному писку я догадался, что сегодня мы щедро накормим это бойкое племя деликатесами — личинками, червяками да муравьиными яйцами, которые до сих пор были скрыты под корой.

Синицы не отставали от нас весь день, пока мы обрубали сучья и перепиливали ствол. Они не боялись нас, наверно, потому, что сегодня мы работали молча и этим не отличались от других их родичей — бобров или дятлов. Мы молча перекусили, и на этот раз вместо молока была та же самая зеленоватая жидкость, которой меня угостили на ночь. Этот горький прохладный напиток придал мне сил. Он бодрил, как хороший коньяк, но в нем не было ни капли спирта. И еще одно отличие — от любой выпивки у меня развязывается язык, а после этого «чая» на время потерял дар речи. Все слова казались пустыми и ненужными. Мы работали с Питером вполне согласованно без единого слова, и шумные синицы смешили меня своей болтовней. К концу дня мне стало казаться, что я уже различаю их по спинкам и голосам.

Назавтра целая стая этих желто-зеленых обжор поджидала нас и приветствовала нетерпеливым гвалтом. Мы принялись забивать клинья, чтобы расщепить колоды, и пичуги бесстрашно сустились рядом, чудом не попадая под удары кувалды.

Наверно, здесь и в самом деле был край земли. Давно я не встречал столько непуганого зверья. Отдыхая, я оглядывал лес и замечал, что из-за деревьев порой выглядывает голова оленя.

— Жалко, что я оставил внизу ружье. Можно было бы недурно поохотиться, — сказал я.

— Зачем? Тебе не хватает еды?

Я пристыженно перевел взгляд вниз и увидел, что к нам поднимается одна из сестер Питера. Мне захотелось, чтобы это была Энни, но отсюда я не мог разглядеть ее лицо, наполовину закрытое белым платком. Она вела за собой пару мулов, а за ними катилась открытая двухколесная тележка под дрова.

— К нам идет помощь, — сказал я.

— Энни? — Питер посмотрел из-под ладони. — Я ее не звал. Что-то случилось!

- Как ты ее разглядел отсюда?
- Только за ней мулы сами идут в гору. Мне или тебе пришлось бы их тянуть.
- Она колдунья?
- Нет. Просто ее все боятся.
- И ты?
- И я. И ты будешь бояться, когда узнаешь.
- Она не показалась мне слишком страшной, — сказал я. — Видали и пострашнее.
- Смейся, смейся. Вспомнишь еще мои слова.

Пока я укладывал поленья на тележку, они перекинулись парой тихих фраз, а потом вдвоем набросились на оставшиеся чурбаки. Я невольно залюбовался их слаженной работой. Широкая спина Питера бугрилась вздувшимися мышцами. Он легко вздымал над головой тяжеленную кувалду и со всего размаху обрушивал ее на клин, ловко вставленный сестрой в щель.

— Надо проводить отца, — сказал Питер, поднося к тележке охапку поленьев. — За ним приехали люди с ранчо, там раненый. Надо помочь. Я поеду с ним.

— Ты не говорил, что тут поблизости есть ранчо. Про карьер сказал, а про ранчо — нет.

— На карьере есть работа для тебя. А это ранчо... Его старый хозяин уехал. Бросил все и уехал куда-то. Сейчас там живут новые люди, и я ничего о них не знаю. Как же я мог отправить тебя к незнакомцам?

— Ну, раз они просят у вас помощи, значит, вы все-таки немного знакомы.

— Об отце многие знают, — сказал Питер. — Если незнакомец просит о помощи, нельзя отказывать. Мы поедem. Посмотрим, что за соседи у нас завелись.

— Можно мне тоже с вами? — спросил я.

— Не знаю. Как отец скажет, — ответил Питер, переглянувшись с Энни.

Она не смотрела в мою сторону, и я до сих пор не услышал от нее ни слова. Мы нагрузили тележку, обвязали поленья сверху и осторожно тронулись вниз по косоугору. От деревни в сторону реки удалялся всадник. Когда он скрылся за рощицей, Питер сказал:

— Наверно, плохи у них дела, если они послали за отцом. Эти пастухи нас не любят.

Отец стоял на крыльце. На нем был черный сюртук и белая рубашка со стоячим воротником. Лысину скрыла широкополая черная шляпа. В одной руке у него была кожаная сумка, в другой — узкая блестящая ножовка.

— Много дров, — сказал он. — Хорошая работа, Винн. Твой друг еще не проснулся. Он проснется через два дня. Не беспокойся, у него все будет хорошо. Дети присмотрят за ним. Отдыхай, а нам надо навестить еще одного раненого.

— Я не настолько устал, чтобы мечтать об отдыхе, — сказал я.

— Винсент Крокет хочет поехать с нами, — сказал Питер.

Старик испытующе поглядел на меня из-под низко надвинутой шляпы.

— Хорошо. Поедем втроем.

— Втроем? Квато не едет с нами? — спросил Питер.

— Он спит после ночи.

— Отец, — неожиданно заговорила Энни высоким и мягким голосом. — Мы же обещали, что не будем переходить реку одни.

— Мы не одни, — сказал Питер. — Винсент Крокет ничем не хуже, чем Квато и его братья.

— В самом деле? Ты уверен? — спросила она.

— Не время спорить, — ответил отец. — Седлайте коней, нам надо спешить.

Энни пожала плечами, а Питер ухмыльнулся и подмигнул мне:

— Ну как?

Я живо переоделся и зарядил револьвер. Опуская его в кобуру, я вдруг понял, что впервые за много лет у меня выдались целых три дня подряд, когда я не носил оружия. Эти три дня пролетели, как один час. С той самой секунды, когда мы встретили Энни в ущелье, время потекло иначе, чем до того.

Да, те три дня, за которые я «смог поладить»с дубом, пролетели, как один час. Но за те же три дня я постарел, наверно, на тридцать лет, ожидая, чем закончится лечение Криса. Мысленно я уже дважды похоронил своего последнего друга: когда стаскивал его обмякшее тело с седла и когда увидел в постели — обнаженного и окровавленного. Я боялся себе в этом признаться, но мне не верилось, что он выживет. И хуже всего было то, что я сам был во всем виноват. Это я предложил ехать напрямик. Это я не заметил чужих следов перед поворотом. И я не только опоздал с выстрелами, но и стрелял поверх противников. Я не хотел никого убивать, мне казалось, что достаточно будет их всего лишь припугнуть. Я ошибся, и вот теперь за мою ошибку расплачивается мой друг.

После таких рассуждений я еще раз прокрутил барабан кольта и несколько раз взвел и плавно опустил курок, слушая, не скрипит ли пружина. Складной нож спрятал в кармашек под поясом, а ножны с тесаком пристегнул к бедру. Я еще докажу этой девчонке, что Винсент Крокет не хуже, чем Квато и все его братья.

Когда я вывел Бронко из конюшни, Питер с отцом уже гарцевали во дворе. Я не сразу узнал своего недавнего товарища-дровосека. Сейчас на нем была алая шелковая сорочка и фиолетовый замшевый жилет с золотым шитьем. Белая фетровая шляпа, казалось, только что покинула витрину дорогого магазина. На ней не было ни пылинки, потому что ее надевали только по торжественным случаям. Например, для выхода в свет.

Я невольно задержал взгляд на его седле. Такие обычно называют северными, и ковбои не пользуются ими из-за излишней тяжести и длины. Слишком много тисненой толстой кожи, слишком много серебра. Широкая, сплетенная из разноцветных шнуров подпруга была украшена дюжиной свисающих кисточек. Для простого фермера такое седло было неоправданно роскошным. Я понимал, что ни одна деталь здесь не была лишней. Вычурное тиснение на коже сиденья и фартука своим рельефом позволяло всаднику надежно удерживаться в седле, а не елозить бедрами. Серебряная отделка швов предохраняла их от гниения. И даже кисточки, свисающие с подпруги, делали свое дело — они раскачивались и отгоняли слепней от брюха лошади. Я все это понимал, но ведь Питер не намеревался пересекать континент, он просто собрался навестить соседнее ранчо.

Сейчас его можно было принять за богатого мексиканского помещика, а его отец, весь в черном, казался священником. Рядом с ними я, наверно, выглядел батраком. Старик передал мне свою ножовку, я опустил ее в ружейный чехол за седлом, и мы поскакали к реке.

Дорога шла вдоль проволочной невысокой изгороди, отделяющей от целины вспаханное, но незасеянное поле. Молодая рощица за поворотом расступилась перед нами, и бледные листья несмело шелестели над головой. Среди тонких серебристых стволов чернели обугленные пни, следы давнего пожара. Мы перемахнули через сверкнувший под копытами ручей и спустились к броду.

За рекой поднимались холмы, поросшие редкими пятнами кустарника. Среди зелени травы тянулись длинные песчаные языки, часто кончавшиеся промоинами и оврагами.

— Я еще помню, как здесь была трава выше меня! — выкрикнул на скаку Питер, повернувшись ко мне.

— Ты сам тогда был не выше зайца, — сказал его отец.

Из-за холма выглянуло колесо ветряка, сверкающее на солнце своими лопастями. Скоро мы увидели и само ранчо — двухэтажный хозяйский дом, высокий амбар и приземистый барак с подслеповатым окном и жестяной трубой. Ни лошадей у коновязи, ни скота в загоне не было. Подъехав ближе, я увидел, что окна хозяйского дома закрыты ставнями, а на двери висит замок. Двери амбара были сорваны с петель и стояли рядом, прислонившись к стенке. С блока подъемной балки амбара свисал обрывок веревки. Похоже, на чердак давно уже не поднимали ни одного тюка сена. И хотя ветряк продолжал крутиться под легким ветром, я не расслышал работы насоса, качающего воду из скважины, — ветряк крутился вхолостую... На жердях ограды загона неподвижно сидел человек в широкополой шляпе. И если бы не эта одинокая фигура, можно было подумать, что ранчо давным-давно заброшено.

Питер сбил шляпу на затылок, привстал в стременах и приставил обе ладони к губам, издавая традиционный ковбойский вопль. Тощий ковбой, сидевший на заборе, вяло махнул нам рукой.

Подскакав к нему, Питер спросил, осаживая коня:

— Что тут у вас стряслось? Кого ранили?

Ковбой выплюнул табачную жвачку и оглядел нас:

— Я просил приехать только доктора.

— Вот мы и привезли тебе доктора, — сказал Питер. — Где раненый?

Тощий кивнул в сторону барака.

— Винн, — повернулся ко мне отец Питера. — Ты говорил, что помогал врачам. Ты еще не забыл, как это делается?

— Запомнил на всю жизнь.

— Тогда ты пойдешь со мной. Питер, разведи огонь в жаровне. Вот тебе железный клин, как следует разогрей. Докрасна. Мы тебя позовем.

Он первым вошел в барак, я последовал за ним. Внутри было темно и душно. У окна, занавешенного грязной тряпкой, лежал на драном тюфяке тщедушный парень в красном белье с перевязанной до локтя рукой. Сапоги и одежда валялись рядом на полу. Раненый прерывисто хрипел, выпуклые веки его закрытых глаз блестели от испарины. Старик наклонился над ним и взялся за запястье здоровой руки.

— Парень, твое сердце играет барабанную дробь, — проговорил он через полминуты, вытирая пальцы платком. — Куда это ты так торопишься?

— Мне ничего не помогает, — ответил тот. — Я умру, да? Умру?

— Не сегодня, — сказал старик. — Кто это тебя так замотал?

— Я сам...

Старик покачал головой и снял с парня окровавленную тряпку.

— Это гангрена? Да? Гангрена? — спрашивал раненый, отвернувшись к стене.

На его месте я бы тоже не рискнул заглянуть под снятую повязку. Старик внимательно оглядел заплывшую рану, а затем стал осторожно прощупывать руку выше посиневшей кисти, всматриваясь под разными углами в следы своих пальцев и даже обнюхивая их.

— Пока это только воспаление, — сказал он наконец.

Я подумал, что он не так много смыслит в медицине, если называет гангрену воспалением. Но в следующий миг мне стало ясно, что старик заговаривает парню зубы.

— Значит, руку можно спасти? — спросил тот.

— Можно.

— Сам подумай, куда я денусь без руки? Хотя и левая, а все равно жалко...

— Не бойся, спасем твою руку. Когда тебя ранило?

— Три дня назад. Я присыпал рану землей, но это не помогло...

— Присыпал землей... — повторил старик. — В следующий раз не делай этого. У тебя есть виски? Я вижу только пустые бутылки.

— Виски унесли... Они бросили меня тут подышать одного, и даже виски унесли.

— Не хнычь, ты же крепкий парень. Вот, выпей из моей бутылки, — старик приставил горлышко к обветренным сухим губам. — Пей, пей еще... Отдохни. А теперь пей все до дна.

Продолжая держать парня за руку, он повернулся ко мне и сказал, незаметно показывая на сумку:

— Вот видишь, что бывает, когда попадает грязь. Земля — это еще не самое плохое. Хуже, когда рану начинают промывать водой из реки или из лужи...

Пока он говорил, я открыл его сумку и достал нож с тонким закругленным лезвием. Старик удовлетворенно кивнул:

— Посмотри, как там Питер, и сразу возвращайся.

Я шагнул к выходу, но тут за окном послышалось тревожное ржание Бронко, а затем — топот копыт. Сам не знаю, почему это меня насторожило.

Снаружи донеслись грубые голоса. Я спрятал нож за пояс, медленно и бесшумно

отступил к окну и осторожно отогнул тряпку, чтобы посмотреть, кто к нам приехал.

Их было двое. Не слезая с коней, они нависли над Питером, направив на него револьверы. Питер стоял у дымящей жаровни, независимо держа руки на поясе, и снисходительно улыбался. Казалось, он не замечал стволов, которые мелькали перед его лицом.

Ковбой, встретивший нас, сейчас стоял за спиной Питера с дробовиком в руках. Он ткнул его стволом в спину и выкрикнул:

— Я же просил, чтоб доктор приехал один!

Питер оглянулся и поправил шляпу, не переставая улыбаться. Он вел себя, как глухонемой иностранец, который к тому же не имеет ни малейшего представления о предназначении вороненых железок в руках его собеседников.

Впрочем, воинственные обитатели ранчо, как оказалось, разговаривали вовсе не с Питером. Они бранились между собой.

— Какого дьявола ты их сюда привел?

— Я же не знал... — оправдывался тощий. — Я думал, старик приедет один... Он поможет Сэму...

— Сэму все равно конец! А если Хаммер узнает, что ты привел чужаков в берлогу, то и тебе конец, идиот!

— Они ничего не скажут...

— Это уж точно!

— Вы только посмотрите на этого олуха! Вырядился, как на свадьбу, а попал на собственные похороны. Чего ты улыбаешься, мистер? Ты еще не понял, что тебе конец?

Я услышал негромкий голос старика у себя за спиной:

— Вот и поймали нас. Поймали, как раков на дохлятину.

— Кто такой Хаммер? — спросил я.

— Не знаю.

Когда человек размахивает револьвером у тебя перед носом и говорит, что тебе пришел конец, ему можно верить. На Западе не разбрасываются словами. И мне непонятно было, почему Питер продолжает улыбаться.

Наверно, он улыбался потому, что ему больше ничего не оставалось делать. Оружия у него не было, бежать некуда. А может быть, он рассчитывал на меня.

Если так, то он не ошибся.

«Как жаль, что все хорошее так быстро кончается», — подумал я. Признаться, совсем недавно я уже начинал подозревать, что в жизни моей наступили хорошие перемены. Приятно видеть на телеге гору дубовых дров, которые ты своими руками заготовил на зиму. Приятно украдкой следить за женщиной, которая молча шла по другую сторону повозки с дровами, и еще приятнее было думать, что эти дрова согреют ее зимой... Но вот появились эти трое, и из-за них мне не придется сидеть у огня рядом с этой женщиной. Потому что они вернут мою жизнь в старую колею.

Я расстегнул кобуру.

— Не надо, — сказал старик.

— Вы позволите мне самому поговорить с ними?

— Они пришли за нами, не за тобой, — сказал старик. — Может быть, все обойдется, если я выйду к ним. А тебе лучше побыть тут с раненым.

— Здесь слишком душно, — сказал я и достал кольт, видя, как тощий приблизился к тем двоим, которые уже спешили и наседали на Питера.

Мне пришлось выждать еще немного, пока Питер, заметив меня в дверном проеме, не сообразил отойти от них в сторону на несколько шагов.

— Куда ты, куда, птенчик? — заржал один из бандитов, поднимая револьвер. — Хочешь побегать? Ну, побегай, побегай по загону, повесели публику!

Он выстрелил, и песок взорвался у ног Питера. Тот невольно подпрыгнул на месте, вызвав радостный гогот стрелявшего.

— Что, обделался, птенчик? Жалеешь, что не потратился на ствол? Запомни, мужчина должен носить не только штаны, но и оружие. Тогда его и убить не стыдно. А на такого желторотого и пулю тратить обидно!

— погоди, Джо, — сказал тощий. — Пусть они сначала подлечат Сэма.

— Сэм? (выстрел, прыжок Питера и новый взрыв хохота). Твой Сэм все равно (выстрел) подойдет (выстрел, выстрел, выстрел), — он откинул барабан, вытряхнул гильзы и оглянулся. — А чья это третья лошадь?

— Да приехал с ними какой-то белобрысый.

— Еще один птенчик? Где он?

— Вроде в бараке...

Они повернулись к бараку и увидели меня. Сначала меня, а потом мой кольт, нацеленный на них от пояса.

Наверно, они ждали, что я что-нибудь скажу. Например, попрошу не двигаться или бросить оружие на землю. Может быть, они даже ответили бы на все мои вопросы. Но мне нечего было спрашивать у них, потому что все было ясно. Да, их было трое, а я один. Но откуда им было знать, как легко проворачивается барабан в моем кольте? Я нажал на спуск и не отпускал его, левой ладонью отводя курок три раза подряд. Первый упал на месте, второй успел открыть рот и шагнуть назад, а тощий даже выстрелил из дробовика — в землю под собой.

Питер подбежал к их телам и носком сапога отшвырнул револьверы. Потом наклонился, заглядывая в лица.

— Наповал, — он выпрямился и поправил шляпу. — Ты не оставил им шансов, Винсент Крокет.

— Зато теперь у нас есть шанс выбраться отсюда живыми, — сказал я. — Пока сюда не примчались их друзья, надо уходить.

Я торопливо отвязал Бронко и уже перекинул поводья через его голову, но глухой бас старика остановил меня:

— Надо закончить то, для чего мы сюда приехали

— Что?

— У нас на руках раненый.

— Раненый? По-моему, он заодно с теми, кто сейчас лежит во дворе. Эти парни — из одной шайки.

— Да, похоже на то. Но раз уж я сюда приехал, дело придется довести до конца. Я уже дал ему выпить сонной настойки, — сказал старик. — Жалко тратить ее впустую. Пока она действует, мы закончим.

— А долго он еще будет спать?

— До утра. Если не умрет ночью. Питер, разогревай клин. Винн, пойдем, приготовим больного.

— Одну минутку, сэр. Мне надо подготовиться самому.

Я быстро перезарядил кольт, набил оружейный пояс чужими патронами и перекинул через плечо пару винчестеров. Теперь я был готов продолжать лечение, не теряя из виду дороги, которая все еще оставалась пустынной.

Питер стоял у жаровни, держа стальной клин в длинных клещах над огнем. Клин уже посветлел на конце.

— Ты быстро стреляешь, — сказал он. — Но, кажется, ты стреляешь быстрее, чем соображаешь. Что нам теперь делать с тремя трупами? Я даже не взял с собой лопату.

— Лопата не понадобится.

— Но с ними же надо что-то сделать.

— Есть один простой способ. Помогите мне.

Мы подтащили тела к коновязи. Лошади пугливо шарахались, чуя кровь, но мы все-таки смогли уложить и привязать каждого убитого поперек седла. А потом я отпустил лошадей и поторопил их свистом. Они разбежались в разные стороны, унося своих

безмолвных наездников. Я подумал, что это были краденые лошади, и каждая помчалась сейчас к тому загону, откуда ее похитили.

— Куда вы запропалились? — послышался из барака сердитый бас старика.

Я достал из-за пояса его короткий нож, быстро провел клинком над огнем, чтобы очистить лезвие, и вернулся в барак.

Мы уложили руку раненого на табурет рядом с тюфяком, так, что распухшая синяя кисть свисала над полом. Я сел на его локоть и подал нож старику. Он продолжал непрерывно разговаривать с раненым, который сквозь сон вяло и односложно отвечал ему.

— Кожа черной становится, потому что в ней мертвая кровь застоялась. Ты же не хочешь носить в себе мертвую кровь, верно?

— Да...

— Вот мы ее сейчас и выпустим...

— Да...

— Ты сюда из Техаса приехал?

— Да...

Я услышал легкий треск. Это лезвие ножа скользнуло по вздувшейся коже, и она расступилась под ним. Гнилостная вонь разлилась в воздухе.

— А правда, что в Техасе от жары на скотине шерсть тлеет?

— Да...

Старик приложил к раскрывшейся ране свою ножовку, и я отвернулся, покрепче прижав руку к табурету. Несколько коротких движений — и кисть со стуком отвалилась на пол.

Парень заскулил, но тут в барак вошел Питер, держа перед собой клещи с пылающим малиновым клином. Старик бесцеремонно толкнул меня с табурета и согнул обрезанную руку в локте, а Питер сноровисто приложил клин к срезу, из которого хлестала тонкими струйками кровь. Рана зашипела, парень пронзительно вскрикнул и сразу затих.

— Держи ее так, — скомандовал старик, и я встал на колени перед табуретом, на который опиралась локтем рука парня. Рана дымилась прямо у меня перед носом.

Старик ловко обмотал культю длинной белоснежной тряпкой и бережно уложил руку на грудь раненого. Тот дышал прерывисто и часто, и его закрытые глаза напряженно жмурились.

— Поздно он нас позвал, — покачал головой старик. — Чего ждал? Вот и остался без руки. Ну да ничего, выкарабкается как-нибудь. Что у него там было?

Питер присел на корточки над отрубленной кистью в луже крови и перевернул ее остывающим клином, с любопытством разглядывая рану.

— Пуля. Прошла ладонь почти насквозь, под углом. Зашла снаружи, застряла в мякоти у запястья. Его счастье, что пуля маленькая.

— Маленькие пули тоже убивают, — сказал старик, укладывая в сумку свой нож. — Но мальчишку, похоже, хотели только ранить. Кто-то хотел его просто напугать.

— Или выбить ружье у него из рук, — сказал я. — Ему дали шанс.

Глава 3. ПУТЕШЕСТВИЕ В МЕРТВУЮ ДОЛИНУ

Противник стрелял в него из винтовки, даже не надеясь попасть, — парень держал приклад у пояса, и нажал на спуск, не целясь. Крис выстрелил одновременно с ним. Он хотел его обезоружить, и это ему удалось. Винчестер упал на песок, а парень схватился за руку. Но за миг до этого Крис почувствовал, что его словно кто-то сзади дернул за рубашку. Гром выстрелов пришел позже, и еще позже он ощутил режущую боль в боку и спине.

Винн выстрелил рядом с ним, и противники упали на песок, прячась за своими бычками. Крис круто развернул кобылу, чтобы одним прыжком выскочить из сухого русла. И с каждым ударом копыт о землю под ребрами у него вспыхивала мучительная, острая боль. Вскоре вспышки слились в одно пламя, и оно расширилось в бок, и каждый вздох

давался с трудом.

Он перетянул рану длинным шарфом, оперся на две скатки сзади, и боль под лопаткой немного затихла. Но теперь он перестал замечать свои ноги, словно потерял их. Он не чувствовал привычных толчков снизу. Он просто летел, оторвавшись от седла, и время от времени поднимался так высоко, что видел внизу под собой свою белую кобылу, скакавшую рядом с мерином Винна, видел пятнистую шляпу приятеля и его коричневую рубашку, потемневшую между лопаток. Ему стоило больших трудов вернуться в тряское седло и сквозь зубы отвечать на встревоженные вопросы Винна.

Когда он снова ненадолго очнулся, кобыла бесшумно плыла среди волнистого тумана, и где-то рядом шумело море.

— Вот я и дома, подумал Крис и провалился в звенящую черноту.

Голос отца раздавался где-то рядом:

«Ну, сынок, где ж тебя так угораздило... Осторожней надо быть, осторожней, не шататься где попало... Смотри, кусок рубашки внутри оказался. Вытащим, все вытащим, все до последней ниточки, нам тут грязи не нужно... А косточка-то целая, без осколков, только надломилась... Это мы склеим, срастется все, будет крепче, чем было...»

Материнская прохладная ладонь лежала на его лбу.

«Перекупался ты вчера, Кирюша, весь день в воде плескался, а вода ледяная... А кишки не пробило? А легкое? Ты легкие корзинки бери, которые поменьше, тяжелые пускай взрослые таскают...»

Его босые пятки стучат по скользким доскам причала, а тяжеленная корзина с рыбой рвется из пальцев, но он сжимает кулаки изо всех сил, он донесет эту корзину до телеги, а там уже грузчики ее подхватят... Ему тринадцать лет, его зовут Кирюшкой Беловым, и он здесь, на причале, самый младший, и грузчики в насмешку зовут его: «Эй, Кирила Петрович, не спи на ходу, а то замерзнешь!». Он тут меньше всех, но корзины таскает наравне со всеми. Смешная ты, мама. Где же ты видела легкие корзины?

— Лей сюда, — говорит отец, — лей, не жалея, ему не больно. Придави здесь. Тут подтянем, тут зашьем, а тут само зарастет...

Больно, больно! Крис закусил губу, чтобы сдержать стон. Он лежал лицом вниз в жесткой постели, и подушка под ним пахла свежим сеном. Больно... Все закружилось перед ним и внутри него, и он, кружась, полетел внутрь сверкающей воронки... Он летел быстро, быстрее боли, и она отстала, и только иногда догоняла его, чтобы хлестнуть сзади по спине...

Он упал на грязную палубу и покатился по ней, уворачиваясь от ударов матросского ботинка. Вдруг он оказался в трюме, здесь было темно, а за стенкой ритмично стучала машина, словно огромный железный барабан... Крис осторожно открыл глаза. Почему-то ему казалось, что боль обязательно вернется, как только он раскроет глаза. Но боли не было. И трюма уже не было. Это было давно, очень давно — причал в Одессе, трюм эмигрантского парохода, Нью-Йорк, портовые трущобы, пустой вагон, который унес его на Запад...

Он открыл глаза и увидел огонь. Яркое, почти белое пламя плясало в черноте, освещая незнакомые лица. Лица кружились вокруг него, и огонь тоже поплыл в сторону. Крис попытался повернуть голову, чтобы не терять огонь из вида, но голова его не слушалась, а вместо огня перед ним вырос огромный, невиданный цветок — белый тюльпан с махровыми лепестками, и по этим прозрачным толстым лепесткам змеились жилы, по которым пульсировала кровь, то желтая, то красная, то желтая, то красная. А машина продолжала гулко стучать где-то рядом... И кто-то сказал по-английски:

— Пей.

Горячее, вязкое варево заполнило рот, обожгло глотку, растеклось где-то в груди, и Крис выдохнул синее пламя.

— Еще пей.

Это была вода, твердая и хрустящая на зубах, он жевал ее и почему-то боялся проглотить. Он боялся, что все кончится, как только он проглотит эту хрустящую воду, а ему

не хотелось, чтобы это кончалось, ему хотелось и дальше разглядывать этот букет огромных прозрачных тюльпанов, которые разрастались вокруг, вытесняя черноту... Вдруг тюльпаны одним неуловимым движением срослись в прозрачную башню головокружительной высоты. Ее сверкающая остроконечная макушка упиралась в медленно плывущие зеленые облака, а в просветах между ними желтело и поблескивало вогнутое латунное небо... Винтовая лестница спиралью обвивала башню, и по узким высоким ступеням взбиралась все выше и выше маленькая фигурка, то исчезая за круглым боком башни, то показываясь вновь, но уже выше. Крис понял, что это он сам поднимается на башню. Он оставался здесь, в темной комнате, перед пляшущим огнем. И в то же самое время он был там, на высоте, наполненной ветром, который пытался сбросить его со скользких ступеней, и Крису приходилось прижиматься всем телом к выпуклой стенке, и цепляться пальцами за щели между кирпичами. И каждая ступень, которая оставалась позади, сразу осыпалась, и ее обломки летели вниз, кувыркаясь и отскакивая от стенки. Это дни моей жизни, понял Крис. Что остается за моей спиной? Ничего. А впереди только враждебное небо...

Кто-то потербил его за плечо, и он вздрогнул, открывая глаза. Но рядом никого не было.

Крис приподнял голову и огляделся. Бревенчатые стены и потолок, в узком окошке зеленеет склон горы. У окна на стене висит чужое ружье.

Детский голос произнес где-то рядом:

— Ой! Он проснулся!

Скрипнула, а потом хлопнула дверь, и босые пятки простучали по крыльцу и деревянным ступеням.

Он привстал в постели. На нем была чужая белая просторная рубаша и такие же штаны из домотканого, грубого полотна. Его белье, рубашка и джинсы были сложены рядом на табурете, тут же стояли его сапоги. Не переодеваясь, он встал босыми ногами на приятный, гладко выскобленный дощатый пол и подошел к двери.

За дверью оказалось низкое крыльцо. У Криса закружилась голова, и он опустился на ступеньку. Прямо перед ним вздымался крутой травянистый склон, дальше темнел густой хвойный лес, а еще выше, за лесистым гребнем, высились голые отвесные скалы.

Крис услышал шаги, и рука опустилась к бедру, но не нашла оружия, и на долю секунды сердце его замерло.

— Говорят, ты проснулся? — раздался голос Винна. — Похоже на правду.

Крис повернулся к нему всем телом, вставая на крыльце. Винн нес перед собой закопченный кофейник, за которым тянулся пар.

— Ну, ты как? — спросил Винн. — Не ходи босиком, старик. Пошли в дом. Я не знаю, умеют ли здесь лечить простуду.

— Все хорошо, — сказал Крис, возвращаясь вслед за ним в избушку. — Я долго спал?

— Шесть суток.

Крис недоверчиво посмотрел на него, но ничего не сказал и сел на постель.

— Точнее, пять суток и восемнадцать часов, — добавил Винн. — Подними руки, я сниму с тебя корсет.

— Корсет?

Он хотел ощупать бок, но рука наткнулась на что-то твердое. Крис удивленно разглядывал свою перебинтованную грудь.

— Что это за корсет на мне?

— У тебя сломано ребро. Пришлось наложить панцирь, чтоб оно быстрее срослось.

Винн ловко размотал повязку вокруг груди Криса и отделил от кожи изогнутую желтоватую пластину с отпечатками ребер внутри.

— Толченая кость, смешанная с кактусом и глиной, — сказал он. — Я записал состав, пригодится при переломах.

— Надеюсь, не пригодится, — сказал Крис. — Где это мы?

— У друзей. Ну-ка, вздохни поглубже. Подними руки. Опустит. Не больно?

— Нет.

— А посмотри на свой бок, — гордо сказал Винн. — Видишь, как дырка заросла? Сзади то же самое. Кожа как новая, даже лучше.

— Где ты этому научился? — спросил Крис. — Я и не знал, что ты такой отличный лекарь.

— Это не я. Конечно, я тоже кое-что умею, но главный доктор здесь — старый Лукас. Зато я заклепал тебе джинсы, можешь снова набивать полные карманы золота. Одевайся, старик. Сегодня ты будешь есть сам, хватит кормить тебя с рук.

— Меня кормили с рук?

— И кормили, и поили. Ты не помнишь?

— Нет, ничего не помню. Помню только, как в меня стреляли, а дальше — все в тумане. Я бредил?

— Нет, — сказал Винн. — Вот твоя рубашка. Она, к сожалению, не заросла так же хорошо, как кожа, но заплатку почти не видно.

Винн помогал Крису одеваться и продолжал рассказывать:

— Лукас был рабом. Их семья долго кочевала с места на место. Теперь они осели тут, на Территории.

— Ты с ними сдружился, как видно, — сказал Крис.

— Они нам здорово помогли, — сказал Винн. — Знаешь, я не так часто встречал людей, которые помогают незнакомцам.

Крис натянул сапоги и прошелся по комнате, чутко прислушиваясь к своим ощущениям. Ему казалось что он только что вернулся домой из какого-то далекого и удивительного края.

— А что ты делал без меня эти шесть дней?

— Развлекался изо всех сил. Пилил дрова, например. А еще исцелял немощных. Кстати, кажется, я нечаянно помог тому парню, который стрелял в тебя. Мы с Лукасом отпилили ему руку, а там сидела твоя пуля.

— Почему ты решил, что она моя?

— Потому, что в Оклахоме никто, кроме тебя, не пользуется двадцать вторым калибром. Здесь таких игрушечных патронов и не видели.

— Он остался жив после того, как ты его исцелил?

— Он — да...

Крис выжидающе смотрел на приятеля, и Винн закончил фразу извиняющимся тоном:

— Но трое других — нет. Крис, они устроили нам западню. Но сами в нее попали. Старик, я не собирался вмешиваться, все получилось само собой...

— Понятно, понятно. Долго же я спал, — покачал головой Крис. — Нам пора двигаться дальше.

— Сначала выпьем кофе. Ты шесть дней не пил кофе.

— Потом выпьем, — Крис надел шляпу. — Не могу больше сидеть в четырех стенах.

— Понимаю, — Винн улыбнулся сочувственно. — Пойдем во двор.

Крис пошел за ним, огибая дом. Его белая кобыла, щипавшая траву у забора, подняла голову и звонко всхрапнула, приветствуя хозяина. Рядом стоял, хлопая ушами и задумчиво глядя в сторону реки, конь Винна.

— А где люди? — спросил Крис. — Куда все подевались? Я помню, что были люди, много людей.

— Не так и много, — сказал Винн. — Все уместились в одном доме, включая соседей-стариков. Там идет военный совет.

— С кем война?

— С федеральным правительством.

— Неплохо. И ты, конечно, опять не собираешься вмешиваться.

Винн развел руками:

— Конечно, не собираюсь. Но все опять получается само собой!

Крис достал из кобуры револьвер и внимательно его осмотрел. «Смит-и-вессон» был вычищен и смазан, но в барабане не хватало одного патрона.

Над забором, обвитым густой сеткой хмеля, поднялась детская головка.

— Что случилось, Бенни? — повернулся Винн к мальчишке.

— Отцы зовут вас в дом, мистер Крокет. Вас и вашего друга.

За сараем был небольшой огород, через который вела узкая тропка, и по ней Винн с Крисом последовали за босоногим мальчишкой к большому бревенчатому дому с двускатной высокой крышей. Раздвинув легкие ветви сирени, они обогнули угол дома. Перед крыльцом, на лавочке чинно сидели женщины в белых платочках. Две пожилые, три помоложе, а одна — совсем девчонка, с зелеными глазами и вздернутым носиком. Она встала, заметив пришедших, и жестом пригласила их за собой, строго бросив на ходу:

— Шляпы снимите.

Крис вопросительно глянул на Винна, и тот шепнул: «Это младшая дочка Лукаса. С ней лучше не спорить». Крис снял шляпу и пригнулся, шагнув в темный и низкий дверной проем. В большой комнате вокруг длинного дощатого стола сидели мужчины в одинаковых белых сорочках с косо открытым воротом. Они замолчали и повернулись к двери.

— Это наши друзья из Техаса, — прозвучал низкий голос лысого старика, сидевшего во главе стола. — Мистер Крокет и мистер Беллоу. Винн, садитесь к столу. Сейчас мы закончим, подождите немного. Мы должны вам кое-что сообщить.

Он подождал, пока Крис и Винн не усядутся на лавку между потеснившимися мужчинами.

— Итак. Вот мы сидим за одним столом. Мы уже помещаемся за одним столом. А когда-то не помещались даже за двумя. Нас осталось мало. Многие уехали из этой долины. Но мы не уедем. Сколько нас? Девять семей.

— Десять, — сказал худой старик с висячими седыми усами. — Ты забыл про ирландца.

— Я не забыл про ирландца. Но старый Гэмбл отказался придти на совет. Он сам по себе. Я не знаю, что он будет делать, когда к его забору подойдут землемеры. Поэтому я не считаю его. Нас девять семей. Девять участков земли. Вчера инженер Скиллард передал нам последнее предупреждение. Он ведет сюда землемеров. Пусть ведет. Мы не пропустим их через наши участки. Они не должны пройти на этот берег. Эта земля не достанется правительству. От реки и до скал — вся эта долина останется нашей. Мы не пропустим в нее ни землемеров, ни скотоводов.

— А если ирландец их пропустит?

— Значит, нам придется самим остановить чужаков. Спрашиваю в последний раз: все согласны?

Нестройный ропот пробежал вокруг стола, и длинноусый старик ответил:

— Ты же знаешь, Лукас. Мы согласны. От пастухов мы пока отбивались. Но нам не нужна война с правительством. Если после землемеров придут солдаты, мы откроем ворота.

— Инженер Скиллард — это еще не правительство. Вы знаете, что он болтает много лишнего. Но даже если он не врет насчет солдат, это не страшно. Когда придут солдаты, тогда и будем думать, как с ними поладить, — сказал старый Лукас. — А теперь я по вашей просьбе обращусь к моим гостям. Крис, надеюсь, ты готов отправиться в дорогу?

Крис кивнул. Он уже узнал по голосу того, кто обрабатывал его рану. Это было так давно, шесть дней назад... И тогда дед, кажется, говорил по-русски?

— Ну вот и отлично, — сказал старик. — Я бы не возражал, если бы вы оба пожилы еще у нас. Винн — полезный работник, и мне жалко его терять. Но у нас начинаются такие дела, в которые лучше не вмешивать невинных людей. Сюда едут землемеры. В любой день к нам могут заявиться чужаки с оружием. Им нужна земля, а вы и сами знаете, что из-за земли люди на все способны. Мы не хотим, чтобы вы были замешаны в этом. Поэтому вам придется отправиться своей дорогой. Энни проводит вас через горы, потому что все другие дороги сейчас небезопасны.

— Что? Энни нас проводит? — Винн привстал. — Сэр, вы позволите мне сказать?

— Потом поговорим, — Лукас жестом усадил его на место. — А теперь, гости дорогие, пора вернуться к делам. Дела не ждут, весна на дворе. Спасибо, что откликнулись.

Все шумно поднялись, выходя из-за стола.

— Все-таки надо было Гэмбла сюда привести, — проговорил длинноусый старик, нахлобучивая соломенную шляпу.

— Приведешь его, как же, попробуй! У ирландца с соседями разговор короткий. Первый выстрел в воздух, второй — по ногам.

— И детки у него растут такие же. Как привезет в город, так обязательно подерутся с кем-нибудь. До крови бьются, злые, как апачи...

Гости разошлись, и Лукас снова усадил Винна и Криса за стол рядом с собой.

— Не торопитесь, посидите со мной.

— Спасибо, сэр, но...

— Винн, не говори мне «сэр». У нас так не принято. теперь послушай. Я сказал то, что хотели от меня услышать соседи. Они вас не знают, и они не хотят, чтобы вы были здесь, когда появятся землемеры. Они боятся чужих людей, а вы для них — чужаки, незнакомцы. Так?

— Так.

Лукас повернулся к Крису:

— Но для меня вы не чужие. И я для вас тоже не чужой. Я знаю, что вы хотите мне помочь. Так?

— Так, — ответил Крис неожиданно для себя.

— Не спешите уезжать. Вы нужны здесь. Не знаю, зачем вы сюда ехали, но Бог привел вас в мой дом, значит, вы присланы мне на помощь.

— Но чем я могу вам помочь? — спросил Крис. — Я не дровосек и не фермер. В хозяйстве от меня мало пользы.

— В большом хозяйстве нужны разные работники. Я видел, как стреляет Винн. Наверно, ты умеешь это делать не хуже.

— Так вам нужны стрелки? — спросил Крис.

— Не знаю, — ответил старик. — Сам я не беру в руки оружия, и сын мой тоже. Живем под защитой Божьей. Ну и соседи помогают. До сих пор справлялись. Но с вами нам будет спокойнее.

— Значит, вам нужны стрелки, — сказал Крис. — Такая работа нам знакома. Мы не любим драться, но иногда приходится. Будем считать, что вы нас уже записали в свою команду. Но мне надо знать, из-за чего идет драка.

— Из-за чего? Если бы я это знал, то никакой драки не было бы, — старик вздохнул. — Я бы все уладил миром. Но дело кончится дракой, как ты говоришь. Из-за чего? Из-за земли, вот и все, что я могу тебе сказать.

— Хорошо, — сказал Крис. — Вы не обязаны говорить нам все. Скажите столько, сколько найдете нужным. О какой земле идет речь?

— Вот об этой, — Лукас постучал кулаком по столу. — Мы пришли на эту землю, когда здесь не было никого, кроме индейцев и бизонов. Сейчас бизонов больше нет. Индейцы тоже ушли. Остались только мы. Наша семья имеет два участка на одном берегу реки, а соседские земли — на другом берегу. За нами — долина. Они называют ее Мертвой Долиной, но она живая. Попасть туда можно только через мою землю. Но я никого туда не пропущу.

— Почему? — спросил Крис.

Старик долго глядел в окно, прежде чем ответить.

— Обычно меня спрашивают иначе. Обычно меня спрашивают, зачем мне столько земли. И я отвечаю, что мне нужно больше, гораздо больше.

— Вы не сможете объяснить это Земельному Управлению, — сказал Крис. — Если кто-то в Вашингтоне пронюхал об этой долине, вас не оставят в покое.

— Они пронюхали. Но они ее не видели. Если бы ее видел хоть кто-нибудь, кроме меня... Эту долину давно бы нарезали на квадраты, повтыкали бы флажков с номерами и распродали бы всякому городскому сброду. Но я никого не пускаю туда.

— Все не так плохо, — сказал Винн. — В Оклахоме еще очень много таких долин. Здесь слишком много земли, хватит на всех. Думаю, что, если вы отобьетесь один раз, больше к вам не сунутся. Но отбиваться надо не пулями, а бумагами. У вас есть хоть какие-нибудь бумаги на эту землю?

— Бумаги... Когда-то вся земля в этой округе принадлежала народу кайова. Был у них какой-то договор с Правительством. Не знаю, отменяли этот договор или просто забыли о нем. Тот договор разорвали на мелкие клочки, и на эту землю приехали тысячи людей. Вот тебе и бумага. А у нас... Мы пришли сюда пятнадцать лет назад и стали здесь жить. Кайова нам это разрешили. Потом мы с ними подружились, и Темный Бык, который у них был главным тогда, придумал заключить договор не с Правительством, а со мной. Так что нет у нас бумаги, но есть енотовая шкура, на которой все расписано. А уже потом сын мой, Питер, еще и оформил все наши участки в заявочном клубе⁶, как только такой клуб тут появился.

— Что же, все по закону, — сказал Винн. — Что скажешь, Крис?

— Когда-то я тоже пытался получить землю, — сказал Крис, потирая подбородок. — В Канзасе. Тогда все было проще. Надо было только иметь резвую лошадь, чтобы успеть застолбить побольше участков за день. А потом доскакать до телеграфа и отправить в земельный комитет сообщение. Участок номер такой-то запишите за Энди Крофордом, а номер такой-то — за Тедом Маккарти. Я наделил недвижимостью всех своих друзей, живых и покойных. Все было очень просто. Правда, не все в тот день добрались до телеграфа. Стрельба слышалась по всей степи до самой полночи.

— Так ты у нас землевладелец? — удивился Винн.

— Только на бумаге. Я ввязался в это дело по совету своего банкира. Участки потом можно было с выгодой перепродать. Надеюсь, он хорошо на этом заработал.

— Все понятно, — сказал Лукас. — Вот эти хитрецы и ловкачи и лезут сюда. Но я их не пущу.

— А если они и в самом деле придут сюда с солдатами? — спросил Крис. — Тогда вы можете лишиться всего.

— Буду молиться, чтобы до этого не дошло, — уклончиво ответил старик. — С армией трудно разговаривать. Солдаты слышат только своих командиров, а мы для них просто мусор на дороге.

Неожиданно Винн отодвинулся от стола, встал, выпятив грудь, и рявкнул:

— Лейтенант Крокет прибыл в ваше распоряжение! Прошу зачислить меня в бригаду рейнджеров!

Крис засмеялся, а Лукас удивленно почесал плешь.

— Позвольте доложить свой план обороны, мой генерал! — продолжал вытягиваться Винн.

— Докладывайте, полковник, — снисходительно разрешил Крис.

Винн опустился на место.

— Армия землемеров может быть, во-первых, рассеяна на марше. Во-вторых, уничтожена в лагере. В-третьих, обескровлена и истреблена при штурме наших позиций. В-четвертых, я могу объединить все эти способы. Но начнем мы, как цивилизованные люди, с переговоров. Могу я посмотреть на ту енотовую шкуру? Насколько я знаю, наше правительство никогда не посягает на землю тех белых, которые могут подтвердить, что купили ее у индейцев. Купили или получили в подарок, это неважно. Я сталкивался с такими делами на Черных Холмах. Если вы предъявите ваш договор землемерам...

⁶ Заявочные клубы — общественные организации переселенцев, занимавшиеся законным оформлением земельных участков на новых территориях.

— Шкура осталась у Темного Быка, — ответил Лукас.

— Вы можете ее взять хотя бы на время?

— Конечно.

— Так пошлите за ней кого-нибудь, причем немедленно, — сказал Винн. — Где он сейчас, этот ваш Темный Бык?

— Зимой стоял за старым карьером. Это близко. Но я не могу отправиться сейчас, — задумался Лукас. — А Питер сегодня весь день занят на мельнице.

— Кому из вашей родни Темный Бык мог бы отдать этот договор?

— Никому. Только мне или Питеру.

— Или мне! — послышался женский голос.

У дверей стояла, скрестив руки на груди, младшая дочь Лукаса.

— Отец, я ездила к Темному Быку зимой. Я его крестница. И я все смогу ему объяснить. Лучше, чем Питер. По крайней мере, без лишних слов. Значит, надо ехать мне. И я отправлюсь сейчас же, чтобы добраться к вечеру.

Она развязала платок и откинула его с головы, встряхнув косой, которая легла ей на грудь.

— Нет, Энни, нет, — сказал Лукас. — Лучше немного подождать. Когда эти землемеры появятся, тогда я вместе с ними отправлюсь к Темному Быку, и там покажу им договор.

Энни подошла к нему сзади, прижалась к спине и ласково положила голову на его плечо:

— А вдруг они не захотят с тобой ехать? А вдруг Темный Бык уже снимется и уйдет кочевать? А вдруг еще что-нибудь? Папочка, не спорь со мной. Ты же сам понимаешь, что по-другому нельзя. Я обернусь быстро. Сейчас, только соберу подарки для его дочек. Не волнуйся, никто меня не тронет. А обратно меня проводят. Ну как, отпускаешь?

— Одну я тебя не отпущу, — сказал Лукас. — Хорошо, ты можешь ехать, но не одна. Подождем, когда люди вернутся с мельницы.

— Разве мы не можем проводить вашу дочь? — сказал Винн.

— Не надо, — отрезала Энни.

— Дочка, не спорь.

— Ладно, пусть едут со мной. Но только в одну сторону. Дальше пускай едут своей дорогой.

Она выпрямилась и завязала платок на шее, бросив на ходу:

— Полчаса на сборы.

Крис поднялся, надевая шляпу:

— Спасибо за доверие.

Девушка вышла из комнаты, и Крис снова повернулся к старику:

— Я еще не успел поблагодарить вас за то, что вы сделали. Отложим это до нашего возвращения. Мы привезем договор.

— Не обижайтесь на Энни, — попросил Лукас. — Она еще ребенок.

Двое мальчишек увязались за ними и помогли оседлать лошадей. Они все делали без подсказок и сноровисто. Чувствовалось, что ребята любят лошадей и умеют с ними обращаться. Видно было и то, что над их воспитанием кто-то хорошо потрудились: они переругивались вполголоса, подгоняя друг друга. Их глаза смешно округлились, когда Винн принялся доставать и проверять оружие перед тем, как рассовать его по дорожным чехлам.

Прибежал и третий мальчишка, рыжий Бенни. Он принес две сумки, в которых лежало по жареному цыпленку и по фляге с ледяной водой.

Мужчины тронулись в путь, оставив мальчишек за спиной. Стоило им отъехать на несколько шагов, как вся благовоспитанность добровольных помощников мгновенно испарилась, и начался громкий спор о том, какой системы ружье у Криса за седлом: «браунинг» или «винчестер»?

Ожидая Энни, остановились в тени высокого клена, и Крис достал сигару. От табачного дыма голова слегка закружилась, словно он закурил впервые в жизни.

— Думаешь, все обойдется тихо? — спросил он. — Бумага подействует на землемеров?

— Надеюсь. Буду об этом молиться вместе с Лукасом. Да только я боюсь, что договор на енотовой шкуре ничего не изменит. На эту землю много охотников. Скотоводы, наверно, облизываются, когда смотрят с того берега на пастбища. Но это еще не главная беда. Сюда рвется горнорудная компания, и она придумает еще что-нибудь. Ты же знаешь, в любой закон можно внести пару незаметных поправок. Были бы деньги.

— Значит, горнорудная компания? Это звучит не так красиво, как «федеральное правительство».

Крис не любил ввязываться в темные истории. А темными историями он называл те случаи, где не видел конкретного врага, и не знал, кто прав, а кто виноват. Когда он был налетчиком, ему очень важно было знать, у кого именно он забирает деньги. Он никогда не грабил тех, о ком ничего не знал. Позже, когда он оставил этот бизнес, ему доводилось зарабатывать на жизнь стрельбой, но он не становился на сторону какого-то мясного барона только потому, что тот платил больше, чем другой мясной барон. Здесь все решала рекомендация друзей или рассказы простых ковбоев. Вместе с Винном они отправились за Рио-Гранде, чтобы помочь жителям мексиканской деревушки избавиться от банды, которая грабила и без того нищих фермеров. Там тоже все было ясно. Вот работяги, а вот — бандиты. Этим надо помочь, а тех — убить.

Но здесь был особый случай. Он чувствовал, что эти люди нуждаются в его помощи. Больше того: он не мог уехать отсюда, не отплатив им за то, что они спасли ему жизнь. Но Крис умел только стрелять.

Если бы Лукас враждовал с шайкой разбойников, все было бы проще. Но не мог же Крис устроить перестрелку с дюжиной приличных джентльменов, которые к тому же находились под защитой полиции, армии и газет...

— Горнорудная компания... — повторил он, достав «смит-и-вессон» и заглядывая в его ствол на свет. — Надо подумать, с какого боку к ним можно подобраться.

— У компании есть свои ребята в Вашингтоне. По крайней мере, так утверждает этот инженер Скиллард. Говорит, что у него куча друзей на самом верху. Сенаторы, конгрессмены, журналисты. Но они далеко, а мы уже здесь. У нас хорошие шансы, — сказал Винн.

— Пожалуй, ты прав, — сказал Крис. — Кажется, мне пора сменить ствол. Двадцать вторым калибром здесь не отделаешься. Как у нас с патронами?

— Три дюжины сорок четвертого калибра, как раз к нашим «Фронтам», — доложил Винн. — Есть еще пара лишних винчестеров, «семьдесят третьих»⁷.

— Лишних? — Крис усмехнулся. — Заряжены?

— Оба, полные магазины.

— Вот тебе и еще тридцать патронов, — сказал Крис. — Уже кое-что. На первое время хватит. В конце концов, наверняка в Крофорд-Сити есть оружейная лавка.

Энни они и не узнали бы, если б она не проворчала, подъехав к ним на вороном мерине:

— Из чего, интересно знать, делают такие вонючие сигары? Не из чесночной шелухи? Не отставайте, а то заблудитесь!

Она была похожа на мальчишку-ковбоя — в черных брюках на широких подтяжках, в красной рубашке и синей кавалерийской куртке, распахнутой на груди. Ее белый шейный платок был стянут серебряной застежкой, а на голове красовалась черная шляпа с белой лентой.

Они скакали вдоль реки, когда Крис заметил, что выше них по косогору движется еще один всадник. Винн тоже оглянулся, перешел с рыси на шаг, и всадник быстро нагнал их.

⁷ Пятнадцатизарядная винтовка 44 — го калибра образца 1873 года, ее патроны подходили и к кольцу модели «Фронтир».

Это был индеец в обычной ковбойской одежде, но его серую мягкую шляпу украшал пучок коротких черных перьев, пришитый к ленте тульи. Поперек седла лежал карабин, украшенный кожаными накладками.

Индейцы относятся к своему оружию, как к собственному ребенку: заботливо и строго, но порой и побаловать любят. И этот винчестер был не просто ухожен, он был наряжен. Желтая кожа, обшитая зеленым шнуром, обтягивала его в тех местах, где к оружию прикасались руки — на ложе приклада и на цевье. Шоколадного цвета замша, охватившая приклад, была расшита бисером, и рисунок этот показался Крису необычным для индейцев. Необычным было и то, что индеец ехал на оседланной лошади.

— Ну, — недовольно протянула Энни, — еще один провожатый!

— Здравствуй, Крокет, — произнес индеец, не замечая девушки. — Меня зовут Джуд. Лукас просил проводить вас до старого карьера.

Энни не остановилась и поехала вперед одна.

— Спасибо, Джуд, — несколько озадаченно ответил Винн, переглянувшись с Крисом. — Откуда ты меня знаешь?

— Я не знаю тебя. Твое имя назвал Лукас. Я знаю твоего раненого друга. Крис, рад видеть тебя на коне.

Крис задумчиво потер подбородок, вглядываясь в непроницаемое, широкое лицо.

— Извини, Джуд. Не могу вспомнить, где я тебя видел...

— Ты меня не видел, ты спал, — сказал индеец. — Я поеду первым, держитесь за мной на бросок камня.

Его мустанг лязгнул зубами у самого уха белой кобылы и получил за это от индейца кулаком по шее.

— Тебе надо поменять лошадь, — сказал Джуд и ускакал вперед, обогнав Энни.

Крис смотрел ему вслед, перебирая в памяти всех своих знакомых индейцев. Их было немного, и все они остались в Техасе.

— А я и не знал, что у тебя есть друзья команчи, — сказал Винн.

— Команчи?

— Ты видел перья на его шляпе? Это команчиро. У них свои знаки различия. Этот Джуд по-нашему считался бы рядовым. Сержанты носят скальп бизона. А полковники — корону из орлиных перьев. Кстати, о короне. Интересный рисунок у него на прикладе. Я таких не видел.

— Всадник, кажется?

— Не просто всадник, а всадник на белом коне, с копьем в руке, поражающий змею под копытами коня. Прямо святой Георгий, только в короне из орлиных перьев.

— Когда ты успел все разглядеть? — ревниво спросил Крис.

— Ты бы и сам разглядел, если бы не спал перед этим так долго, — успокоил его Винн. — Ты просто еще не полностью проснулся.

Индеец на своем мустанге скакал впереди, не оглядываясь. Его светлая шляпа даже не вздрагивала, он держался в седле ровно и легко. Казалось, его тело плывет в воздухе отдельно от скачущего коня.

— Я вспомнил, где видел его, — сказал Крис.

— И где же?

— Во сне. Точнее, в бреду. Когда меня лечил твой старик Лукас. Интересно, в чем заключалось лечение?

— Обычное лечение, — уклончиво ответил Винн. — Перевязка, покой. Ничего особенного.

— Ничего особенного? Ты же всегда нахваливал девичью мочу, как средство от ран, — напомнил Крис.

— Нет, у Лукаса свои методы. Хотя в нашем распоряжении и было несколько девиц, — Винн вздохнул. — Но здесь не верят в шайенскую медицину. У него всякие травки, корешки и прочее. Ну, если уж ты так хочешь знать, сначала он тебя обработал настойкой, которая

называется «мертвая вода». И ты после этого был как мертвец. Белый, неподвижный, холодный. Ночью индейцы собирались над тобой и молились. Меня туда не звали, но я видел, как они наутро выползают из той комнатки, где ты лежал. Молились они за тебя просто до изнеможения. Потом...

— Потом он напоил меня живой водой, — продолжил Крис. — И я стал совсем как живой.

— Точно! Откуда ты знаешь?

— Откуда? Из детских сказок, откуда же еще.

Добравшись до шахтерского поселка, они остановились на площади, и Энни зашла в лавку, чтобы купить подарки. Крис, Винн и Джуд стояли в тени под навесом. Прямо перед ними на другом краю площади виднелась яркая вывеска: «Офис шерифа». Рядом безжизненно повис бело-зеленый флаг Горнорудной Компании Берга.

— Кто платит шерифу — компания? — спросил Крис и сам себе ответил: — Компания, кто же еще. Кажется, я знаю, с какого бока к ним можно будет зайти.

— Послушай, Крис, — сказал Винн. — Зачем откладывать? Ты давно хотел навестить местного шерифа. Будет очень хорошо, если он поговорит с тем парнем, который лежит в сарае у Лукаса.

— Шериф Маккарти не поедет на другой берег, — сказал Джуд.

— А если его попросит лучший друг? — возразил Винн. — Насколько я понимаю, раненый парень наверняка состоит в какой-то шайке. Я слышал, как его покойные друзья называли какого-то Хаммера. Возможно, это их старший. Пока раненый еще может связно произнести хотя бы несколько имен, он должен сказать их в присутствии шерифа.

— Дельная мысль, — кивнул Крис. — Не будем терять время. Надеюсь, ты без меня справишься с этой девчонкой.

— Здесь не говорят «справишься». Здесь говорят «поладишь», — сказал Винн.

— Поосторожнее с ней, — попросил Крис. — Но забывай, нас еще ждут дела в Нью-Йорке.

Глава 4. ПОД ЗАКОНОМ И ВНЕ ЗАКОНА

Лысый Мак был самым сильным и высоким в шайке Энди Крофорда. При ограблениях ему всегда поручалось уносить всю добычу, какой бы она ни была. В последнем деле ему пришлось в одной руке нести легкий мешок с барахлом, отнятым у пассажиров дилижанса, а другой рукой он бережно придерживал на своем плече умирающего Энди. Главарь шайки испустил дух через час. Две пули, выпущенные из карманного пистолета перепуганным пассажиром, положили конец славной карьере. Опечаленные товарищи погребли Крофорда на старом солдатском кладбище, на окраине вымершего городка, и воткнули в его могилу крест с чужим именем. А потом посоветовались и разбрелись в разные стороны. Каждый решил заняться своим делом.

Толстяк Андерсен, к примеру, подался в матросы на Миссисипи. Крис отправился в Мемфис изучать банковское дело и игорный бизнес. А Лысый Мак соблазнился разговорами о золоте, найденном в Нью-Мексико.

На прииске, куда он добрался, его поначалу поражали местные нравы. Здесь не было воровства. Можно было спокойно оставить в своей незапертой хижине таз с намытым золотом и уйти работать на участок. Бывало, что пропадали инструменты или исчезала упаковка галет, но воровства не было. Не было ни драк, ни ссор: на это не оставалось времени. Каждый час работы приносил старателю прибыль — когда десять центов, когда десять долларов. И люди проводили чуть не круглые сутки на своих участках.

Когда же вдруг обнаружилось, что какой-то новичок украл у соседа деньги, сорок два доллара, было немедленно созвано общее собрание, на которое, впрочем, пришли не все. Лысого Мака избрали судьей, потому что он был самым высоким и сильным. И он, выслушав обе стороны, постановил всыпать воришке сорок два удара плетью по голой

спине. Приговор был единогласно одобрен собранием и тут же приведен в исполнение. Юридический процесс занял не больше часа, и удовлетворенные старатели разбрелись по участкам.

В следующий раз Лысого Мака отвлекли от работы по более серьезному делу. На соседнем прииске возник спор из-за воды. Чтобы намыывать больше золота, старатели давно уже отказались от кастрюлек и лотков, и давно уже не работали в одиночку. Шесть-восемь человек объединялись и строили промывочный желоб, к которому нужно было подвести воду через систему рвов и канав. Но где взять столько воды в засушливом Нью-Мексико? Естественно, тот, чей участок располагался у самого источника, был в более выгодном положении. Те же, кто оказался ниже по течению, страдали от нехватки воды. Но разве вода не была общим достоянием, так же как воздух?

Чтобы их рассудить, и был вызван самый высокий, самый сильный и самый справедливый старатель с соседнего прииска. Лысому Маку пообещали даже заплатить десять долларов за время, потраченное на процесс, независимо от его решения. Он посоветовался со своими компаньонами и отправился к соседям. Приговор был простым и понятным. Воздух — это всего лишь воздух, а вода — это инструмент. Человек, первым дошедший до источника и застолбивший его, имел право на всю воду. Только потому, что он первый.

При голосовании выяснилось, что право первого поддерживают даже те, кто пострадал от этого. Ведь рано или поздно все они покинут этот прииск и отправятся дальше. И там-то каждый постарается стать первым и всю использовать свое «право приоритета». Нашелся только один несговорчивый смутьян, который вскинулся и с пеной у рта начал вопить, что Лысого Мака подкупили, что он продал свой вердикт за десять долларов. Его пытались образумить, но он выхватил револьвер. Лысый Мак, не сходя с судейской телеги, уложил его одним выстрелом. И собрание вновь признало его решение справедливым.

Когда прииски перестали приносить достаточно золота, старатели подались на новые земли, в Оклахому, чтобы использовать свои навыки и инструменты для добычи угля. Лысый Мак ушел из Нью-Мексико вместе со всеми, но ему не пришлось махать кайлом или катать тяжелую тачку. Шахтеры единодушно избрали его шерифом.

Он набрал себе верных помощников и принялся ретиво исполнять свои новые обязанности, сполна отработывая жалованье, которое выплачивала ему горнорудная компания. Как только случилось первое нападение на дилижанс, шериф Маккарти успел схватить грабителей раньше, чем те смогли пересчитать добычу. Он вспомнил свое недавнее прошлое и легко угадал, куда отправятся злоумышленники. С помощью надежного проводника-метиса он отыскал их логово. Шестеро его помощников окружили неприметную охотничью хижину и по команде шерифа открыли ураганный огонь из карабинов. Злодеев зарыли там же, хижину сожгли, а награбленное вернули счастливым горожанам. Все были довольны исходом дела. Все, кроме судьи Бенсона.

«Шериф должен ловить преступников, а не убивать их», — сказал судья Бенсон, когда ему рассказали об этом случае посетители его салуна. С того самого вечера и пошла незаметная война между судьей Бенсоном и шерифом Маккарти.

С точки зрения закона судья Бенсон был подлинным самозванцем. Все знали, что старый Бенсон способен справедливо разобраться даже в самом запутанном споре. Но никто уже не помнил, с каких пор хозяина салуна «Бенсон из Ричмонда» стали называть судьей. И никто не знал, в каком году появился его салун на перекрестке двух степных дорог.

Не одна сотня фургонов проскрипела мимо этого высокого крыльца, и не каждый из гостей был способен расплатиться звонкой монетой. Кто-то выпивал в долг, чтобы рассчитаться на обратном пути из Калифорнии, — но из Калифорнии редко возвращаются... А кто-то оставлял в салуне вещи, ставшие вдруг обременительными. Наверно, именно таким образом появилась в салуне книжная полка, на которой с годами собрались манускрипты, необходимые для судопроизводства: Первый, Третий и Четвертый тома «Американского законодательства», «Справочник переселенца в Орегон и Калифорнию», «Автобиография»

Франклина, а также несколько разномастных томиков Библии.

Судья Бенсон пользовался библией почти так же сноровисто, как шериф Маккарти — кольцом. Любое разбирательство начиналось с того, что все участники поочередно прикладывали ладонь к засаленному переплету и обещали говорить правду. Они и говорили правду, каждый по-своему. Судье оставалось только выяснить, чья правда была ближе к закону, который дан Богом. Со временем Бенсон стал непревзойденным мастером по выискиванию в библейских текстах таких строчек, которые лучше всего подходили к теме судебного заседания.

Приговоры суда обычно устраивали всех. Потерпевшая сторона получала возмещение своих убытков, а ответчик утешался тем, что он мог бы с чистой совестью плюнуть на решение судьи-самозванца, но не делает этого из уважения к вышестоящей инстанции.

Горнорудная компания давно уже пыталась выписать в поселок настоящего судью, с лицензией, молотком и париком, но ни один юрист из больших городов не решался отправиться туда, где для суда не было достойного помещения и где пришлось бы к тому же рисковать не только париком, но и скальпом. Индейцы казались слишком опасными соседями, и страх перед ними почему-то был гораздо сильнее в цивилизованной Филадельфии, чем в дикой Оклахоме. И горнорудной компании пока приходилось смириться с тем, что ее рабочие по-прежнему больше доверяли хозяину салуна, чем администрации карьера в Крофорд-Сити.

Шериф Маккарти, конечно, мог упрятать за решетку парня, которого подозревали и даже уличили в краже мешка муки. Но после этого шахтеры обязательно потребуют выслушать дело в салуне, то есть в суде. А судья мог и оправдать парня, если тот взял мешок в качестве компенсации за задержанную зарплату.

Такое положение дел шерифу не нравилось, поэтому он старался не вмешиваться в дразги, пока не начинали греметь выстрелы. Вот тогда он внезапно появлялся из-за угла, и его молодчики быстро связывали убийцу, чей револьвер еще дымился. Бывало, что тело проигравшего в перестрелке еще не было предано земле, а победитель уже трепыхался в петле.

Каждый такой случай надолго отбивал у горячих юнцов привычку к необдуманным высказываниям, а горнорудная компания выплачивала шерифу щедрую премию за укрепление порядка в поселке.

Но шериф Маккарти, как и каждый порядочный человек, мечтал о более крупных поступлениях на свой счет в банке. Можно было хорошо заработать, если бы в его округе объявился какой-нибудь из преступников, объявленных в розыск. Легко представить, как расстраивался Лысый Мак, услышав, к примеру, о гибели знаменитого Билла Долтона.

Шайка братьев Долтон была почти в полном составе перебита три года назад в Канзасе. (И надо же им было додуматься до такого! Затеять ограбление банка в городке, где они в юности пожили пару лет. Видно, те шаловливые подростки хорошо запомнились жителям Коффивилля. И стоило им, повзрослев, снова появиться на тихой улочке и спешиться возле банка, как уже все мужчины города похватили оружие и сбежались туда же. Как только Долтоны с напарниками выволокли из банка мешок с деньгами, они тут же попали под залп десятка дробовиков и дюжины кольтов. И никакой судья Бенсон уже не смог бы им помочь...)

Но Билла не было с братьями в тот раз. Незадолго до ограбления он уехал к мамочке в Оклахому, да там и остался. Еще с год он порыскал по соседним штатам, и за его голову сулили хорошие деньги. И вот однажды, в начале лета он играл с дочкой на крыльце своей фермы. Местный шериф выследил его, подкрался с заднего двора и застрелил на глазах у девчонки. Самое досадное для Мака было то, что он не раз проезжал через место, где это случилось, поселок Эрдмор на техасской дороге. И, вполне возможно, мог зайти освежиться в тамошний салун как раз тогда, когда там же за стойкой сидел и сам Билл Долтон.

Чужая удача никогда еще не была ему так обидна, и Лысый Мак считал шерифа из Эрдмора своим личным врагом. Оставалось надеяться только на то, что остатки банды тоже

осядут где-нибудь в Оклахоме. Сюда стекались все, кто уже не мог начать новую жизнь на старом месте: бандиты и воры, которые надеялись дожить свой век на маленькой ферме, а также воры и бандиты, которые надеялись неплохо пожить на тех, кто доживает свой век в такой глуши. Другой дороги у них не было. Вокруг — в Колорадо, Техасе, Канзасе и Нью-Мексико — кипели стройки, прокладывались железные дороги, росли города. Там крутились большие деньги, но там их стерегли целые армии полицейских, агентов и охранников. Только Оклахома пока еще жила по-старому. Рано или поздно где-нибудь возле Крофорд-Сити обязательно объявится скромный новосел, чья фамилия уже давно значится в розыскных списках. И рано или поздно Лысый Мак сумеет заработать свою законную пару тысяч долларов.

Так что, когда в его полицейский участок вошел сам Крис Беллоу, шериф Маккарти не знал, радоваться ему или огорчаться.

На всякий случай он первым делом выпроводил из участка своих помощников, и только после этого встал из-за стола и протянул Крису руку.

— Ты хорошо устроился, — заметил Крис с едва заметной улыбкой. — Приличный офис, вывеска красивая. Настоящий шериф.

— Для друзей я не шериф, — сказал Маккарти. — Какими судьбами, Крис? Как тебя занесло в такую глушь?

— Ехал мимо, решил заглянуть.

— Это твои друзья? — Маккарти посмотрел через окно во двор, где двое спутников Криса стояли в тени навеса у коновязи.

— Да.

— Где ты пропадал все это время? Помнится, ты уехал в Теннесси, — Маккарти достал из-за оружейного шкафа бутылку виски и пару стаканов. — Я ничего не слышал о тебе с тех пор. Ты не поменял бизнес?

— Поменял.

Маккарти облегченно вздохнул и первым поднял стакан:

— Ну, тогда давай выпьем за то, чтобы в новом бизнесе нам везло больше, чем в старом.

Крис пригубил виски и одобительно кивнул:

— Хороший бурбон. Сам гонишь?

— Подарок, — усмехнулся Маккарти. — Меня порой заваливают разными подарками. Люди хотят показать, как они меня уважают. Так где же тебя носило?

— По разным местам, — Крис достал сигару, и Маккарти поднес зажженную спичку. — По очень разным местам. Особенно за последний год. Додж-Сити, потом Ларедо. Съездил на месяц в Мексику. Вернулся оттуда через Эль-Пасо. Там услышал о тебе.

— И что же ты услышал?

— Что ты не тратишь время на пустые разговоры.

— Это точно, — Маккарти со смешком откинулся на спинку стула. — За пустыми разговорами у нас обращаются к судье Бенсону. Я не судья, чтобы речи толкать. За меня говорит вот эта штука.

Он гордо выложил на стол шестизарядник и провел большим пальцем по ореховой рукоятке, показывая Крису зарубки. Их было двенадцать. По числу убитых шерифом только из этого револьвера.

— У тебя новый ствол, — заметил Крис. — Помню, раньше ты носил «ремингтон».

— Ну, вспомнил! Я уж и забыл, когда это было. А что нового на твоей рукоятке?

— Я не делаю зарубок. Да и повода не было.

— Ну, теперь я вижу, что ты и в самом деле сменил бизнес! — засмеялся Маккарти, разливая виски по стаканам. — Чем думаешь заняться? Может, пойдешь ко мне в помощники?

— Хорошая идея. Надо ее обдумать, — Крис задумчиво поглядел в окно. — А большой у тебя округ?

— Какой округ? — Маккарти махнул рукой. — Нет еще никакого округа. Здесь свободная территория, каждый сам себе хозяин. Я отвечаю за угольный карьер. За людей, которые здесь живут, и за дороги, которые сюда ведут.

— А за рекой? Ты отвечаешь за то, что делается за рекой?

Маккарти замешкался с ответом, почесывая переносицу.

— Почему ты спрашиваешь?

— Я там был, — ответил Крис. — На ферме Лукаса.

— Ты был на ферме Питера Уолка, — поправил Маккарти. — Лукас просто никчемный старикашка. А всеми делами заправляет его сын Питер. Что, он чем-то недоволен?

— Питера я не видел. И не о нем речь

— А о ком?

— Там у них лежит раненый парень. Его никто не знает. И он не похож на честного фермера. Думаю, тебе не мешало бы на него глянуть. Так, на всякий случай. Может быть, он с твоего карьера. А может быть, его разыскивают. Тогда у нас с тобой есть шанс заработать.

— Крис, ты мой друг, и я должен тебе предупредить, — сказал Маккарти. — Здесь у нас все так хитро устроено, что новому человеку сразу не разобраться. Ты только не торопись. Поживи у меня, осмотришься. И не вмешивайся ни во что. Идет?

— Мак, я никогда не вмешиваюсь в чужие дела, — сказал Крис. — По крайней мере, пока меня не просят об этом. Так ты посмотришь на парнишку? Я с удовольствием прогулялся бы вместе с тобой.

Маккарти нахлобучил шляпу и спрятал бутылку обратно за оружейный шкаф. Крис уже стоял у выхода, разглядывая объявления о беглых преступниках.

— Кстати, — сказал он. — Помнишь Джона Хардина?

— Конечно, помню. Он же был лучшим другом Энди Крофорда.

— Когда мы были в Эль-Пасо, я услышал о нем много интересного, — сказал Крис, первым выходя на крыльцо. — Расскажу по дороге. Знакомься, это мои друзья, Винн и Джуд.

Белокурый красавчик со шрамами на щеке приложил ладонь к уголку глаза, показавалерийски салютуя шерифу. А индеец только моргнул, полагая, что этого хватит для приветствия.

— С чего это Питер Уолк прислал такую делегацию? — недоверчиво спросил Лысый Мак.

— Ребята просто проводили меня до поселка, — пояснил Крис. — У них дела на станции, а к Уолкам мы с тобой поедем одни.

Помощник Лански подвел к Маккарти коня, и шериф тяжело поднялся в седло.

— Я за реку, — сказал он помощнику. — Скоро вернусь. Знаешь что, Лански? На всякий случай приberi в чулане. Возможно, туда придется кое-кого упрятать.

Они поскакали по дороге между приземистыми домиками шахтеров.

— Я приехал сюда с другой стороны, — заметил Крис. — Это не та дорога.

— Верно. Здесь у нас много дорог. Я никогда не пользуюсь одним и тем же путем дважды за день.

— Полезная привычка.

— Ты хотел рассказать о Хардине, — напомнил Маккарти.

— Его убили в Эль-Пасо, — коротко ответил Крис.

— Как? Не может быть! Он же сейчас должен досиживать свой срок, — удивился Маккарти. — Он что, бежал с каторги? Жаль, что я ничего об этом не слышал.

«Вот и еще один приятель Энди Крофорда отправился вслед за ним. Еще один славный разбойник вычеркнут из розыскного листа», — подумал Лысый Мак.

Джон и Энди выросли в Техасе. Их юность прошла в бедности и лишениях. То были годы Реконструкции, когда Север все еще праздновал свою победу над Югом и насаждал свои порядки на захваченных землях. Вчерашние рабы вдруг стали такими же достойными гражданами, как и их вчерашние хозяева, — и даже лучше, потому что, в отличие от хозяев, они не воевали против янки. Нацепив полицейские бляхи, негры могли застрелить любого

белого мальчишку только за то, что он назовет их неграми. И солдаты-янки, стоявшие на каждом перекрестке, были заодно с черными.

Энди Крофорду, в общем, было все равно. Он не собирался потратить жизнь на сведение старых счетов, и грабил с одинаковым успехом и белых, и черных. Но Джо Хардин все принимал слишком близко к сердцу. В пятнадцать лет он впервые застрелил человека. Точнее, своего бывшего раба. За следующий десяток лет он отправил на тот свет еще двадцать негров-полицейских и солдат-янки. Его несдержанность сильно вредила бизнесу Энди Крофорда, и тот, как мог, пытался утихомирить напарника. Ведь за убийцами гоняются гораздо настырнее, чем за простыми налетчиками. Было время, когда Энди заставил Хардина тихо перезимовать в захолустном городишке, где по улицам не ходили полицейские-негры. Там Джо, казалось, успокоился, взялся за ум, и даже женился. Четыре года они провели там, выезжая на гастроли в соседние штаты или грабя проходящие поезда. Порой Джо срывался на ненужную стрельбу, но, по крайней мере, не убивал никого по соседству. Но в конце концов, когда они оказались во Флориде, Джо снова затеял отчаянную и безнадежную перестрелку. Обоих взяли живыми, к разочарованию Джона. Энди Крофорд получил восемь лет тюрьмы, а Джо Хардину присудили двадцать пять лет каторжных работ.

— Так, значит, он бежал с каторги? — повторил задумчиво Маккарти. — Нет. Его помиловали в прошлом году, — сказал

Крис. — Он перебрался в Эль-Пасо. Открыл там юридическую контору.

— Неудивительно, — вставил Маккарти, — каторга учит лучше любого университета.

— Как оказалось, контора была только прикрытием, — пояснил Крис. — Джо перестал стрелять. И занялся контрабандой и перепродажей краденого. Спокойный бизнес, чтобы обеспечить достойную старость.

— И как его убили? — спросил Маккарти.

— Стоял в баре за стойкой, спорил о чем-то со своим напарником, полицейским. Тот отошел на минуту, потом вернулся и выстрелил Джону в затылок. Вот и все.

— Глупая смерть, — сказал Маккарти. — Глупая, никчемная, бессмысленная. И Энди тоже умер бессмысленной смертью. Только-только расплатился с долгами, только начал копить капитал... Помнишь, сколько у нас было на руках, когда мы похоронили его и разбежались? Помнишь? По сорок три доллара на брата!

— Нам хватило, чтобы начать новое дело.

— Да, про твое новое дело мне кое-что рассказывали...

Шериф Маккарти достал сигару, обдумывая, как бы прошупать Криса так, чтобы тот не обиделся, догадавшись, что его прошупывают. Когда едешь по безлюдной дороге, хочется лучше знать своего попутчика. Лысый Мак считал, что неплохо разбирается в людях, и мог с уверенностью судить о человеке по его одежде и речи. Причем слова не имели значения, гораздо важнее было то, как эти слова произносятся. Ирландский акцент и дерзкий голос были верной гарантией того, что за таким парнем потянутся пьяные драки, скандалы и сопротивление властям. Мягкая быстрая речь с обилием испанских словечек в сочетании с черными щегольскими усами — это прогулы, кражи и поножовщина из-за баб.

Крис почти не изменился за прошедшие годы. Он говорил мало, но веско, тщательно взвешивая каждое слово и не пропуская мимо ушей ни одной реплики собеседника. Так говорили люди, которых шериф уважал и опасался. Такая манера говорить, по наблюдениям шерифа, могла сопровождаться внезапными выстрелами, но только при нескольких свидетелях, которые подтвердят факт самообороны.

Что касается внешнего вида, то, оглядев Криса, шериф не нашел в нем никаких перемен к лучшему. Раньше тот никогда не тратился на дорогие вещи, и почти все деньги отдавал своему банкиру, если не успевал их проиграть. Сейчас на нем была простая, но чистая одежда, он был гладко выбрит и выглядел хорошо отдохнувшим. Значит, если он и в самом деле провел целый год в скитаниях по югу, то эти скитания не были лишены комфорта. Шериф закурил и спросил осторожно:

— Так ты говоришь, о Потрошителе Банков мы уже не услышим?

— Все это в прошлом, — спокойно ответил Крис То время ушло.
— Не всякое прошлое можно легко отбросить.
— Не всякое. Но и оставаться в нем на всю жизнь тоже нельзя.
— Это верно. Надо и о будущем подумать, — многозначительно произнес Маккарти. — Если у тебя нет каких-то других дел, почему бы тебе и в самом деле не остаться здесь? Не пожалеешь.

— Спасибо, Мак. Я подумаю.
— Думай, Крис, думай. Ничего сложного в этой работе нет. Надо только иметь глаза и уши. Много глаз и много ушей.

— У тебя их много?
— Хватает. Я тут не первый год. Всех насквозь вижу. Знаю, кто с кем дружит, кто с кем враждует. Знаю всех, кого рано или поздно придется вздернуть, если они сами не уберутся отсюда. Некоторых из них ждет хорошая веревка, а на остальных и гнилую жалко будет потратить. Мне тут никто не мешает, а помочь любой будет рад, только попроси. И в компании меня уважают. Дом для меня построили. Еще год поработаю, можно будет подумать о женитьбе.

— Есть красotka на примете?
— Это не проблема. Любая побежит, только пальцами щелкну.
— Мак, все это звучит заманчиво, — сказал Крис. — Но ты пока говорил только о приятной стороне дела. Неужели здесь все так прекрасно?

— Конечно, не все. Есть три вещи, которые портят мне жизнь.
— Только три?
— Ну, дерьма тут хватает, но эти три вещи — самое главное дерьмо. Индейцы. Пьянка. И Питер Уолк, будь он неладен.

— Что самое трудное? Индейцы?
— Да нет, — Маккарти пренебрежительно отмахнулся. — с ними-то как раз проще всего. Построже с ними, спуску не давать, стрелять без разговоров. Скоро они и сами уберутся отсюда. Они давно бы ушли куда-нибудь, если б не этот Питер. Он краснокожих тут держит. Только он. Не знаю, чем он их околдовал, но они даже работают у него. Индейцы — и работают. Ты можешь в это поверить, Крис? Чтобы индейцы пахали землю, собирали пшеницу, стригли овец? Они же могут только воровать! Грязные, тупые твари, они даже лопату не умеют по-человечески взять в руки. Видел бы ты, как они корячатся на карьере. Одним словом, краснокожие. Их место за колючей проволокой. А он их тут держит, потому что прикрывается ими. Ну, и они, конечно, рады ему помочь в любом грязном деле. Руку даю на отсечение, что краденый скот пропадает как раз там, на землях Уолка. Мы как-то раз попробовали пройти по следам угнанных бычков, дошли до реки — а за рекой уже колючая проволока. Частное владение. И трое индейцев с карабинами сторожат проход.

— Если следы вели за проволоку, закон был на твоей стороне.
— Питер Уолк не так глуп, чтобы оставить следы. Не было никаких следов. Но бычки пропали там, за проволокой, я уверен. Иначе почему он туда никого не пускает? Ни одна живая душа со всего карьера не знает, что творится там, за проволокой. Эти друзья краснокожих перекрыли все дороги и просто убить готовы любого чужака.

— Здесь много дорог, — сказал Крис. — Все не перекроешь. Не пробовал отправиться в обход?

— Какой обход? Там кругом голые скалы, ни одной тропинки. С юга к ним ведет ущелье, но пройти через него невозможно. Говорят, там земля проваливается под ногами, и человек падает в кипяток. Горячие источники, к тому же с удушливым газом. Поэтому ту долину и называют Мертвой Долиной. Этот Питер Уолк хорошо устроился. Но я все равно его достану, рано или поздно!

Лысый Мак неспроста затеял этот разговор. Ему не нравилось, что Крис сначала побывал в логове Уолков, а только потом решил навестить старого приятеля да и то, скорее всего, по просьбе этого хитрюги Питера. Жизнь приучила шерифа никому не верить. Не

верил он и Крису, когда тот говорил, что оказался на ферме Питера случайно. Наверняка за этим неожиданным визитом что-то скрывалось, и наверняка что-то еще должно будет произойти. Питер Уолк никогда раньше не обращался за помощью к шерифу. И сейчас, громко, но беззлобно изобличая этого проходимца и кровососа, Лысый Мак незаметно следил, как реагирует Крис на его брань.

Но Крис невозмутимо покачивался в седле и равнодушно оглядывал низкие холмы вдоль дороги.

— Расскажи лучше о себе, — неожиданно попросил он, когда Маккарти умолк. — Как ты жил, чем занимался? Я не ожидал увидеть на твоей груди шерифскую звезду.

— Я тоже.

— Как ты смог так переменить всю жизнь?

— Это долгая история, Крис, — смущенно начал Мак. — Боюсь, тебе надоест меня слушать...

Однако он не заставил себя уговаривать и принялся излагать свою эпопею, не упуская ни малейших подробностей. Рассказывать о себе было гораздо приятнее, чем ругать Питера Уолка. Крис слушал внимательно, иногда вставляя одобрительные замечания, и Мак воодушевлялся все больше. До сих пор ему не приходилось оглядываться на прошедшее. Оказывается, он не всегда был пьяницей, вором и бездельником. Оказывается, он вполне достоин уважения хотя бы за то, что нашел в себе силы встать на тропу праведной жизни. Растрогавшись от воспоминаний, Маккарти и не заметил, как пролетело время.

Старый Лукас Уолк спустился к нему с крыльца.

— Шериф? Крис? Что случилось?

— Ничего, — сказал Крис. — Шерифу надо поговорить с раненым.

— Поговорить? Не думаю, что он на это годен... — Лукас покачал головой. — Заходите в дом.

— Где он? — спросил его Лысый Мак, не тратя времени на приветственные церемонии.

Лукас молча провел его к сараю и отворил скрипучую дверь.

Шериф заглянул внутрь и остановился на пороге. Полумрак сарая разрезал пыльный луч света из маленького окошка. Под окном, на куче соломы, прикрытой грубым полотном, раскинулся тщедушный юнец с редкой бородкой. Глаза его были неплотно закрыты, и казалось, он следит за вошедшими из-под опущенных век. Он тяжело и неровно дышал. Одна рука его лежала под головой, другая, без кисти, была обмотана белой тряпкой и покоилась на груди.

— Эй, амиго, слышишь меня? — спросил шериф. — Да нет, похоже, что разговор у нас не получится.

— Он лежит так уже четвертый день, — сказал Лукас.

— Что с рукой?

— Гангрена была. Половину руки пришлось отнять.

— Кто говорил с ним?

— Никто. Он бредит.

— Бредит? В бреду можно услышать немало полезного. Он называл какие-то имена, клички или, к примеру, города?

— Я не слышал ничего такого, — ответил Лукас.

— Это не наш. Не с карьера. Откуда же он взялся? — задумался шериф, почесывая переносицу. — Вот что. Привезите его в участок, там мы покажем его людям. Не с неба же он свалился. Кто-нибудь его опознает.

— Не знаю, довезем ли, — сказал Лукас. — Он плох.

— А ты постарайся довезти. Тебе же лучше будет, если он загнется не у тебя дома, а в поселке, при свидетелях, верно?

Шериф вышел из сарая и подошел к Крису, который вытирал свою вспотевшую кобылу.

— Я не успел тебя расспросить об этом парне, — сказал Мак. — Расскажешь по дороге.

— Разве вы не останетесь пообедать? — спросил Лукас. — У нас...

— Не беспокойся, — перебил его Маккарти. — Уж я постараюсь, чтоб мой старый друг не остался голодным и трезвым. Здесь-то у тебя вряд ли найдется хотя бы капля виски. А ты не задерживай. Запрягай телегу и вези мальчишку в поселок. Чем быстрее, тем лучше.

Крис повернулся к Лукасу и сказал:

— Когда вернется Винн, пусть подождет меня здесь.

Маккарти показалось, что Крис сказал это, словно извинялся за что-то. И снова смутные подозрения охватили его.

Но, когда они отъехали от фермы, Крис заговорил о прошлом, вспоминая, как весело они кутили когда-то, спуская добытые деньги в притонах Сент-Луиса. Сердце шерифа сразу оттаяло, и он стал вместе с Крисом воскрешать в памяти чарующие имена — Жозефина, Арманда, Леонсия...

И только вернувшись в участок и расположившись за столом с бутылкой бурбона, Маккарти сообразил, что своими воспоминаниями Крис, скорее всего, просто уклонился от разговора про парня с гангреней.

— Эй, Лански, — позвал он помощника. — Сбегай в таверну да принеси нам мяса по-креольски.

— Как обычно, сэр?

— Да, как обычно. Только в два раза больше.

Он разлил виски по стаканам.

— У меня отличный повар. Бывший моряк флота Ее Королевского Величества. Может даже котенка приготовить так, что не отличишь от фазана.

— Полезный навык, — без тени улыбки сказал Крис. — Надеюсь, для тебя он выберет кошку пожирнее?

— Сам ты кот, хитрый котяра, — сердито буркнул Лысый Мак. — Крис, со мной вилить не надо. Тебе что-то известно про того парня?

— Немного. Возможно, он из банды Хаммера.

— Хаммер? Что еще за Хаммер?

— Не знаю, — Крис неожиданно улыбнулся: — А помнишь пароход «Сильвер Хаммер»? Помнишь, как мы в Новом Орлеане сели на него и не сходили на берег целый месяц?

— Двадцать восемь дней, — поправил Лысый Мак, — а когда сошли, еще неделю отлеживались после драки с матросами.

— Интересно, а сколько времени пришлось отлеживаться тем матросам?

— Крис, скажи прямо.

— Что?

— Ты будешь работать со мной или нет?

— Давай попробуем, — сказал Крис. — Не знаю, что из этого выйдет. Мне еще никогда не приходилось защищать закон.

— Я тебя научу. Такие люди, как мы с тобой, быстро схватывают эту науку. Потому что законы здесь устанавливаю я.

Лански принес из таверны заказанное угощение. Крис ел мало, почти не пил, и Лысый Мак снова обиделся. В прежние времена все было не так. Тогда они накидывались на еду, как голодные волки, с одинаковым упоением сметая со стола и роскошный ужин, и вяленое мясо, и черствую лепешку с половинкой луковицы.

— Угадай, что это было? — спросил Мак, когда Лански унес грязную посуду.

— Судя по косточкам, все-таки не кошка, а цыпленок. Помидоры, кайенский перец, горох, лук... И еще какое-то мясо. Восхитительное мясо, — добавил Крис.

— «Какое-то»? — Мак рассмеялся. — Обычная солонина! Да-да, самая простая засоленная свинина из шахтерской лавки. Я же тебя предупреждал: мой повар — волшебник. Он изучил свое волшебство, мотаясь десять лет по Мексиканскому заливу. Теперь он даже солонину готовит по-креольски!

— Что ж, я в восторге от местной кухни, — сказал Крис.

— Ты слышал, Лански? — довольный Маккарти повернулся к своему помощнику, появившемуся в кабинете с бутылкой виски в руке. — Он в восторге от местной кухни! Что это у тебя, неужели виски?

— Я сказал, что у вас гость, и повар передал это вам, сэр.

— Открывай и садись с нами, — скомандовал Мак. — Пора тебе познакомиться с нашим новым помощником шерифа. Ну, что ты застыл?

— Повар передал вам еще кое-что, сэр, — Лански замялся. — Передал на словах.

— Говори, не стесняйся.

— Он сказал, что индейцы готовят нападение на поселок. Ему это передал зеленщик. Наверно, надо предупредить инженера Скилларда, сэр.

— Ерунда, — махнул рукой Маккарти. — Садись, наливай, пей. Эти разговоры я слышу всю жизнь. Индейцы всегда хотят напасть. Только меня не волнует, чего они хотят. Вот когда нападут, тогда и будем с ними разбираться. А Крис нам в этом поможет. На его колоте не хватает зарубок.

Он порывлся в ящике стола, достал оттуда латунный значок, изображавший звезду внутри круга, и положил его на стол перед Крисом:

— Надень. С этого часа ты работаешь на меня.

Крис осторожно взял значок за края и разглядел его.

— Значок помощника? Но здесь написано не «помощник», а «охранник».

— Какая разница? — Маккарти нахмурился, потому что своей неуместной наблюдательностью Крис наступил на его самую больную мозоль.

Дело в том, что и на шерифской звезде Лысого Мака тоже было написано не «шериф», а «охрана компании Берга». Горнорудная компания подменяла собой государственную власть в этих краях, куда государство еще не дотянулось. Если разобраться, то Маккарти был шерифом только на словах, и с точки зрения закона ничем не отличался от самозванца судьи Бенсона. С точки зрения закона он был обыкновенным наемным сторожем. Ну, может быть, старшим из сторожей. Ему платили только за то, что он охранял собственность компании. Правда, компании принадлежало все вокруг — и дома шахтеров, и их инструменты, и торговые лавки, и товары в этих лавках. А государство здесь не владело ничем, поэтому даже федеральный маршал⁸ Баррет, появляясь иногда в Крофорд-Сити, не мог командовать «шерифом» Маккарти.

— Неважно, что там написано, — сказал Лысый Мак. — Важно, что такой значок не каждому дозволено носить. Считай, что тебя приняли в компанию Берга. Теперь ты можешь застрелить любого, и тебе ничего не будет. Вот что значит вступить в охранники компании.

— Не знал, что это делается так быстро, — сказал Крис, пристегивая значок к рубашке. — Я слышал, что полагается приносить какую-то клятву.

— Можешь поднять руку и сказать «клянусь», если тебе так хочется. Лански, что ты говорил, когда я принимал тебя в помощники?

Лански поглядел в потолок.

— Клянусь три раза в неделю выходить в ночной патруль. Клянусь не стрелять по собакам и курам. И еще что? Клянусь не выпускать заключенных без разрешения шерифа. Кажется, все.

— Ну что, Крис, тебя это устраивает?

— Прошу дать мне испытательный срок, — сказал Крис. — Пока я могу поклясться только в одном. Я клянусь не стрелять по вашим курам.

⁸ Федеральный маршал, или судебный исполнитель — полицейский чиновник, который назначается Президентом и представляет исполнительную власть в федеральном суде. Его задачи и полномочия такие же, как у шерифа, но он не зависит от местных властей.

Глава 5. ВИНСЕНТ КРОКЕТ. В ПОИСКАХ ЕНОВОЙ ШКУРЫ

Крис так тепло говорил о своем приятеле, что Лысый Мак заочно начал мне нравиться. Но нравился он мне только до тех пор, пока я его не увидел.

Один мой знакомый, дакота Громкий Шаг, когда-то учил меня, что у всех индейцев одинаковые лица, потому что они живут одинаковой жизнью, — жизнью своего племени. А у белых все лица разные, потому что каждый живет сам по себе. Он имел в виду, конечно, не разрез глаз и не длину мочки. Он говорил о том, что написано на человеческом лице.

На лице этого Лысого Мака было написано, что он тут не просто самый главный, а вообще единственный человек. Он глянул на меня с покровительственным презрением, а Джуда, похоже, даже не заметил.

Он уехал с Крисом, а мы с индейцем остались ждать эту копушу Энни. Наконец она вывалилась из дверей лавки с охапкой свертков и коробок. Мы переглянулись — и не тронулись с места. Она сама дотащила гору подарков до коновязи и скомандовала:

— Грузите все на своих лошадей! Скорее, а то рассыплется! Красный Орех, ну что ты смотришь?

Индеец неторопливо подошел к ней и подхватил падающую коробку.

— Тебе, Белая Сойка, надо было ехать на фургоне, — сказал он.

— Ну что ты ворчишь? Ты же сам знаешь, сколько там женщин и стариков, я никого не могу обидеть. Разделим поклажу на трех лошадей, ничего страшного, — говорила она, разбирая свои подарки на три неравные кучи.

— Что? — не выдержал я. — Мы поедем, как бродячие торговцы, по уши в коробках?

Джуд уже терпеливо обвязывал свои коробки длинным шнуром, но я не собирался плясать под дудку девчонки. Мой нож безжалостно расправился с разноцветными ленточками, и все эти гребешки, чашки и ремешки прекрасно разместились в свободной седельной сумке, а пару зеркал в металлической оправе я сунул в карманы жилета.

Энни молча собрала пустые коробки, обвязала их и подвесила к своему седлу.

Я понимал ее. Даже пустая коробка может стать прекрасным подарком для людей, которые живут под открытым небом и которые из-за своей бедности и гордости не заглядывают в галантерейную лавку.

Но ехать через открытую местность с таким грузом было вопиющим безрассудством. Энни Белая Сойка, наверно, не знала, как часто грабят людей даже в больших городах, где на каждом углу маячит полицейский.

Она поскакала впереди, мы с Джудом потрусили сзади, и его коробки смешно гремели в такт копытам.

— Почему она назвала тебя Красным Орехом?

— Это мое имя.

— А Джуд?

— Лукас назвал при крещении.

— Так ты крещеный?

— Мы все здесь крещеные.

Красный Орех... Наверно, так назвал его отец, когда увидел новорожденного сына, красного и сморщенного. А Белая Сойка — это уже не имя, а прозвище, которое получает каждый белый, кто входит в круг индейцев. Мои шайены называли меня «Человек — Повелитель Винчестера», причем не из желания подольститься, а просто чтобы указать на мою функцию в племени, я был у них кем-то вроде инструктора по стрелковому делу.

Пыля вслед за Энни по дороге, я размышлял об индейских именах. Когда-то я пытался объяснить Громкому Шагу, что имена белых людей тоже что-то обозначают. Белый человек получает обычно имя своего небесного покровителя. Меня, к примеру, называли в честь святого Винсента, и он теперь все время за мной присматривает, иногда помогает, чаще просто предостерегает. Но Громкий Шаг не мог понять, что такое «небесный покровитель». Зато ему был понятен смысл имени его отца, которого звали Собачий Пес, «Шунка Блока»

на языке сиу, а у меня в голове для такого понимания чего-то не хватало.

И тогда Громкий Шаг рассказал мне замечательную историю. Один из самых прославленных вождей народа сиу звался Бешеный Конь. Это был великий воин, непобедимый в бою. Белые смогли убить его, заманив на переговоры. Пятеро человек повисли на нем, часовой несколько раз ударил в спину штыком. Говорили, что пуля не брала Бешеного Коня. На лице его был заметный шрам, и шрам этот был как раз от пули. Когда-то в него стреляли с нескольких шагов, но он выжил. А стрелял в него индеец с очень интересным именем... Да, это была красивая история. Бешеный Конь, молодой и уже прославленный в боях и охоте, должен был стать вождем племени оглала. Но, на беду свою, влюбился в чужую жену. Бешеный Конь увез ее с собой в стойбище своих друзей. Ревнивый муж выследил их и догнал. Он подошел к костру, где в кругу друзей сидел Бешеный Конь с украденной женщиной. Он выстрелил в Бешеного Коня и увел жену с собой. Бешеный Конь остался жив, но теперь его уже не могли избрать вождем. И он стал только военачальником. А имя того индейца, который стрелял в него, было Нет Воды.

Нет Воды! Наверняка он однажды отказался поделиться водой. Может быть, я рассуждаю в манере другого индейца, которого звали Сам Знаю, но для меня этот Нет Воды уже навсегда останется жадным и мстительным типом. Кстати, говорят, что стрелял-то он все-таки не из-за ревности, а за деньги. Белые заплатили ему за голову молодого вождя, но, как оказалось, поторопились. Сомневаюсь, что Нет Воды вернул им неустойку.

Шахтерский поселок давно скрылся за холмами, когда мы свернули с дороги на широкую тропу, протоптанную в траве. Слева и справа от нас теперь высились длинные валы бурой комковатой глины, иногда попадались кучи полусгнившего мусора, среди которого можно было разглядеть то сломанную тачку, то ржавую лопату, стертую до самого черенка. Я догадался, что мы приближаемся к месту, которое называлось «старым карьером». Скоро в воздухе появился еле уловимый запах гари, и я насторожился. Никогда не мог похвастаться особо чутким носом, но я все же отличаю вкусный дымок полевой кухни от тоскливого запаха сгоревшего мусора.

Джуд, видно, подумал о том же, о чем и я. Он резко повернул мустанга и взлетел на глинистый вал, чтобы из-под ладони оглядеть прерию. Я направил Бронко за ним. Сверху было видно поляну между высокими мескитовыми деревьями, стоявшими полукольцом. На траве темнели округлые пятна, оставленные стоявшими здесь типи⁹. Белая зола кружилась вьюжной спиралью над остывшим кострищем.

— Это сюда мы везли подарки? — спросил я.

— Темный Бык ушел, — сказал Джуд.

— Они не могли уйти далеко, — сказала Энни. — Мы догоним их.

Когда большая индейская семья снимается с места зимней стоянки, ей трудно исчезнуть бесследно. И мы поскакали по широкой и хорошо заметной полосе следов, оставленных на траве и в песке. Меня немного тревожило то, что впереди, между холмами иногда поблескивала река, и следы направлялись определенно в ее сторону. Не знаю, как переправлялись они, но для нас переправа стала бы тяжелым испытанием. Если придется пускать коней вплавь, то Энни придется распрощаться со своими коробками.

Я немного беспокоился, немного злорадствовал. Но на берегу реки нас поджидали совсем иные трудности.

Широкая цепочка следов внезапно разрослась во все стороны, словно все, кто шел к реке, вдруг разбрелись поодиночке. Одни пошли направо, другие налево, третьи повернули назад, а четвертые шагнули прямо в реку.

Энни остановилась, растерянно вертя головой по сторонам:

— Что здесь случилось?

— Ничего не случилось, — пояснил Джуд.

⁹ Типи — переносное жилище равнинных индейцев, коническая палатка из шкур и жердей.

— Ничего, — согласился я. — Если не считать того, что Темный Бык решил оторваться от погони.

Это было, наверно, похоже на лабиринт. Племя разбежалось, как осколки гранаты. Но я понимал, что, в отличие от гранаты, все эти следы обязательно где-то соединятся. Индейцы знали точку сбора, а мы — нет. И выйти в нее мы могли только одним способом — терпеливо и внимательно двигаясь по любому из следов. Но по какому?

— Налево? Направо? — спросил я у Джуда.

— Налево каменный холм, — ответил команчero.

Понятно. Каменистая плоскость не хранит следов, особенно если преследуемые не забудут об этом позаботиться.

— Назад тоже бесполезно идти, там поселок, — сказала Энни. — Там будет слишком много чужих следов. И никто не подскажет, куда они ушли. Только запутают еще больше.

— Впереди — река, — подвел я итог нашего военного совета. — Остается один путь. Двигаемся направо вдоль реки.

Через полчаса мы дошли до еще теплых углей небольшого костра. Наверно, это был сигнальный костер: обгоревшие сучья лежали на ровном месте, не было никаких камней, чтобы поставить на них чайник, не было и ни одной дырки в земле, оставленной костровыми рогатинами. К тому же ни один из следов не отклонился в сторону и не кружил на месте, как это бывает даже на коротких остановках.

— Идут на Косой Брод, — уверенно заявил Джуд, мельком глянув на угли.

Я снова оглядел остатки костра и на этот раз заметил то, что проглядел поначалу. Обугленные сучья были положены в золу уже после того, как костер догорел. Длинный сук лежал параллельно реке, а короткий пересекал его под острым углом. Это был знак для тех, кто идет следом. Знак, понятный только своим.

Река в этом месте была не слишком широка, но изобиловала скрытыми ямами, о чем красноречиво говорили воронки, бегущие среди оливковой ряби и белых гребешков. Джуд первым направил своего мустанга в воду и показал рукой на белый валун, высившийся на другом берегу значительно правее.

— Держите на него! Энни, не смотри на воду!

— Спасибо за совет, — негромко проворчала девчонка в ответ и подтянула коробки повыше, придерживая их одной рукой.

Мы долго пробирались по песчаной косой отмели, и я тоже не смотрел на воду, потому что непрерывно вертел головой, оглядывая берега. Каждый раз, когда приходится долго пересекать открытое пространство, чувствуешь себя движущейся мишенью. Конечно, если в тебя уже целятся, ты вряд ли успеешь увернуться от выстрела. Но я по себе знал, как неудобно стрелять в мишень, которая вертит головой и в любой момент может обнаружить стрелка. Стрелку в таком случае приходится не только целиться, но и скрываться. А когда делаешь два дела одновременно, все получается не так, как хотелось бы.

Команчero знал это не хуже меня. Переправляясь через длинный брод, он держал карабин на бедре стволом вверх. А как только выбрался на берег, остановил коня вплотную под валуном, защитив свой левый бок.

— Кайова собираются у скалы Белого Мула, — сказал Джуд, когда мы с Энни подъехали к нему. — Там раньше собирались на летние праздники. За ними едут чужие.

— Где это написано? — спросил я.

— На земле.

Он опустил карабин и стволом показал на втоптаный в песок огрызок тонкой сигары.

— Наверно, у Темного Быка есть повод для праздника, — сказала Энни. — Это было бы прекрасно. Хорошо, что у нас много подарков. Но плохо, что они нас не отпустят сразу. Отец будет беспокоиться. Поехали скорее, Красный Орех, почему ты стоишь?

— Дальше поедem так, — сказал Джуд. — Я первый, вы двое — сзади. Если останавлиюсь, вы тоже стоите. Если поворачиваюсь и убегаю, вы тоже убегаете и не ждете меня.

— Понятно, — кивнул я.

— К чему такие сложности? — сказала Энни недовольно. — Мы здесь ездили тысячу раз безо всяких предосторожностей! Нам надо спешить.

Джуд, не ответив, ускорился вперед.

— Это называется «боевой дозор», — сказал я.

— Он просто любит командовать белыми, — ответила Энни. — Да, отец знал, кого послать со мной...

Она тронулась с места, я пристроился сбоку, но она возмутилась:

— Держитесь сзади, мистер Крокет! Терпеть не могу, когда ко мне прижимаются!

Так мы проехали еще несколько миль, пока Джуд не остановился и не подозвал нас жестом. Тропа вела к тому, что здесь называют «гребенкой» — к череде невысоких, вытянутых холмов, оголенных наверху и опушенных сухим кустарником внизу.

— Уже близко, — сказал команчero.

Мы поднялись на первый холм, и с его высоты стало видно, как изменился вид прерии на этом берегу. Все пространство было покрыто пятнами густого и высокого темно-зеленого кустарника, а между ними просвечивала безжизненная оранжевая земля. Если обычную степь часто хочется сравнить с морем, то здесь перед нами лежало, скорее, болото.

— Похоже, они прошли совсем недавно, — сказал я и спешил, чтобы пощупать след, оставшийся на склоне холма.

Не успел я сделать и двух шагов, как что-то со страшной силой ударило меня в бок. И сразу время пошло по-другому. Сначала мне показалось, что это злой мустанг индейца исподтишка лягнул меня — недаром он так косился, когда на поворотах я приближался к нему слишком тесно. Потом я сообразил, что мустанг стоит слева, а удар я получил справа. Но почему тогда я падаю не в сторону, а вперед? Бурая земля в белых «прозрачных» известковых потеках стремительно приближалась к моим глазам, и я покрепче сжал карабин, чтобы не потерять его, когда буду катиться вниз по склону. Земля все еще приближалась, когда я услышал далекий треск винтовочного выстрела. Я еще успел подумать, что это охотники на бизонов заготавливают мясо для шахтеров. Ноги мои подогнулись, и я повалился набок, перекатился по склону, прижимая карабин к груди, и застрял в сухом кустарнике.

Я не закрывал глаза ни на секунду, но не видел пока ничего, кроме комьев земли и голых сучьев. Где-то далеко послышался топот убегающего коня, потом проскакало еще несколько лошадей. Кто-то кричал: «Догоним, догоним, с грузом ему не уйти!»

Мне не хотелось подниматься. Я знал, что как только пошевелюсь, мне будет очень больно. Так и вышло. Вся правая сторона груди моментально налилась свинцовой тяжестью боли, от которой меня всего скрючило, и я чуть не закричал. Но крови нигде не было, и обе руки были целы, хотя что-то хрустело под мышкой при каждом движении. Ноги казались ватными, но я все же смог встать на колени. Большого добиться не удалось, и я стал выбираться из куста, стоя на коленях и держа карабин у плеча.

Слева были слышны чужие голоса, и я направился налево. Шаг за шагом, закусив губу, чтобы не застонать от боли, я на коленях обогнул куст и увидел, что чертовы коробки свое дело сделали.

Энни лежала на земле лицом вниз. Она лежала неподвижно, но я сразу понял, что она жива: убитые не держат руки на затылке, придавив шляпу к голове. Ее лошадь стояла рядом, возмущенно мотая головой и пытаясь выдернуть поводья из рук неизвестного оборванца в грязной дырявой шляпе. Второй бандит срывал коробки, привязанные к седлу.

— Сходи проверь того, которого я ссадил! — крикнул ему хозяин дырявой шляпы.

— Ага! Больно ты умный, Хряк. Я уйду, а ты пока набьешь свои карманы? Сам ссадил, сам и проверяй!

Он отбросил очередную коробку и возмущенно заорал:

— Да они все пустые! Ты, придурок, на кой черт ты везешь столько пустых коробок?!

Потрясая картонкой, он подскочил к Энни и пнул ее в плечо. Она встрепенулась, и

шляпа свалилась с ее головы, открыв длинную косу, уложенную кольцом.

— Что за дьявол! Ты девка? Переодетая девка! Эй, Хряк, все не так и плохо!

Он заблуждался. Для них обоих все было плохо, очень плохо. Никогда еще мне не приходилось стрелять, стоя на коленях. Можно было бы и лечь поудобнее, времени хватало, но я не был уверен, что после стрельбы смогу самостоятельно подняться. Стоять на коленях было больно и неудобно, к тому же меня все время тянуло согнуться вправо и потерять больное место. Боль добавляла злости, а злость мешала целиться. Но я не промазал. Первый выстрел достался тому, кто стоял над Энни. Он схватился за живот, скрючился и, шатаясь, отступил от нее. Второму я попал в грудь, он рухнул на спину, широко раскинув руки, и его шляпа покатилась по земле. В это время первый еще стоял на ногах и силился вскинуть револьвер. Я выстрелил в него еще раз, и он опустился на колени. Он сгибался и разгибался, выкрикивая короткие ругательства, изо рта у него летели брызги крови и пена. Его рука все-таки поднялась в мою сторону, но я успел четвертым выстрелом попасть в лоб. Он опрокинулся набок и, наконец, затих.

Пока я стрелял, Энни подобрала шляпу и, извиваясь, как ящерица, быстро-быстро подползла ко мне и спряталась за спиной.

Я не торопился вставать и показываться из-за куста.

— Сколько их? — шепнул я.

— Есть еще двое, — почти беззвучно произнесла она. — Поскакали за Джудом. Они скоро вернутся.

— Вряд ли.

— У него быстрый конь. Они не догонят его. И вернутся, — упрямо повторила она чуть громче.

До нас донеслись выстрелы — один, второй и, после паузы, третий. Все были сделаны из одного и того же оружия. Это была не перестрелка, а расстрел. Я встал, тяжело опираясь на карабин, как старик на клюку.

— Они не вернутся, потому что они его догнали, — сказал я. — Пойду, покажусь ему, чтобы не беспокоился.

Редкий охотник способен удержаться от преследования убегающей добычи. На этой человеческой слабости и сыграл сейчас хитрый команчero. Он не стал вступать в бой с бандитами, пока они прятались в засаде. Но стоило им выскочить на открытое пространство, да еще и вытянуться в цепь, как из охотников они превратились в дичь. Ему оставалось только подыскать подходящее место, чтобы неожиданно остановиться и перебить их поодиночке.

Выбравшись на лысый гребень холма, где мой Бронко как ни в чем не бывало выщипывал последние чахлые травинки, я огляделся и помахал своей шляпой, хотя вокруг не было видно ни души. Если, конечно, не считать двух лошадей, которые растерянно стояли вдалеке, над телами своих хозяев, невидимых в густой траве.

— Давай, вылезай на свет! — крикнул я. — Для тебя есть работа!

— Какая еще работа?

Он оказался быстрее, чем я ожидал, — его голова выглянула из-за куста в двадцати шагах от меня.

— Коробки собирать, — сказал я, смеясь и задыхаясь от боли в боку. — Они разбросали наши драгоценные коробки!

Снизу донеслось ворчание Энни:

— Без вас управлюсь, работнички...

Она хорошо держалась. Правда, ей понадобилось на пару минут скрыться за кустами, чтобы поправить кое-какие детали одежды.

Мне приходилось видеть, как ведут себя люди перед лицом смертельной опасности. И должен признать, что почти все держатся достойно, хотя бы поначалу. Гораздо тяжелее сохранить достоинство, когда опасность миновала. Страх, загнанный гордостью в глубину сознания, вырывается наружу, как пружина из сломавшегося механизма. И часто вырывается

вместе со всем, что ему попадает на пути. Помню, как меня самого, например, вырвало, когда я впервые зарезал человека. Перед этим мы с ним минуты две возились в зловонной болотной жиже, и его нож был длиннее, мне было страшно, однако мой желудок вел себя достойно. Но, когда я наклонился, чтобы отмыть руки от его черной крови, меня вывернуло наизнанку, и кажется, я утопил в этом болоте даже косточки тех вишен, которые глотал в детстве. А некоторые достойные бойцы признавались, что страдают поносом после каждого боя, поэтому в бой лучше идти натошак.

Не знаю, каким способом Энни справилась со своими чувствами, но из-за кустов она появилась побледневшая и усталая. Она молча подбирала свои коробки с земли, равнодушно перешагивая через убитых. Ее словоохотливый братец хвастался, что у них и кладбища нет, потому что в их краях никто еще не умирал. Но на эту девчонку вид покойников явно не производил особенного впечатления.

Вместе с Джудом мы осмотрели их. Наши трофеи оказались небогатыми. Четырнадцать долларов бумажками, шесть серебром, старая винтовка системы «Генри», немного патронов... Револьверы бандитов были покрыты ржавчиной, а подметки обвязаны проволокой.

— Бродяги, — заключил Джуд.

— Посмотри, сколько грязи в стволе винтовки. Удивительно, как им удалось в меня попасть.

— Они попали в тебя? Я думал, ты притворяешься, Ты слишком хорошо падал, — сказал мне Джуд. — Как настоящий мертвец. Но ни один индеец не поверил бы тебе, как эти бродяги.

— Я что-то сделал не так?

— Убитые не прижимают к себе ружье. И с них всегда слетает шляпа.

— Спасибо за науку. Ты тоже здорово убегал, — ответил я. — Но только несчастные бродяги могли клюнуть на такую уловку.

Джуд помог мне стянуть рубаху, чтобы осмотреть рану, но никакой раны не было. На ребрах густо краснел четкий круг, величиной с блюдце. Точнее, величиной с зеркальце, которое лежало в моем жилете и которое было разбито винтовочной пулей. Полированная жестяная оправа сохранила небольшую продолговатую вмятину от пули.

— Жалко. Хорошее было зеркало, — сказал Джуд. — А что это за шрамы у тебя на спине?

— Кошка оцарапала.

Индеец оглянулся на Энни и, убедившись, что та поглощена своим багажом, задрал свою клетчатую рубаху и повернулся ко мне спиной.

— Видишь?

— Вижу.

Четыре грубых рваных рубца извивались над его лопатками. Он заправил рубашку в брюки и сказал:

— Я впервые вижу белого, который был на Пляске Солнца. Твои шрамы еще розовые. Когда это было?

— Давно. Полтора года назад. А у тебя?

— Последний раз пять лет назад, — сказал индеец. — С тех пор наша семья ни разу не собиралась на Пляску Солнца.

Наконец, мы смогли снова тронуться, отыскав хорошо заметный след откочевавшей семьи Темного Быка. Теперь Энни не лезла вперед, а смирно держалась между нами. Она все еще была чуть бледнее, чем до встречи с бродягами, но ее короткий нос гордо задирался вверх.

— Я все слышала, — сказала она. — Пуля попала вам в грудь, мистер Крокет?

— Увы, она попала в зеркало и изрядно его подпортила.

— Вы чуть было не погибли из-за меня.

— Наоборот. Из-за вас я остался жив. Ведь это ваше зеркало остановило пулю.

— Но ведь вас могли убить! — сердито настаивала Энни.

— Но ведь не смогли. Выходит, не о чем и говорить.

— Тебя не могли убить при дневном свете, — сказал Джуд. — Кто был на Пляске Солнца, того можно убить только ночью.

— Что это за Пляска Солнца? — Энни повернулась к нему, но Джуд не ответил. — Что такое Пляска Солнца, мистер Крокет?

— Не знаю, — сказал я. — Кажется, какой-то индейский танец. Очень долгий танец.

— Красный Орех, ты об этом больше знаешь. Расскажи.

— Крокет сказал правду. Это танец, и все.

— При чем тут Солнце?

— Это бывает в дни долгого солнца, летом. Поэтому так и назвали.

— Шайены называют этот танец иначе, — добавил я. — На их языке это называется Нора в Новую Жизнь.

— Шайены? Они ничего не понимают в священных танцах, — сказал команчero. — Говорят, они даже не украшают столб. Ставят обычное бревно, и все. Дикари.

— Какой столб? — спросила Энни. — И почему тогда «нора»?

Я посмотрел на Джуда, и он кивнул, передавая мне право рассказа. Мне бы хотелось узнать, как выглядит этот ритуал у команчей, но еще больше мне хотелось, чтобы Энни слушала меня, а не своего Красного Ореха.

— Не знаю, Джуд, кто тебе рассказывал о шайенах, но насчет столба ты ошибаешься. Шайены украшают столб. Они рисуют на нем спиральные полосы, они вообще любят полосы, а на макушке устанавливают старый череп бизона. Вокруг этого столба все танцуют без передышки три дня — три дня без еды и питья — а на четвертый день остаются несколько человек, которых отбирает вождь.

Я замолчал, ощутив болезненные толчки в груди. До меня не сразу дошло, что это колотится сердце. Наверно, под ребрами уже появился отек. Я представил, сколько там накопилось крови из перебитых мелких сосудов. К утру мою грудь будет украшать огромный синяк с черной каймой. Лучше не думать, что сейчас делается с легкими...

— И что делают с этими людьми? — спросила Энни.

— Их привязывают к столбу, — сказал я, растирая бок и стараясь не морщиться. — Это похоже на то, как теленка пасут на привязи. Им прокалывают кожу на спине, причем кровь не проступает...

— Еще бы. Три дня не пить, не есть... — вставила Энни. — Извините, мистер Крокет, я вас перебила. А дальше что?

— Дальше? В проколы вводят деревянные палочки, а к ним крепят кожаные ремни, которые привязаны к центральному столбу. И вот теперь, Энни, начинается самое главное. Эти последние участники начинают двигаться по кругу. Они продолжают танцевать, но уже ничего не соображают. Ремни не дают им выйти из круга, и они кружат, пока последние силы не оставят их. Вот тут и появляется эта Нора в новую жизнь. Все вокруг покрывается сначала туманом, потом темнотой, и только впереди светится какое-то окно, ты видишь весь мир словно через трубу. И это не тот мир, в котором ты начинал свой круг. Это мир Того, Кто Исполняет Желания. Некоторые его видят, некоторые нет. Но видеть — это не самое главное. Самое главное — успеть передать просьбу, но не остаться там, в этом мире. А он начинает затягивать, свет становится розовым, теплым, приятным. И вот, когда ты чувствуешь, что уже проваливаешься, надо резко вырваться из круга. Кожа на спине рвется, и остается хорошо заметный шрам. Вот и весь танец.

— Некоторые цепляют ремни за грудь, — добавил Джуд. — Но это нескромно.

— А ради чего все это? — тихо спросила Энни.

— Ради чего? Это что-то вроде молитвы. Человек молится о своем народе, или о своих больных родителях, или еще о ком-нибудь, прося для них помощи. Ничего для себя.

— Все просят одного и того же, — сказал Джуд. — Чтобы было много бизонов. Мы не собирались уже пять лет. И бизоны ушли.

— Разве они ушли пять лет назад? — сказала Энни. — Мне девятнадцать, а я видела бизонов только тогда, когда была совсем маленькой. Их нет уже давно, при чем тут Пляска Солнца?

— Мы стали хуже, чем были раньше. Наши просьбы не доходят до бога, вот и все, — мрачно заключил Джуд.

Глава 6. УРОКИ ПРАВОСУДИЯ

Креольская солонина, попав в желудок, превратилась в тлеющий хлопок. Крис заливал жжение холодной водой, а Маккарти использовал виски, но кайенская начинка не поддавалась ни тому, ни другому.

— Хорошо бы сейчас пропустить по кружечке пива, — заметил Мак.

— Здравая мысль, — кивнул Крис.

— Где этот Лански? Пошлем его за пивом.

Крис выглянул в окно и увидел, что помощник Лански стоит возле пролетки, запряженной парой дорогих жеребцов, и о чем-то беседует с седоком, которого не было видно за поднятым кожаным верхом. Трое всадников, увешанных оружием, виднелись за коляской.

Лански оглянулся, заметил Криса и торопливо направился к участку?

— У нас проблемы, босс. Приехал Фримонт, и он страшно зол.

— Ну и что?

— Я с ним и так и эдак, но он слушать ничего не хочет. Ему срочно нужен инженер Скиллард, а того, как назло, нигде нет!

— Фримонт? Плевать, — сказал Маккарти, но все же встал из-за стола и поправил на груди звезду. — Пойдем, Крис, посмотришь, как надо работать с населением.

— Кто такой Фримонт?

— Скотопромышленник из Канзаса. Богач из богачей. У себя в Канзасе скупил все, что можно. Теперь тянет лапы к нам.

Скотопромышленник Фримонт не удостоил шерифа ни рукопожатием, ни кивком. Не слезая с коляски, он заговорил раздраженно и без вступлений, словно продолжая давно начатую беседу:

— Могу сказать, что меня весьма удивляют некоторые местные обычаи. Если у вас тут не принято хоронить покойников, то, может быть, мне придется самому научить вас, как это делается у белых людей? Безобразие, Маккарти! Ладно, мой скот угоняют за реку к индейцам. Ладно, с этим я могу и сам разобраться. Ладно, моих ковбоев убивают из-за угла. Но почему бы тем, кто это сделал, не предать земле несчастных парней?

— Привет, Фримонт, — спокойно ответил Маккарти, не сходя с крыльца. — Могу я быть чем-нибудь полезен?

— Не думаю. Я хотел говорить со Скиллардом.

Фримонт откинулся на спинку своей скамейки, и коляска жалобно заскрипела, а кучер натянул вожжи, успокаивая лошадей. Трое ковбоев, прискакавших вместе с Фримонтом, враждебно поглядывали на Криса, который отошел на другой край крыльца и небрежно прислонился к столбу, держа руки на поясе.

Крису не понравилось, как вел себя этот Фримонт. И дело было вовсе не в его манерах. Тревожило то, что поведение Фримонта было непонятным. Если он приехал просить помощи, то зачем же сразу от нее отказываться? Если же мясной барон приехал жаловаться на трудности жизни, то вряд ли он здесь найдет сочувствие. Все это походило на то, как задираются пьяные драчуны в салуне. Но Фримонт был трезв, и проехал с десятков миль — неужели ему не к кому придаться на своем ранчо?

— Инженер Скиллард не обязан сидеть в конторе и ждать тебя. И я не думаю, что ему так уж важно знать, что у тебя кого-то убили, — сказал Маккарти.

— Не «кого-то», а моих работников, — Фримонт снова встал в коляске. — Четверых,

шериф, четверых. Неделю назад они уехали в патруль на южный край пастбища, и с тех пор их уже никто не видел живыми.

— Бывает, — сказал Маккарти сочувственно. — Здесь часто пропадают и люди, и скот.

— Ах, «бывает»? А бывает такое, что через несколько дней одного из пропавших находят на северном краю пастбища, другого за рекой, а остальных не нашли до сих пор? Кто-то убил моих людей, шериф, и разбросал их тела по округе. Разбросал на съедение птицам и зверям.

— Они были раздеты? — спросил Крис.

— Этого только не хватало!

— А лошади нашлись?

— Конечно, нет! Ни лошадей, ни оружия.

— Индейцы, — сказал шериф Маккарти. — Больше некому. Твой скот пасется на землях, где они жили слишком долго, Фримонт. Ничего не поделаешь, краснокожие до сих пор считают, что они тут хозяева.

— Краснокожие умеют прятать концы в воду, шериф. Им не нужна война.

— Ну, возможно, твои парни повздорили между собой. Или напоролись на бродяг. Но я все же думаю что это сделали индейцы. Говорят, где-то поблизости бродит банда молодых шайенов из Колорадо.

— Это все, что ты можешь мне сказать, шериф?

— Я не отвечаю за индейцев. Если они так уж тебе мешают, почему бы тебе не вызвать армию?

Фримонт стоял в коляске, заложив большие пальцы в кармашки бархатного лилового жилета, и долго не отвечал, обводя взглядом площадь. Убедившись, что все присутствующие смотрят на него, он как бы задумчиво, но довольно громко произнес:

— Почему бы нам, наконец, не выбрать другого шерифа?

Маккарти с деланным сочувствием развел руками:

— Не тебе меня выбирать, Фримонт. Ты не работник компании.

— Да, к счастью, я свободный человек. И живу в свободной стране. И я сам позабочусь о своих людях! — с этими словами Фримонт снова опустился на скамейку, и догадливый кучер щелкнул бичом.

Повозка с грохотом развернулась и укатила, а вслед за ней, глотая пыль, поскакали охранники.

— Здорово вы его отшили, босс, — восхищенно сказал Лански.

— Учитесь, парни, как надо разговаривать с богачами. Подумаешь, ско-то-про-мышлен-ник! — насмешливо протянул Маккарти. — Никто его сюда не звал. И защищать его здесь никто не собирается.

После такой беседы Мак вознамерился все же исполнить свое давнее желание и пропустить по паре кружек пива. Но, подходя вместе с Крисом к салуну, он предупредил:

— Сюда лучше не показывайся. Здесь собирается всякий сброд. С меня хватает и того, что приходится заглядывать по долгу службы.

Крис заметил, что из открытого окна салуна тянется табачный дым. Когда Мак замолчал, стало слышно невнятное гудение множества голосов.

— Что там творится? — недовольно спросил Маккарти. — Опять сходка? Эти бездельники страсть как любят собираться здесь и чесать языками.

Внутри их ждали примерно два десятка людей. Сидя за столиками и вдоль стойки, они одновременно повернулись ко входу и уставились на Маккарти.

— А вот и шериф, — сказал седой благообразный бармен с бакенбардами. — Быстро же ты добрался, Маккарти. Интересно знать, кто тебя известил?

— Меня извещать не надо, Бенсон. Я и сам все могу узнать. Что тут у вас?

Бенсон задержался с ответом, разглядывая Криса.

— У тебя новый помощник? Я не видел его раньше в поселке.

— Его прислал федеральный маршал Крофорд из Теннесси, — важно объявил

Маккарти. — Так что ты хотел сказать?

— Я? Ничего, — Бенсон налил пива в кружку и подвинул ее по стойке в сторону Криса. — Новому гостю за счет заведения.

— Спасибо, — Крис вежливо намочил губы в пене и отставил кружку.

— С тобой, шериф, хочет поговорить один парень, но он боится, — сказал Бенсон. — Ему и при рождении досталось не слишком много отваги, и жизнь была наполнена вечным страхом, а последние события, похоже, напугали его до полусмерти. Он шел к тебе, шериф, но растерял последние капли смелости по дороге. Вот он и застрял у меня. Ты уж не гневайся на него.

— Хватит морочить мне голову, — сказал шериф, оглядываясь. — Честному человеку незачем меня бояться.

— Я тоже так думаю, — кивнул Бенсон. — Мэт, покажись на свет Божий.

Над стойкой медленно выросла всклокоченная седая голова старого негра. Маккарти расхохотался, схватившись за ремень:

— Так он прятался у тебя в ногах, как нашкодивший кот! Мэт, в чем дело? С чего бы тебе меня бояться?

— Я не вас боюсь, сэр, — проговорил негр, продолжая постепенно показываться над стойкой. — Я индейцев боюсь.

Он остался стоять рядом с барменом, крепко держась за полированный край стойки.

— Опять индейцы? — возмутился Маккарти. — Да вы что, сговорились? Весь день только и слышу о краснокожих!

— Мафусаил, повтори шерифу все, что рассказал нам, — попросил Бенсон.

— Сегодня еще до рассвета мы с инженером Скиллардом поехали в Гудворд на станцию, встречать какого-то нового инженера. Приехали, ждем поезда. Скиллард сидел в буфете, я при лошадях. Тут подходит ко мне черный Томас, раб Темного Быка. Не хочешь ли, говорит, посмотреть одну интересную штуковину? И ведет меня за собой на конюшню. А там два индейца. Томас наставил на меня ружье и повел наверх, где сено. Сеном забросали и приказали молчать до завтрашнего вечера. Он забрал мою одежду.

— Понятно, — резко бросил шериф. — Они тебя связали?

— Нет, сэр.

— Тогда почему ты не выбежал сразу? Почему не предупредил Скилларда? Почему на помощь не позвал никого, черт возьми!

— Мне было страшно, сэр. Томас сказал, что убьет моих детей, если я выйду из конюшни до вечера.

— Но ты все же вышел, не так ли?

— Нет, сэр. Меня нашел сторож. Он и привез меня домой.

— Черт возьми! Значит, Скиллард уехал со станции не с тобой... Этот черномазый Томас увез его к Темному Быку... К индейцам! Опять эти индейцы! Мэт, если он пропадет... — Маккарти ударил кулаком по стойке так, что негр снова юркнул под нее. — Вылезай, старый осел! Что они задумали? О чем говорили?

— Они говорили о землемерах.

— Что говорили?

— Я не то сказал, сэр, извините. Они молчали. Говорил только Томас. Он сказал, что убьет моих детей...

— Это я уже слышал! Что еще?

— Он сказал, что землемерам здесь делать нечего. И все. Истинно так, сэр, больше не сказал ни слова! Нечего, говорит, им тут делать!

Шериф Маккарти развернулся и обвел взглядом людей, собравшихся в салуне. Он засунул большие пальцы за пояс и угрожающе наклонился вперед:

— Кажется, вы все тут чему-то радуетесь? У вас какой-то праздник, ребята? Вы веселитесь вместо того, чтобы кинуться вдогонку за своим инженером и спасти его? Он вам мало платит? Он бьет вас? Он спит с вашими женами? Отвечайте! Что плохого сделал вам

Скиллард, кроме того, что дал вам работу?

— Мы ничего не имеем против Скилларда, шериф.

— Но что мы можем сделать?

— Я вам скажу, что вы можете сделать, — рявкнул шериф и направился к выходу. — Все, у кого есть конь, собирайтесь на площади! Все, кто носит штаны, приходите туда же с оружием. Поднимите всех, кто не на работе. Пойдем выручать Скилларда!

Шахтеры неохотно поднялись с мест и побрели из бара. Шериф, стоя у выхода, не поленился похлопать каждого по спине, не то подбадривая, не то поторапливая.

Крис, однако, не последовал за шерифом, а остался у стойки. Он отпил еще пива и сказал бармену:

— У вас тут довольно мило. Чистые кружки, занавески, скатерти. Сколько времени надо, чтобы добраться до станции и вернуться обратно?

— Часов шесть, — сказал бармен.

— Значит, этот Скиллард уже должен был вернуться?

— Конечно, нет. Нельзя знать заранее, когда вернешься, если едешь встречать канзасский поезд.

— Верно, — согласился Крис. — Поезд может и опоздать.

— Поезд может и не прийти, — спокойно добавил бармен.

— Значит, если бы Мэт не рассказал нам о том, что его подменили, Скилларда довольно долго никто не стал бы искать. Его могли бы хватить только к вечеру, не так ли?

Бармен вытер руки, отложил полотенце и облокотился о стойку, встав напротив Криса.

— Помощник, как мне вас называть?

— Крис.

— Кристофер, или Кристиан, или, быть может, даже Кристоаль?

— Кристиан Флетчер, — сказал Крис, взяв напрокат фамилию своего приятеля, похороненного в Мексике. Свое полное имя он никогда не называл в местах, где о нем могли знать только понаслышке.

— Рэймонд Бенсон, — представился бармен. — Меня еще называют «судьей Бенсоном», может быть, слышали? Хотя до Теннесси, надеюсь, еще не докатились сказки обо мне.

— Не докатились.

— На ваше предположение я отвечу так, мистер Флетчер. Инженера Скилларда никто не стал бы искать, даже если бы он не показывался здесь неделю. А тот, кто нашел бы его, был бы дружно проклят всем населением Крофорд-Сити. Как видите, призывы шерифа не вызывают у населения никакого воодушевления.

— Что за птица этот Скиллард?

Судья Бенсон многозначительно поднял палец:

— Инженер Скиллард! Многие шахтеры наверняка уверены, что «инженер» — это его имя. Но его имя — Бенджамин, а звание инженера он присвоил себе, чтобы его не путали с другими Скиллардами, земельными спекулянтами, которые имеют довольно шумную известность в Канзасе. Говорят, наш инженер не так давно и сам подвизался на землеустроительном поприще, но не преуспел в этом. Перед этим он вложил капитал в мясозаготовки, но его бизнес рухнул после той страшной зимы восемьдесят седьмого года¹⁰. Теперь он — инженер. Специалист по угледобыче. Первое время он не мог выйти из моего салуна, не прочитав нам лекцию об углях. О лигнитах, антрацитах, сланцах и еще многих вещах. Пока он просто трепал языком, люди терпели. Мало ли о чем любит поговорить пьяный начальник? Однако все кончилось тем, что его чуть не линчевали за богохульство. Он заявил, что возраст местного угля 120 миллионов лет. Да-да, так и сказал, сто двадцать

¹⁰ Зимой 1886 — 87 года на Западе США от небывалых снегопадов и морозов погибли сотни тысяч голов скота, оставленного на открытых пастбищах.

миллионов лет. Шахтеры посмеялись над этой шуткой, но он говорил всерьез.

— А в чем шутка? — не понял Крис.

— Как известно, датой сотворения мира считается 7 октября 3761 года до рождества Христова, — напомнил судья Бенсон. — С этим спорят только англиканцы. В постраничных заголовках Библии короля Якова приводится другая дата, а именно 9 часов утра 23 октября 4004 года до рождества Христова. Среди наших шахтеров есть приверженцы и католической, и англиканской церкви, есть и баптисты, и пресвитериане, но никому и в голову не могло прийти, что взрослый человек после двух стаканчиков виски станет опровергать Библию при значительном скоплении верующих.

— И что, Скиллард опроверг?

— Не успел. Сослался на неотложные дела и покинул заведение. С тех пор он у меня не показывается. Для моего салуна он слишком важная персона. Он предпочитает пить французский коньяк на ранчо Фримонта.

Зычный голос шерифа перебил речь Бенсона.

— Крис, ты где?

Не обращая внимания на этот удивленный возглас, Крис неторопливо отпил еще глоток пива и сказал:

— Значит, если я правильно понял, нам не удастся созвать городское ополчение, чтобы освободить инженера из лап индейцев?

— Вы правильно поняли, помощник Флетчер.

— Просто Крис.

— Просто судья Бенсон.

Они пожали руки над стойкой, и Крис повернулся к Маккарти, который все еще стоял в дверях.

Лысый Мак сбил шляпу на затылок и почесал переносицу. Постояв на пороге еще пару секунд, он, наконец, решительно направился к стойке:

— И мне пива, Бенсон. Не будем горячиться.

— А что мы знаем об этих индейцах? — спросил Крис. — Кажется, кучер сказал, что они из клана какого-то Быка?

— Из семьи Темного Быка, — сказал Маккарти. — Он тут заправляет всеми краснокожими.

— У Темного Быка есть причины становиться на тропу войны?

— Нет, — сказал судья Бенсон. — По крайней мере, мы не знаем о таких причинах. Выражаясь в стиле индейцев, Темный Бык давно прошел через свою последнюю битву с белыми.

— В таком случае, джентльмены, что нам мешает просто поехать к нему и спросить, где Скиллард? — поинтересовался Крис.

— Возможно, это единственный разумный способ уладить дело, — сказал Бенсон. — Вполне возможно, что сам Темный Бык не имеет никакого отношения к похищению, если это было похищение. И в таком случае он сделает все, чтобы снять с себя малейшие подозрения.

— Поехать-то можно, — буркнул шериф. — Вот только неизвестно, вернемся ли мы оттуда. От этих индейцев всего можно ожидать. Вот что мы сделаем. Посмотрим, сколько нам удастся собрать народу. Дюжина парней из поселка, да еще три-четыре охранника с шахты, да нас двое... Такой командой уже можно отправиться в гости к Темному Быку. Как думаешь, Крис?

— Тебе виднее, шериф. Спасибо за пиво, судья Бенсон.

На площади перед шерифской конторой стояли три оседланные лошади, и трое шахтеров с «миротворцами»¹¹ на поясе угрюмо жевали табак под навесом. Рядом белел

¹¹ «Миротворец» («писмейкер») — кольт 45 — го калибра, образца 1873 г. Продавался по 17 долларов и был очень распространен на Диком Западе.

высокий тент крытого фургона, запряженного парой мулов. Помощник Лански о чем-то препирался с крестьянином в белой рубаше с засученными рукавами и соломенной шляпе, который стоял возле фургона.

— Здесь не лазарет, я тебе говорю! — устало повторял Лански.

— Спроси у шерифа, если не веришь! — воскликнул крестьянин, заметивший подъезжающего Маккарти.

— В чем дело, Лански? — шериф оглядел пустые улицы в напрасной надежде увидеть подкрепление.

Крестьянин опередил помощника:

— Шериф, вы приказали доставить этого человека именно в ваш участок. Я его доставил. Заберите его и отпустите меня.

— О, да это сам Питер Уолк пожаловал! С чего это вдруг вы оказали нам такую честь? Но что за вид, сеньор Уолк?

Маккарти надменно выпрямился в седле и повернулся к Крису:

— Познакомься, это наш самый богатый землевладелец, Питер Уолк! Индейцы зовут его Светлый Медведь. Плантатор и аристократ, дальше некуда. Но готов держать пари, что его никто не узнает в таком виде!

Питер Уолк оказался невысоким молодым крепышом с широкой, выпуклой грудью и толстыми руками, густо покрытыми золотым волосом. Он улыбнулся Крису, как старому знакомому.

— Не было времени переодеться, — проговорил Питер, откидывая заднюю стенку фургона. — Много работы на мельнице.

— Что же вас оторвало, многоуважаемый мистер Светлый Медведь?

— Отец сказал, что это очень важно, вот я и привез бедолагу к вам. А заодно заберу в лавке свои гвозди. Я их еще осенью заказал, и вот, как видите, не прошло и полгода...

— Понятно. Если б не гвозди, черта с два ты бы сюда поехал. Опять строишься?

— Понемногу, с Божьей помощью. Давайте вытащим беднягу. Вы приготовили для него место?

— Эй, Лански, ты очистил место для больного?

— Для больного? Ну да, все сделал, что вы приказали!

Вчетвером они схватились за углы одеяла и перенесли раненого в комнату без окон, отгороженную от коридора стальными прутьями.

— Вы уверены, что здесь ему будет хорошо, шериф? — спросил Питер.

— Ему все равно. А мне так удобнее. Как он, не болтал по дороге?

— Он пел.

— Пел? Ну, значит, недолго ему осталось.

Питер скрылся за дверями скобяной лавки, и Маккарти задумчиво поглядел ему вслед, почесывая переносицу.

Крис спросил:

— Это местная тюрьма?

— Да разве это тюрьма? — Маккарти досадливо махнул рукой. — Вспомни, в каких участках нам довелось побывать. Каменные стены, огромные замки, решетка с прутьями толщиной в руку. А какие там были двери, какие ставни на окнах! Да разве я могу упрятать к себе в чулан приличного преступника? Его сообщники просто продырявят весь мой участок из винтовок, а потом разнесут в щепки. Нет, здесь можно содержать только вот таких доходяг.

— Почему ты думаешь, что у него нет сообщников с винтовками?

— У этого доходяги? Сообщники?

— Посмотри на его пояс, — сказал Крис. — Ячейки для патронов пусты. Но это ячейки для винтовочных патронов. А где же тогда винтовка?

Маккарти так и застыл с открытым ртом, не найдя слов для ответа. Он прошелся по участку, сердито стуча каблуками. Остановился перед ружейным шкафом, задумчиво провел пальцем по стволам шести карабинов, которые там стояли, и снова почесал переносицу.

— Сообщники, сообщники... У Темного Быка тоже есть сообщники. Ты помнишь, Крис, о чем твердил этот полоумный негр? Индейцы затеяли что-то против землемеров. Скиллард поехал их встречать, а индейцы говорят, что землемерам тут нечего делать.

— Так говорил черный раб вождя, а не индейцы, — напомнил Крис.

— Черный, красный, белый! Какая разница? А тебе не странно, Крис? С чего бы это индейцам бояться землемеров?

— На их месте я бы тоже не прыгал от радости.

— Брось! У них есть свои резервации, им земли хватает, да она им особо и не нужна.

Еду, выпивку и вещи привозят из агентства¹². На кой черт им земля? Знаешь, кто тут больше всех боится землемеров? Питер Уолк! Вот оно что! Все верно! Все сходится! Сам он на такое не способен, а индейцев подговорить — это проще простого. Они же все под ним ходят. Напоил их своей настойкой, и готово. Так-так... — Маккарти расшагивал по участку, возбужденно потирая руки.

Из окна было видно, как Питер вынес из лавки дюжину небольших, но тяжелых ящиков и сложил их в две стопки на дощатом тротуаре, а затем принялся перетаскивать в свой фургон. Мулы встряхивали длинными ушами каждый раз, когда он с грохотом ставил очередной ящик на дно фургона. Когда на тротуаре осталась только пара ящиков, Маккарти, не отворачиваясь от окна, сказал Крису:

— Пригласи его сюда.

Крис подошел к Питеру и подхватил последний ящик.

— Отличные гвозди, — сказал Питер, довольно улыбаясь и вытирая шейным платком лицо, блестящее от пота. — Научились, наконец, делать! Кстати, Крис, у тебя отличная кобыла. Ты не хочешь ее продать? Все равно не посадишь ее с собой в поезд.

— Ты слышал про Скилларда? — спросил Крис. Он поставил ящик на край фургона и встал так, чтобы шериф его не видел.

— В лавке что-то такое говорили.

— Шериф против тебя.

— Я знаю. Не обращай внимания. Он против всех.

— Он зовет тебя к себе, — сказал Крис. — Хочет поговорить.

— Не страшно. Маккарти не любит долгих речей. Я не потеряю с ним много времени.

— Думаю, тебе надо быть с ним поосторожней.

— Не беспокойся. Как твой бок? Честно говоря, я не очень верил, что ты встанешь на ноги так быстро. Я рад, что ты справился, Крис. А скажи, у Винсента Крокета есть семья? Жена, дети и все такое?

— Про Винна я расскажу тебе потом, — улыбнулся Крис. — Ты идешь к шерифу?

— Но про Винна мне надо знать сейчас. В лавке говорят, он уехал вместе с Энни?

— Ты зря волнуешься за свою сестру.

— Я больше волнуюсь за Крокета, — сказал Питер. — Ладно, пошли к твоему шерифу.

Шериф Маккарти сидел рядом с раненым, низко наклонившись над его лицом. Губы мужчины быстро шевелились, но голоса не было слышно.

— Питер, подойди, тебе будет интересно, — пригласил шериф.

Питер шагнул в клетку и присел на корточки к постели раненого.

— Замолчал, — сказал шериф. — Черт побери, он тут такого наговорил! Надо будет записать. Крис, принеси-ка мне бумагу и перо. Они в ящике стола.

— Здесь закрыто.

Маккарти вышел из клетки:

¹² Агентство — административный центр индейской резервации.

— Неужели я закрыл свой собственный стол на ключ? Привычка такая...

Он полез в карман и достал связку ключей. Но не направился к столу, а, резко повернувшись, вставил ключ в замок на решетке и со скрежетом его провернул.

— Что за шутки, шериф? — спокойно спросил Питер, оказавшийся в одной клетке с раненым.

— Это не шутки, мистер Уолк. Эй, Лански, скажи в контору и дай телеграмму в Гудворд, маршалу Баррету. Напиши: «Задержан опасный преступник».

Глава 7. ТВОРЧЕСКИЙ КРИЗИС АРХИТЕКТОРА БЕЛЛФАЙРА

Молодой архитектор Натаниэль Беллфайр никогда бы не стяжал своей известности, если бы в построенном им отеле не переночевал путешествующий по Америке европейский писатель. Путевые заметки популярного беллетриста читал каждый, кто мог себе позволить воскресную газету. Жителям городов, через которые проезжал автор, было интересно узнать, что они живут вовсе не в городах, а в захудалых поселках. Их многочисленные университеты, оказывается, были жалкой пародией на английские колледжи, в их картинных галереях висели учебные этюды дилетантов, а симфонические оркестры играли вариации на темы песенок римских извозчиков. Но больше всего желчи излил знаменитый писатель на те гостиницы, которым посчастливилось предоставить ему кров.

Он, к примеру, красочно описывал свои страдания, когда по утрам ему приходилось просыпаться от звуков гонга. С первыми ударами постояльцам предписывалось открыть глаза, покинуть постели и приступить к утреннему туалету. Спустя полчаса новые гулкие удары призывали гостей отеля спуститься в ресторан, чтобы незамедлительно наполнить желудки завтраком, шедевром местного кулинара. Если же творческая натура писателя вынуждала его подремать и насладиться утренней негой чуть больше положенного, то, спустившись в ресторан, он был обречен не обнаружить там ничего, кроме грязной посуды и сыто отрыгивающих соседей — фермеров, коммивояжеров и бродячих проповедников.

Если американцам такой порядок представлялся воплощением их демократического духа, то для утонченного европейца в этом виделся призрак казармы либо тюрьмы. И наиболее ярким проявлением антигуманной сущности так называемой «американской культуры» наблюдательный путешественник счел отель в городке Лафайет-Сити.

Он красочно описал мрачные «камеры», «казематы» и «карцеры», из которых состояло это первое творение зодчего Беллфайра. Статья заключалась энергичным пассажем, в котором знаменитый писатель обращался ко всем ныне здравствующим и будущим тиранам и диктаторам с настоятельным советом использовать редкостное дарование Натаниэля Беллфайра для строительства самых отвратительных в мире тюрем.

По всей видимости, эти юмористические строки попались на глаза солидных людей, которые владели деньгами и связями, компаниями и банками, городами и округами, которые владели всем, кроме чувства юмора. Писатель уже давно вернулся в свою Европу

и принялся брюзжать по поводу упадка европейской культуры, позабыв о своих страданиях за океаном. А Натаниэль Беллфайр так и не получил ни единого заказа с момента публикации тех злосчастных путевых заметок.

Хотя упреки писателя были несправедливы, клеймо «строителя тюрем» пристало к молодому архитектору так же прочно, как почтовый штемпель отпечатывается на конверте. И в конце концов он и сам себе стал казаться чем-то вроде использованного почтового конверта, который ни на что больше не годен. От него отвернулась невеста, он задолжал домохозяину. Вместо того чтобы корпеть в мастерской над новыми проектами, Беллфайр целые дни проводил в бесцельных прогулках по набережным Бостона либо сидел в огромном круглом холле отеля «Тремонт-хаус», пытаясь впитать в себя творческий дух его создателя, великого Роджерса¹³.

¹³ Исайя Роджерс (1800 — 1869) — американский архитектор

Все эти усилия привели только к тому, что его одежда и волосы впитали в себя запахи сигарного дыма и ресторанной кухни.

Надо ли говорить, что он ни минуты не колебался, когда получил телеграмму из далекого Денвера: «Горнорудная компания Берга просит подтвердить ваше согласие на участие в строительстве Крофорд-Сити. Инженер Скиллард». Натаниэль Беллфайр подтвердил свое согласие, даже не спросив, на каком краю света находится этот Крофорд-Сити, и находится ли он вообще где-нибудь, кроме как на телеграфном бланке.

Новая телеграмма содержала достаточно подробные инструкции, и Беллфайр не медля отправился в путь. Ехать ему предстояло не в Колорадо, как он предполагал поначалу, а в Арканзас. Он пересаживался с поезда на пароход и снова на поезд. Он преодолел врожденную застенчивость и научился наспех кормиться в станционных буфетах, стараясь опередить попутчиков и занять место за столиком, чтобы не торчать у буфетной стойки. И подобно многим другим пассажирам, часто пробирался в самый конец поезда, чтобы полюбоваться уходящим вдаль пейзажем. Чем дальше на Запад уходил поезд, тем однообразнее становился этот пейзаж, и тем медленнее тянулись дни.

Глядя на разворачивавшиеся за окном бесконечные выгоревшие степи, Беллфайр часто вспоминал европейского писака и искренне огорчался, что тот не добрался в своем путешествии до западных прерий. Если бы беллетрист не свернул себе шею при крушении поезда, его отчеты наверняка затмили бы по своей желчности описание скромного отеля.

Железная дорога, проложенная по прерии, не имела никакого отношения к таким понятиям, как комфорт, безопасность и надежность. Колея была проложена по равнине, но изобиловала крутыми поворотами, потому что строители не тратили время на сложные инженерные работы. Вместо того чтобы засыпать овраги, пробивать тоннели или громоздить насыпи, они просто огибали препятствия. Поезда здесь не могли разогнаться до привычной на Востоке скорости в пятьдесят-шестьдесят миль в час без риска сойти с рельсов. Но попытки достичь такой скорости были здесь делом привычным, судя по количеству катастроф.

Попутчики архитектора жизнерадостно сообщили ему, что поезд собран из вагонов, уцелевших от трех предыдущих составов. Ни один из них не дошел до конечной станции, Гудворда. И все из-за того, что на одном и том же участке рельсы вдруг начинали скручиваться в спираль и сбрасывать с себя поезда, как норовистый мустанг сбрасывает неопытных ковбоев-объездчиков. Рodeo продолжалось до тех пор, пока, наконец, железнодорожная компания не решила, что дешевле будет починить полотно, чем все время закупать новые вагоны и локомотивы. Сгнившие подмости из веток заменили щебеночной насыпью, и рельсы крепко-накрепко прибили к новым шпалам. «Теперь-то мы наверняка доберемся до Гудворда, — заявил сосед архитектора, нежно прижимая к плечу свою молодую жену. — А оттуда до Ванденберга рукой подать. Говорят, там открылась вакансия редактора газеты. Хорошее дело, не находите? Сам-то я скорняк, могу и по плотницкой части, но газету выпускать прибыльнее. А женушка может пойти учительницей в баптистскую школу».

«А далеко ли от конечной станции до Крофорд-Сити?» — поинтересовался Беллфайр. Кандидат в редакторы почесал в затылке и принялся опрашивать соседей, но никто из сорока пассажиров ничего не слышал о городе с таким названием. Только в соседнем вагоне нашелся фотограф из Денвера, который совсем недавно в Санта-Фе видел на стене полицейского участка объявление, предупреждавшее всех, что на дороге между Крофорд-Сити и заброшенным прииском Бешеного Койота опасно появляться без вооруженной охраны.

Значит, такой город все-таки существует, заверили архитектора его соседи. А если там требуется охрана, значит, город процветает. «Странно, что там нет газеты, — добавил скорняк-редактор. — Может быть, сами начнем ее издавать?» Крофорд-Сити Геральд

Трибьюн «! Звучит весьма солидно. Вы, мистер архитектор, будете писать статьи о жизни на Востоке, всякие культурные новости, обзор моды и политики. Да и для вас, мистер фотограф, такая газета — просто золотая жила! Вы станете первым фоторепортером Оклахомы!»

Фотограф с видимым сожалением отказался от столь блестящей карьеры. Ему надо было добраться до Крофорд-Сити только для того, чтобы присоединиться к географической экспедиции Земельного Управления. Архитектор Беллфайр тоже предпочел бы заниматься более привычным делом. «Ничего, — бодро заключил скорняк-издатель, — когда надумаете устроиться в мою газету, я приму вас без разговоров. Ведь мы уже почти родственники. Давайте не терять связи, если нам повезет и мы доберемся до конца!»

Натаниэлю Беллфайру повезло, и он благополучно сошел со своего поезда на конечной станции. Здесь его встретил сам инженер Скиллард на изящной пролетке, запряженной парой меринов. На козлах величественно восседал негр в просторном полотняном пыльнике и лоснящемся цилиндре. Он даже не покосился на подошедшего Беллфайра и не прервал доверительной беседы с лошадьми. Скиллард, миниатюрный брюнет с идеальным пробором и бородкой клинышком, расплатился с добровольными носильщиками, после чего сам подхватил чемоданы гостя и забросил их в коляску.

— Тяжелые! — радостно заметил он, помогая архитектору усесться на кожаных подушках. — Доктор Беллфайр, как вам удалось загрузить в поезд такой неподъемный багаж? Полагаю, там чертежи?

Архитектор протер пенсне, которым обзавелся перед отъездом, чтобы выглядеть посolidнее. Судя по тому, что его называли «доктором», пенсне начало действовать.

— Чертежи и книги, коллега. Ничего лишнего, — солидно произнес Натаниэль Беллфайр, эсквайр.

— Верно, дружище! Все остальное вам предоставит компания. От вас требуются только ваши чертежи и ваши мозги. Мафусаил, поехали!

Негр царственно вознес сложенный кнут над головой, но лошади тронули, не дожидаясь его щелчка. Кнутовище опустилось на широкое плечо, затем поскребло за оттопыренным ухом и вернулось на колени кучера, который, как видно, не любил шуметь понапрасну.

— Одну минуту, коллега! — Беллфайр привстал, оглядываясь.

На опустевшей платформе одиноко маячила фигура фотографа с двумя черными чемоданами.

— Это мой попутчик, — объяснил Беллфайр. — Ему тоже надо в Крофорд-Сити. Не могли бы мы...

— Что за вопрос? — оскорбился Скиллард и закричал фотографу: — Эй, дружище, забирайтесь в нашу колымагу!

Черные чемоданы были подвязаны к багажной полке с величайшей осторожностью.

— Там реактивы и пластинки, — понизив голос и озираясь, пояснял фотограф, который представился как Соломон Коэн. — Я не говорю о моих камерах, но таких реактивов и пластинок здесь не достать ни за какие деньги. Это бесценный груз, воистину бесценный.

Забравшись в коляску, фотограф прикорнул в уголке и тотчас же заснул, успев завещать попутчикам заботу о бесценных чемоданах.

— Я не нашел Крофорд-Сити на карте, — сказал Беллфайр, когда коляска отъехала от станции достаточно далеко, а на горизонте все еще не появилось никаких очертаний города. — Правда, в моем распоряжении были только карты пятилетней давности.

— Пятилетней? Ну, дружище, за пять лет в этих краях происходит столько всего, на что ваш Бостон должен затратить пять веков, — засмеялся Скиллард. — Новые дороги, новые города... Города рождаются, города умирают...

— Я ехал довольно долго. Надеюсь, Крофорд-Сити еще существует?

— Не беспокойтесь, доктор. Этот город мы поставили на века. Он станет подлинной столицей Серебряной Страны. Да, не удивляйтесь. Знаете, что сейчас у вас под ногами? Серебро, свинец, олово, медь — все это таит в себе земля, на которой стоит наш славный

город. Я уж не говорю про уголь...

Слушая лекцию о полезных ископаемых этой безжизненной пустыни, Беллфайр рассеянно глядел в сторону. Тень коляски бежала рядом, подпрыгивая и извиваясь на неровностях дороги. Мелькали спицы колес, лошади вскидывали острые колени... Он проводил взглядом высокий шест, вбитый в землю у дороги. Верхушку его венчал огромный коровий череп с широко расставленными рогами, а под черепом была прибита табличка. Он сумел разглядеть только окончание надписи: «... енберг».

— Скажите, коллега... Что означает этот... я бы сказал, необычный символ?

— Вы про череп? Не обращайтесь внимания, — махнул рукой Скиллард. — Когда-то здесь застолбили участок под новый город. Капитан Ванденберг скромно назвал его своим именем. Но кроме заявочного столба пока еще ничего построить не успели.

— Но я же своими ушами слышал, что в этом городе даже открылась вакансия редактора газеты. И я видел Ванденберг на карте!

— Неудивительно. Вы же пользовались старыми картами, — невозмутимо ответил Скиллард. — А что касается газеты, то это чистая правда. Место редактора, как видите, никем пока не занято. Так вот, здесь есть еще и месторождения поваренной соли, и, когда кончится уголь, мы начнем их разрабатывать.

— Вы заглядываете в весьма отдаленное будущее, коллега.

— К сожалению, дружище, оно вовсе не такое отдаленное. Не забывайте, вы в Оклахоме, а здесь все делается со страшной скоростью. И будущее здесь наступает даже раньше, чем кончится прошлое. Да, здесь есть уголь, но его пласты небогаты. Знаете, какие бывают сорта угля? Самый лучший — это антрацит, но его здесь нет. Наш уголь по качеству, конечно, уступает пенсильванскому антрациту. Нас-то он вполне устраивает, но на большой рынок с ним не выйдешь. А теперь представьте себе только на минуту, что будет с шахтерскими поселками, когда закроется шахта... Зачем нам эти озлобленные толпы неграмотных и безнравственных существ, которые больше не знают, к чему бы приложить свои сильные руки?

— Полагаю, они займутся солью, серебром, свинцом... — предположил архитектор.

— Знаете, дружище, это не так просто. Пока все эти месторождения существуют в виде заявок. Рано или поздно мы до них доберемся, надо только нагнать сюда побольше народу. Но народ не поедет в пустыню, ему нужен город. Не поселок, состоящий из палаток и бараков, а город. Вот я и придумал. Знаете, чем займутся наши шахтеры? Вместо того чтобы собирать свои пожитки и отправляться на поиски лучшей жизни, они будут строить эту новую жизнь прямо здесь, в Крофорд-Сити.

— Хороший план, коллега.

— Новый город означает новые дома и новые дороги, новые банки и новые школы. Сюда бурной рекой потекут новые деньги, большие деньги для нового города! И главное здание этого нового города постройте вы! — торжественно заключил Скиллард. — Знаете, какое?

— Вы хотите доверить мне, э... Здание мэрии?

— Нет.

— Вокзал? Неужели отель?

— Похоже, но не отель, — Скиллард похлопал архитектора по коленке. — Вы, доктор, постройте для нашего города самую лучшую в Америке тюрьму!

Натаниэль Беллфайр, собираясь в дорогу, долго и придирчиво выбирал себе подходящее оружие. Пятизарядный револьвер «Айвер Джонсон», если верить обещаниям продавца, должен был защитить его от грабителей поездов и от кровожадных индейцев. Но продавец не знал, что первой мишенью для этого замечательного револьвера могла стать сияющая физиономия мистера Скилларда. «Тюрьма! Он издевается! Вызвать его на дуэль или застрелить прямо здесь, в коляске?» — размышлял архитектор. А ничего не подозревающий Скиллард продолжал развивать свою грандиозную градостроительную идею.

Здесь, на новых землях, все рождалось заново. Географы едва ли не каждый день наносили на карты новые названия населенных пунктов. Одинокая ферма превращалась в поселок, из поселка вырастал городок, и каждое такое поселение стремилось прежде всего обзавестись отелем и газетой, чтобы считаться настоящим городом. Потому что новые переселенцы потянутся именно в город, а не в безвестную глушь. И именно город может стать столицей округа, как только федеральное правительство решит, что на освоенной территории необходимо прочертить еще несколько административных границ.

А округ — это новые теплые места для чиновников, это государственные деньги, это новое строительство. Столичное положение обещало городу долгую и безбедную жизнь, но, чтобы стать столицей округа, недостаточно было только выбрать громкое название. Надо было выгодно отличаться от других конкурентов на это высокое звание.

Например, на выборах в Небраске столицей одного округа стал город с громким названием Небраска-Сентер¹⁴, состоявший к тому времени из одного жилого дома, одного магазина и одного склада. В соседнем округе долго тянулся спор между тремя претендентами, каждый из которых состоял из магазина, коновязи и веревки для сушки белья. Победил, видимо, тот город, где эта веревка оказалась длиннее.

Исход выборов часто пытались решить с помощью взяток или шантажа, а порой в дело шли и пули. Во время такой кампании в Додж-Сити понаехали бандитские шайки, и выборы начались под присмотром хорошо вооруженных независимых наблюдателей. Пришлось прибегнуть к мобилизации ополчения, чтобы уравнивать шансы.

Никому не хотелось доводить дело до стычек и разорительных уголовных процессов. Чаще всего новые города, чтобы придать себе побольше политического веса, старались учредить у себя какое-нибудь высшее учебное заведение. По всей стране, как грибы, появлялись колледжи и университеты. Но инженер Скиллард придумал более сильный ход.

Да, государству, безусловно, очень нужны образованные люди. Но подлинное образование можно получить только в Старом Свете. Все эти новые университеты да академии нужны были американскому народу для того, чтобы на несколько лет упрятать туда своих подрастающих отпрысков. Пусть лучше крепкие и буйные юноши сидят в аудитории, чем слоняются без дела. Когда Скиллард понял подлинное предназначение высшей школы, ему стало ясно, что в Оклахоме в аудитории пока еще некого загонять: у переселенцев и их детей хватало иных забот. Зато эта местность прекрасно подходит для того, чтобы содержать здесь другую публику. И если построить здесь вместительную современную тюрьму, то ее услугами охотно воспользуется не только администрация Территории Оклахома, но и соседние штаты. Где тюрьма, там и суд, а где суд — там и столица.

Таким был расчет инженера Скилларда.

— Но, коллега... — отвечал ему Беллфайр, усмирив оскорбленное самолюбие. — Видите ли, у меня нет ни малейшего опыта в таких работах. Здание тюрьмы относится к разряду фортификационных сооружений. Такой проект разумнее было бы поручить военному инженеру.

— Дружище, вы когда-нибудь имели дело с вояками? Сразу видно, что вам эта порода незнакома! Нет, нам в Крофорд-Сити не нужны мрачные казематы и сторожевые башни. Вы воздвигнете здесь, посреди бескрайних просторов, нечто в духе прогресса и либерализма! Нечто в виде...

Он внезапно оборвал свою речь и встревоженно оглянулся. Коляска прокатилась мимо оврага, обрамленного курчавым кустарником. Скиллард привстал на сиденье, глядя назад, а потом повернулся к кучеру:

— Мафусаил! Послушай, Мэт, почему ты поехал этой дорогой?

Негр ничего не ответил.

¹⁴ Center (англ.) — центр, середина.

— Эй, Мэт! Нам не надо на карьер, ты все перепутал! Вези нас к моему дому, старый дурак!

Скиллард, хватаясь за бортник шаткой коляски, перебрался ближе к облучку и принялся дергать кучера за полы длинного плаща.

Негр выпрямился, и плащ упал с его плеч.

— Ничего не понимаю, — пробормотал Скиллард, растерянно поворачиваясь к Беллфайру. — Но это же не Мэт!

Кучер стоял во весь рост, держа вожжи одной рукой, в другой руке у него был обрез дробовика, а на поясе хищно блестели патроны. Он оглянулся и сверкнул зубами, презрительно улыбаясь:

— А я думал, что для тебя мы все на одно лицо!

— Кто ты? Где Мэт? — дрогнувшим голосом спросил Скиллард.

— Какая разница? — негр натянул вожжи, и коляска замедлила ход.

Скиллард вернулся на свое место и больно вцепился пальцами в колено Беллфайра.

— С-с... Спокойно, д-доктор! — выговорил он, заикаясь. — У нас в Оклахоме и не такое случается.

Натаниэль Беллфайр с трудом оторвал его вспотевшую ладонь от своей ноги. Оглянувшись, он увидел, что из-за кустов показались фигуры всадников. Они быстро настигли остановившуюся коляску и окружили ее плотным кольцом. Беллфайр невольно зажал нос ладонью от нахлынувшей вони.

— Спокойно, доктор, это всего лишь индейцы, — сказал Скиллард. — Эй, парни, что это вы затеяли? Вы знаете, кто я?

— Вылезай, мистер инженер, — сказал негр, бросив вожжи и указывая стволом обреза направление выхода. — А ты, доктор, сиди тихо.

Натаниэль Беллфайр с тихой гордостью отметил про себя, что при появлении ужасных кровожадных индейцев он не испытал ни малейшего страха. Он был безмерно удивлен, и только. Индейцы выглядели совсем не так, как в шоу Буффало Билла. На них были грубые рубахи без воротника и широкие полотняные штаны. Грязные, пыльные волосы кое у кого были перехвачены налобной тесьмой, а у прочих топорщились слипшимися перьями. Скуластые и узкоглазые, они с любопытством рассматривали архитектора, и их лица вовсе не были красными. Скорее, цвет их кожи можно было назвать густо-желтым. Беллфайр разглядел также, что лошади их были без седел и прочей сбруи, если не считать уздечки. У двоих-троих из-за плеча выглядывали ружейные стволы, остальные были безоружны, по крайней мере, так показалось на первый взгляд. Но, присмотревшись, Беллфайр увидел в руке ближайшего к нему индейца блестящий топорик на длинной резной ручке, украшенной продольными разноцветными канавками. «Томагавк!» — вспомнил архитектор слово из романов Купера.

Стекла его пенсне запотели, и он хотел протереть их, но вдруг понял, что почему-то не может этого сделать. Он опустил взгляд и увидел свои побелевшие пальцы, насмерть впившиеся в лакированный бортник повозки.

Скиллард тяжело спрыгнул на землю и сказал:

— Доктор, не беспокойтесь, сейчас мы все уладим.

«Я не беспокоюсь», — хотел бодро ответить Беллфайр, но вместо этого только судорожно сглотнул. Он не мог даже кивнуть, потому что шея его была скована ледяным обручем.

В этот момент фотограф Соломон Коэн неожиданно проблеял откуда-то из-за спины архитектора:

— Мы уже приехали?

От его голоса Беллфайр вздрогнул так сильно, что лошади испуганно переступили, а индейцы дружно рассмеялись.

«Они не убьют нас, — понял архитектор. — На это не способны люди, которые так весело и безобидно смеются». Он и сам попытался улыбнуться, но не преуспел в этом.

Один из индейцев заговорил удивительно низким голосом, от которого внутри у Беллфайра все затрепетало. Почему-то он сразу понял, что это говорит вождь. Индеец был намного старше своих спутников. Его лоб пересекало множество глубоких морщин, а из налобной повязки свисало за ухом белое перо. Седые волосы двумя толстыми косами лежали у него на ключицах, а серая рубаша была обшита черной и рыжей кожаной бахромой.

Когда вождь умолк, один из индейцев сказал:

— Наш босс приказал привезти инженера и землемера. Доктор нам не нужен.

— Кто ваш босс? — спросил Скиллард. — Я знаю всех вождей в округе. Чьи вы люди?

— Мы люди Темного Быка. Это его дядя, Красный Коготь, — переводчик скосил глаз в сторону старого индейца. — Темный Бык послал Красного Когтя за тобой.

— Зачем я ему нужен? — спросил Скиллард, скрестив руки на груди. — Если вождь Темный Бык хочет говорить со мной, он может приехать ко мне в город, там я встречу его со знаками уважения. Он знает, где я живу. Ему трудно было приехать? Что он там о себе думает? Ладно, послушайте, джентльмены... Вы же видите, что я не один. Мне надо сначала устроить нашего нового работника.

— Ты поедешь с нами, землемер тоже, — сказал переводчик, показав томагавком на фотографа. — Стекланный Глаз сам найдет дорогу в город.

Индейцы расступились, пропуская к пролетке пару коней без седоков. Старые седла были настолько протерты, что на луке из-под кожи белела деревянная основа.

— Вылезай, землемер, — сказал переводчик и прикоснулся томагавком к колену фотографа.

Тот вылез без малейших возражений, тут же ловко поймал носком стремя, забрался в скрипучее седло и покрепче натянул на лоб кожаную фуражку.

— Мои чемоданы, — только и сказал Соломон Коэн, и казалось, его нисколько не беспокоит перемена транспорта.

— Да! — крикнул из толпы индейцев старый негр, притворявшийся кучером, а сейчас гордо восседавший на мустанге. — У этого землемера бесценный груз в чемоданах!

Индейцы ловко приторочили багаж фотографа к его седлу.

— Почему вы не скажете им, что вы не землемер? — тихо спросил Скиллард.

— Они не поверят, а спорить с ними бесполезно, — спокойно ответил Коэн. — Я знаю индейцев.

Вождь Красный Коготь заговорил, обращаясь к Беллфайру, и архитектор напряг слух. Но в гортанной речи индейца не встретилось не только ни одного знакомого слова, но даже и сами звуки казались нечеловеческими. Вождь показал ему три пальца, потом ткнул одним пальцем в сторону солнца и провел дугу до края горизонта. «Наверно, это означает три дня», — подумал Беллфайр и торопливо обратился к индейцу-переводчику:

— Скажите вашему боссу, что я впервые оказался в этой местности и по этой причине не могу знать не только дороги до города, но даже и направления к этому городу. Кроме того, мне никогда не приходилось управлять лошадьми. Вряд ли они станут подчиняться постороннему человеку, поэтому...

— Я не понимаю твоего языка, — сказал переводчик и приложил ладонь к уху. — Говори медленно и громко. Откуда ты?

— Бостон!

— У вас все так говорят, или ты один такой урод?

— Все!

— Ты кто? Тоже землемер?

— Нет.

— Ты не нужен нам. Уезжай в город.

— Да! Я... Я хочу в город! Но я не знаю, где город! — с отчаянием выкрикнул Беллфайр, глядя, как его недавние попутчики удаляются вместе с индейцами.

Индеец-переводчик соскользнул со своей лошади и подошел к пролетке. Он подобрал вожжи и вложил их в трясущиеся руки архитектора.

— Шухта! — обернувшись, произнес вождь.

Переводчик повернулся к нему, и Беллфайр понял, что вождь назвал индейца по имени.

Вождь проскрежетал и проклекотал несколько коротких фраз, и всадники умчались, скользя над низкой травой. Высокая белая шляпа Скилларда отчетливо виднелась среди их темных силуэтов.

Переводчик Шухта остался у пролетки.

— Когда приедешь в город, скажи всем: вождь Темный Бык приказал казнить Скилларда. Белые братья нарушили наш договор. Ваши люди начали копать землю на другом берегу реки. За это Скиллард будет убит. Из его костей мы сделаем забор. Пусть белые люди всегда помнят — им нечего делать на чужом берегу.

— Казнить... Казнить?! Подождите, подождите, мистер Шухта, — растерянно заговорил Беллфайр. — Я понял так, что мистер Скиллард вернется в город через три дня.

— Да. Через три дня к вам в город вернется его шукура!

Шухта захохотал и вскочил на своего коня. В руке у него появилась плеть, и он принялся стегать лошадей, запряженных в пролетку. Они дернули вразнобой, Беллфайр испуганно выпустил вожжи и неловко сел на пол, хватаясь за дверцу. Индеец продолжал стегать лошадей, скача рядом и подгоняя их. Когда же они помчали, он засвистел и издал переливистый, пронзительный визг. Лошади рванули так, что Беллфайр повалился, ударился затылком обо что-то твердое, и свет померк в его глазах...

Глава 8. КАК НАЧИНАЮТСЯ ВОЙНЫ

За решеткой полицейского участка Крофорд-Сити никогда еще не было столь покладистых арестантов.

Один из них лежал на лавке и что-то бормотал во сне. Второй сидел на полу, обхватив колени и положив на них голову, и тоже спал.

Шериф Маккарти не любил содержать арестантов. Их приходилось охранять и кормить, а горнорудная компания весьма неохотно возмещала непредусмотренные расходы. Обычно за решетку отправлялся какой-нибудь перепивший драчун, которого через сутки выпускали на свободу. Пару раз неуютный кров пришлось предоставить воришкам, которых потом федеральный маршал отвез в городскую тюрьму Гудворда.

Судьба арестованного Питера Уолка полностью зависела от его сообщников. Так объявил шериф.

— У меня нет никаких сообщников, — возразил Питер.

— Тебе будет трудно доказать, что инженера Скилларда похитили не по твоему приказу, — заявил шериф. — Все слышали, как ты препирался с ним из-за землемеров. И все знают, что люди Темного Быка работают на тебя.

— Ты долго будешь держать меня здесь?

— Пока все не прояснится, — ответил шериф. — Если ты не виноват, я принесу тебе извинения. Если виноват, тебя увезет федеральный маршал. Я уже послал за ним.

— Похоже, что ночевать я буду здесь, — сказал Питер, оглядывая свое узилище.

— Похоже на то.

— Наконец-то смогу выспаться. — Питер зевнул, потянулся и устроился в углу, моментально заснув.

Крис не вмешивался, предоставив Лысому Маку самостоятельно вершить правосудие, устанавливать истину и сводить личные счета.

Он не имел права вмешиваться, подсказывать, поучать, потому что он был тут новичком. Но зато у новичка есть право задавать вопросы, которые могут показаться глупыми.

— Слушай, Мак, я что-то не понимаю, а как индейцы могли узнать, что Скиллард поехал за землемером? — спросил Крис как бы невзначай, разбирая револьвер в углу за столом.

— Да он к каждому поезду из Канзаса ездит, раз в неделю, встречается кого-нибудь. То для компании, то для экспедиции. Тут неподалеку шатаются землемеры из Географического общества. Так Скиллард то почту для них получает, то нового человека привезет. Раньше я посылал с ним своих ребят, но он сам отказался от охраны. И вот что из этого вышло. Тут у нас нельзя расслабляться, Крис. Когда видишь индейца, надо быть готовым ко всему. А когда не видишь, это еще опаснее.

— А много охранников работает на Компанию?

— Целая армия. Человек пятьдесят. Да еще прибавь моих помощников. Стволы шестьдесят наберется. Оружия хватает, патронов — море. Нет, если индейцы сюда сунутся, мы их положим всех до единого, никто не уйдет. Без кавалерии разберемся.

— На помощь Фримонта ты, я смотрю, не рассчитываешь. А там, на ранчо, тоже, наверно, целая армия?

— Черт его знает. У него ранчо в такой глуши, что никто из наших там и не был. Да и опасно там появляться. Наверно, у него хватает стрелков, если он не боится тут жить.

— А стадо у него большое?

— Крис, что ты привязался ко мне с этим Фримонтом? Не видел я его стада. Может, оно еще в Канзасе гуляет. Сожрет там всю траву, перекочет к нам, тогда и посчитаем. Если индейцы не пересчитают его до нас.

У шерифа Маккарти было много помощников, но двое из них были особо важными — Лански и метис Чокто¹⁵. Клайд Лански неотлучно находился при шерифе, с блеском исполняя роль адъютанта. Чокто Дженкинс, наоборот, появлялся рядом с Маккарти только в случае крайней необходимости, когда нужно было кого-то выследить и скрутить, либо догнать и пристрелить. Где он пропадал все остальное время, никого не касалось. Принято было считать, что Чокто, сносно владеющий языками сиу, команчей и кайова, подрабатывает тем, что сопровождает белых торговцев на индейских землях. Наверно, торговцы не были слишком щедры с ним, потому что в участке шерифа метис появлялся вечно в одной и той же рубаше до колен, в разноцветных мокасинах и в синей шляпе кавалериста времен Гражданской войны. Маккарти чуть не под дулом винчестера выгонял его мыться и переодеваться, прежде чем брал с собой на дело.

Клайд Лански задумчиво полировал свои ногти, сидя на столе и поглядывая в окно, когда Чокто Дженкинс бесшумно просочился в участок через едва приоткрытую дверь.

— Дайте ему мыла! — заорал Маккарти из другого угла офиса. — И пусть сначала отмоется, а потом докладывает.

— Я уже мылся, босс, — заявил Чокто. — Есть новости. Кайова угнали лошадей компании, украли коляску компании и захватили инженера компании.

— Мы уже знаем, — стараясь не дышать, произнес Лански. — Вот тебе мыло, а умывальник найдешь во дворе, если ты еще не забыл, где у нас двор.

— Мы не отправляемся в погоню, босс? — спросил Чокто, подцепив мыльный брусок кончиком ножа. — Догоним, тогда и помоемся все вместе. А мыло у меня и свое есть.

С этими словами он отправил мыло в карман рубахи.

— Какую погоню? — раздраженно спросил Маккарти. — Гоняйся не гоняйся, никакого толку не будет. Их уже не догнать.

— Я слышал, что назначен сбор вождей, — сказал Чокто. — Волчья Рубаха, босс шайенов, послал на сбор своего сына. Из резервации навахо поехал Тапахонсо. Темный Бык тоже там будет.

— Где?

— У Скалы Белого Мула, на границе Большого Леса. Там мы его и догоним.

— Верно, босс! — подхватил Лански. — Посмотрим, как он будет оправдываться, когда мы налетим.

¹⁵ Чокто — оседлые индейцы Юга США, переселенные в Оклахому в 1830 — е годы.

— Темный Бык думает, что мы побоимся за ним гнаться, — сказал Чокто. — Но мы его догоним и повесим!

— Я побегу, позову ребят, да, босс? — вскочил Лански.

— Там же и повесим, — мечтательно повторил Чокто. — Прямо на Скале Белого Мула. Ее станут называть скалой Темного Быка. Босс, надо взять побольше ребят в погоню, чтобы никому не было обидно!

Оба помощника уже стояли на пороге, но Лысый Мак не торопился отдавать приказ. Он спокойно сидел, задрав ноги на стол, и разминал в пальцах сигару.

— Дженкинс, остынь. Иди мойся, погони не будет, — сказал Маккарти. — Будет суд над сообщниками.

— Пока меня не было, вы уже поймали сообщников? — недоверчиво спросил Чокто.

— Еще не поймали. Мы их ждем.

— А кто это в вашей клетке, босс? О, Светлый Медведь, добрый день!

— Добрый, — отозвался Питер. — Добрее не бывает. Чокто, как там мой фургон, еще стоит? Шериф, разреши мне хотя бы отвезти гвозди домой, пока их не разворовали. Я вернусь, вы же все меня знаете.

Маккарти сделал вид, что не слышит просьбы заключенного. Он подошел к оружейному шкафу, вынул из стойки крайний карабин и кинул его Лански.

— Заряди и держи наготове.

— У нас новый человек? — спросил Чокто, увидев Криса, который сидел в дальнем углу и чистил разобранный револьвер.

— Это для тебя он новый, — сказал Лысый Мак. — Мы с Крисом лет десять знакомы. Слушай, Чокто, если ты сейчас же не помоешься, я отниму у тебя значок.

Он вытолкал Дженкинса во двор и сам вышел за ним. Лански повернулся к решетке:

— Не беспокойся за свои сокровища. С твоим фургоном ничего не случится.

— Сомневаюсь, — буркнул Питер. — Когда я сюда шел, мне казалось, что со мной тоже ничего не случится.

Лански повесил карабин на плечо, поправил шляпу перед зеркалом и вышел на крыльцо.

Крис, до этого сидевший молча, отложил свое занятие и подошел к камере.

— Беда мне с этим шерифом, — сказал Питер, улыбаясь из-за решетки. — Надо было женить его на одной из сестер. Это отец мой не сообразил, поотдавал всех за индейцев да русских. А от них никакой выгоды. Осталась только Энни, но она не согласится за шерифа пойти.

— Что я могу для тебя сделать?

Питер встал, с хрустом потянувшись.

— Отгони фургон домой, пока шахтеры его не растащили.

— Привезти из дома что-нибудь?

— Не надо. Надеюсь, они дадут мне стакан воды. А больше мне ничего и не нужно. Перетерплю.

— Я отгоню фургон и вернусь, — сказал Крис.

— Это необязательно.

— А потом мы вместе вернемся домой.

— Договорились, — Питер протянул руку между прутьями решетки, и Крис пожал ее.

Он вернулся к столу и быстро собрал револьвер. Ему давно не приходилось стрелять из этого «Фронтيرا», поэтому Крис решил перебрать его основательно. Чаще всего в старых револьверах ломается пружина спускового крючка, и ее пришлось заменить новой — на всякий случай. Он разобрал даже рукоятку, сделанную из оленьего рога, чтобы вычистить грязь, накопившуюся в стыках.

Он хотел быть уверен в своем оружии.

Маккарти, вернувшийся в участок, застал Криса за обработкой патронов: тот стачивал напильником головки пуль, делая их более плоскими и широкими. Остроконечные пули

летят дальше, зато тупые валят противника наверняка.

— Ты серьезно готовишься, — одобрительно кивнул Лысый Мак. — Если индейцы узнают, какие люди их туг встретят, они ни за что не сунутся. Надо будет только окна заложить чем-нибудь. Сейчас pošлю парней, пусть набьют десяток мешков опилками.

— Слушай, Мак, а ты уверен, что сюда кто-нибудь придет?

— Конечно, и разговор будет короткий. Они отдают нам Скилларда, мы выпускаем Уолка.

— Но они же не знают, что Уолк сидит у тебя, Мак.

Маккарти почесал переносицу.

— Крис, ты всегда соображал быстрее меня. Не крути, говори прямо. Что ты предлагаешь?

— Я отгоню фургон Уолка к нему домой. Пока доеду до его фермы, уже вся Оклахома будет знать, что он сидит за решеткой и ждет, пока индейцы отпустят Скилларда.

С порога послышался голос Чокто:

— Что? Индейцы отпустят Скилларда? Не будет такого.

Он вошел, осторожно вытирая лицо полотенцем. Вытер руки и, скомкав, швырнул почерневшее полотенце на скамейку.

— Они украли его не для того, чтобы освободить. Надо было сразу ехать за ним. Пока мы тут сидим и моемся, они, наверно, уже разрезали ему живот вот здесь, — он ткнул себя пальцем под ребро, — зацепили крючком кишку и потихоньку начали ее вытаскивать. Знаете, как орет взрослый мужчина, когда видит собственную кишку? Он пищит, как котенок! Он бы и хотел кричать погромче, но от ужаса у него сжимается горло. И получается такой тоненький, слабый голосок, что все вокруг смеются.

Чокто достал из кармана рубахи гребешок и принялся вычесывать свои длинные волосы.

— К вечеру ваш инженер уже не будет кричать, — продолжал он с удовольствием. — Он будет беззвучно плакать. Пока не кончатся слезы. А его кишки будут лежать у него на коленях, и по ним будут ползать мухи. Собак к нему не подпустят, чтобы не загрызли насмерть. Но мух отгонять никто не будет.

— Хватит тебе, — сердито бросил Маккарти.

— Бедный Скиллард, — проговорил Лански.

— О, ты еще не знаешь, какой он бедный! — ухмыльнулся Чокто. — Ночью его начнут укорачивать. Будут отрезать пальцы, и каждую ранку поливать особым зельем, чтобы кровь не текла. Его будут поить кофе с молоком и будут заставлять курить трубку, чтобы он не умер раньше времени.

— Раньше какого времени? — спросил Крис. — Сколько времени занимает эта процедура?

— Три дня, не меньше, — солидно сказал метис. — Если он умрет в первый день, это позор для семьи. Через три дня его оставят висеть головой вниз над костром, а семья снимется с места и отправится кочевать. Очень важно, чтобы он оставался живым, когда они уйдут. Важно, чтобы он умер своей смертью.

— Значит, у нас три дня в запасе, — сказал Крис. — Можно не торопиться. Мак, я тогда и заночую там, на ферме Уолков. Может, узнаю что-нибудь интересное.

— Неужели ты думаешь, что я отпущу тебя одного? — сказал Маккарти. — Скоро начнет темнеть. Подожди, сейчас соберутся ребята из охраны складов, дам тебе попутчика.

— Нет, Мак. Если все пойдет так, как ты задумал, то у тебя здесь каждый человек будет на вес золота. А я как-нибудь и сам выкручусь.

Крис поправил кобуру, пристегнул ее к бедру, и присел пару раз, чтобы проверить, как держится в ней тяжелый кольт. Свой «смит-и-вессон» он пристроил в наплечной кобуре и спрятал ее под курткой.

— Захвати еще винчестер, — Маккарти снял карабин со стойки. — Положишь в ногах, чтоб не было видно. Бери, бери, у меня такого добра хватает. Дженкинс, принеси-ка из

подвала конфискованные стволы. Будем готовиться к обороне по всем правилам. Лански, проводи Криса до развилки. Там заедешь на склады и вернешься с охранниками. Не задерживайся нигде.

— Босс, может быть, послать кого-нибудь на станцию? Наверно, надо дать телеграмму насчет Скилларда в управление, — неуверенно сказал Лански.

— Телеграмму? Ну и что же ты в ней напишешь?

— Что он пропал. Что нам нужна помощь армии.

— Ты хочешь выставить меня полным идиотом, — тяжело вздохнул Маккарти. — Ты хочешь, чтобы меня выгнали. Ты хочешь занять мое место. Ты только об этом и мечтаешь. Я угадал?

— Извините, босс, не подумал, — Лански залился краской.

Крис привязал свою кобылу к заднему борту фургона и взобрался на козлы. Лански ехал рядом, и щеки его все еще пылали.

— Не все понимают шутки Мака, — сказал ему Крис, чтобы успокоить. — А с телеграммой и в самом деле не стоит торопиться. Надеюсь, мы все же обойдемся без армии.

— Да я на него не обижаюсь. Это я для Питера говорил, чтобы он понял, что к чему. Какая армия? — Лански усмехнулся. — Наш шериф свое дело знает. Давно он мечтал засадить Уолка за решетку хоть на пару деньков. Повода не было. И вдруг — такая удача.

— Что они не поделили? — спросил Крис.

— Наш шериф терпеть не может всяких богатеев. Эти Уолки откусили больше, чем могут проглотить. Земля для них, как виски для пьяницы. Если их не остановить, они и всю Оклахому под себя загребут. Чего они только ни придумывали, чтобы записать себе побольше земли! Говорят, Питер соорудил несколько шалашей на захваченных участках, и в каждом шалаше было маленькое застекленное окно. Все для того, чтобы в заявочном клубе можно было под присягой подтвердить: на участке стоит жилой дом, и окна в нем застеклены. Все, с такого участка уже не выселяют, он считается обжитым. Все по закону. И никому в голову не приходит спросить, откуда на этой земле всего за пару дней появилось столько жилых домов?!

— А у тебя есть участок? — поинтересовался Крис.

— Конечно. Участок у меня отличный. И дом стоит настоящий. Только я давно там не появлялся, живу в поселке. Когда буду уезжать, продам тому же Уолку. Ему все продают свои участки, когда уезжают.

— Почему уезжают?

— Потому что здесь не растет ничего, вот почему. Мне еще хорошо, у меня постоянная работа, компания платит неплохо. Но как быть тем, кто ничего, кроме плуга, в руках не держал?

Он сказал это с таким высокомерным сочувствием, что Крис с трудом удержался от улыбки. Кроме плуга, любой фермер умеет держать в руках еще сотню инструментов, о которых этот белоручка и не подозревает. А Лански продолжал разглагольствовать:

— Наша семья перебралась сюда из Джорджии вместе со всеми остальными русскими. Думали, что нам тут лучше будет, но ничего из этого не вышло. Сначала отцы решили держаться вместе, как в старину. Общая земля, большая деревня, общее стадо. Потом начали по одному отделяться, потому что земли было много, каждому хватало. Наша семья тоже отделилась семь лет назад. Распахали целину. В первый год у всех были хорошие урожаи, а на следующее лето все выгорело. С мая до осени не было ни одного дождя. Завели небольшое стадо, так коровы наелись какой-то травы и передохли. Пришлось всем мужчинам идти на карьер. Заработали немного и перебрались в Денвер, к родственникам. Я остался, а мои все в Денвере сейчас. И такая история со всеми случается.

— А как же эти Уолки? У них, что, особенная земля?

— У них? — Лански задумался. — У них земли просто очень много. И они сами на ней не работают, нанимают индейцев.

— Разве индейцы могут работать на земле?

— Не знаю. Но он их заколдовал. Спаивает настойкой из кактуса, они за нее сделают все, что прикажешь.

— Ну, пьяный индеец много не наработает, — засомневался Крис.

— Пьяный? В том-то и колдовство, что от той настойки не пьянеют. Говорят, кто ее пьет, на всю жизнь становится рабом Питера. Так оно и выходит. Питер этот хитрец ужасный. Все бедным прикидывается, в лохмотьях ходит, а ему из самого Канзас-Сити в прошлом году привезли, наверно, десяток огромных деревянных ящиков. Говорят, там были новые плуги, бороны всякие и прочая ерунда. Так он из одних этих ящичных досок себе три новых сарая сколотил! Ничего, ничего, скоро вся его хитрость ему же боком выйдет. Вот придут землемеры, мы их направим в Мертвую Долину, чтоб они ее занесли на карту. Мы бы и раньше это сделали, но Питер со всей своей родней туда никого не пускает через свои участки. А в обход идти слишком тяжело, землемеры не пойдут. Зачем им карабкаться по скалам, когда вокруг столько равнин, верно? Этим ученым крысам все равно, какую землю наносить на карту.

— А вам не все равно?

— Конечно! Эта долина появится на карте, компания заявит, что там есть уголь или свинец, и закажет у наших партнеров строительство железной дороги. Земля под дорогу достанется нам бесплатно, и вся эта долина станет полностью нашей.

— Вашей ? И тогда Питеру Уолку придется отсюда убраться, — заключил Крис. — Здорово придумано.

— Может и не убраться. Но пускай он живет, как все!

«Вот в чем дело, — подумал Крис. — Этот Лански не просто завидует Питеру. Он не хочет быть таким же богатым, как Питер. Наоборот, Лански хочет, чтобы Питер был таким же бедным, как он».

— И что теперь? — спросил он. — Теперь нам придется его караулить несколько дней?

— Да зачем его караулить? Он послушный фермер. На ночь запрем участок, и по домам. Куда он денется из-за решетки?

— А кто будет дежурить ночью? А как же ночной патруль?

— Патруль будет сидеть в таверне до самого утра. Не беспокойся, у нас тут свои порядки. Лучше играть всю ночь в покер, чем сидеть взаперти и слушать, как храпят арестанты. Верно, Крис?

Лански остановился у салуна.

— Может, заглянем? Освежимся на дорогу?

— Сделаем так, — деловито сказал Крис. — Ты зайдешь один, а я поеду потихоньку дальше. Посидишь немного, расскажешь, что Питера арестовали. Потом поедешь на склады, как шериф просил. Но постарайся заметить того, кто выскочит из салуна, как только услышит новости. И обязательно расскажи об этом шерифу. Понял?

— Понял! — Лански поправил шляпу и вытер ладони об рубашку. — Думаешь, кто-то выскочит?

— Почти уверен, — сказал Крис почти серьезно.

— Ты думаешь, у Питера и в самом деле есть сообщники?

— Конечно, есть.

— Индейцы? — тихо спросил Лански.

— Пока не знаю, — так же тихо ответил Крис. — Ты обратил внимание, что на улице никого не видно? Попрытались люди. Так всегда бывает перед набегом индейцев.

— Но... У нас никогда не было никаких набегов, — оглядываясь, неуверенно возразил Лански.

— Но вы никогда раньше не сажали за решетку того, кто платит индейцам деньги. А ты сам говорил, что Питер им платит за работу. За любую работу. Будь осторожнее там, в салуне, — сказал Крис и щелкнул вожжами, погоняя сонных мулов.

Ему не нравилось, как действовал Лысый Мак, но он не вмешивался. Мак есть Мак, и его не переделаешь. Он туго соображает, но если уж появится у него какое-то соображение,

то он в него вцепится мертвой хваткой и будет отбрасывать все иные мысли просто потому, что они появились позже. Мак нетерпелив. Сначала кидается вперед, по уши увязает в собственных ошибках, а потом тратит все силы, чтобы выбраться. Но если он при всех своих недостатках еще жив, значит, такой способ действий ему подходит.

А указывать на чужие промахи всякий может. Совсем другое дело — исправлять их. Крис решил исправить одну из ошибок шерифа Маккарти, как только увидел ковбоев, выходящих из салуна.

Не оглядываясь, он следил за ними, медленно направляя мулов к выезду из поселка. Ковбои были ему знакомы — он их видел сегодня рядом с коляской скотопромышленника Фримонта. А вот и сам Фримонт. Кони вынесли его коляску из бокового проулка. Интересно, какие дела могли занести этого достопочтенного джентльмена в шахтерский поселок? У кого он провел это время, пока верные охранники ждали хозяина в салуне?

Крис дождался, когда коляска начнет обгонять его фургон.

— Эй, мистер Фримонт! — крикнул он как можно более дерзко. — Тебе не мешало бы почаще заглядывать к шерифу!

Коляска встала, и Крис остановил фургон рядом. Трое охранников окружили его, а Фримонт удивленно оглядывал наглого незнакомца. Его сухое, вытянутое лицо с землистой кожей и голубыми глазами заметно отличалось от обветренных физиономий ковбоев. Вероятно, он занялся скотоводством совсем недавно. На его белых узловатых пальцах Крис насчитал четыре золотых перстня, что говорило о хорошем доходе и ужасном вкусе.

— Я сам знаю, что мне делать, — сказал Фримонт медленно. — Говори, зачем ты меня остановил. У меня мало времени.

— Наши охранники привезли раненого парня, которого никто тут не знает. Его зовут Сэм. Он из команды какого-то Хаммера. Больше ничего не сказал, отключился. Доктор говорит: к утру очухается. Может, заглянешь, согласишь на него? Вдруг признаешь?

— С каких это пор ваши охранники стали подбирать раненых?

— Сам удивляюсь, — улыбнулся Крис. — Нет бы добить на месте, чтоб не мучился, да?

— Сэм? Был у нас один Сэм, но мы давно его выгнали, — спокойно сказал Фримонт, постукивая тростью по бортику коляски. — А про банду Хаммера тут каждая собака знает. Только никто его не видел. Нет, мне нечего делать у шерифа. Он не вернет моих людей, не найдет убийц, и с Хаммером ему не сладить. От вашего шерифа никакого толку.

— Смотря для кого. Компания его ценит.

— Кроме компании, здесь есть кое-кто еще.

— Никого, кроме компании, — важно заявил Крис, поправляя свой значок. — Все остальные приходят и уходят, а компания остается. И если бы этот Хаммер был опасен, его давно стерли бы в порошок.

— Мое ранчо в десять раз дороже вашей компании, — снисходительно улыбаясь, сказал Фримонт. — И я сам сотру в порошок тех, кто мне мешает.

— Желаю удачи, — сказал Крис, трогаясь с места.

Коляска с грохотом обогнала его, и охранники поскакали дальше, грозно оглянувшись несколько раз. Они оглянулись ровно на три раза больше, чем было нужно, и все для того, чтобы запутать простого помощника шерифа.

Фургон неспешно катил по едва заметной колее среди низкорослых кустов и песчаных проплешин в траве. Крис выбрал дорогу, которую показал ему Лысый Мак. Он знал, что разговор с Фримонтом не окончен, и для его продолжения ему хотелось выбрать наиболее удобное место: подальше от случайных свидетелей и поближе к оврагу или реке. С таких разговоров обычно и начинаются войны между теми, кто не может мирно поделить землю. Сейчас Фримонт был взбешен, хотя и не показывал этого. Он потерял людей, и у него были причины винить своих соседей в их гибели. Наступало время для ответных действий. Для начала не мешало бы взять в плен и хорошенько допросить кого-нибудь из людей этого бестолкового шерифа Маккарти. Например, того, кто беспечно отправился на тихомходном

фургоне через прерию, где так часто пропадают люди и скот. Если Фримонт решится на войну, то он не упустит такой выгодный момент.

Но решится ли он? Этот Фримонт не был похож ни на одного из «мясных баронов», которых знал Крис. Он не ездил верхом и не носил оружия, и его голосу вряд ли подчинилась бы хоть одна, даже самая робкая, корова. Он никогда не управлял стадом, но похоже, что он привык повелевать людьми. Он умел оскорбить человека, не повысив голоса и не произнеся ни одного грубого слова. Возможно, это скотопромышленник какой-то новой породы. Он может сидеть в своей конторе, задрав ноги на стол, и глядеть в окно. А за него все сделают наемные работники — ковбои, ветеринары, стрелки, резники, скорняки и рубщики. Он будет курить сигару за сигарой, а за окном телята будут превращаться в бычков, потом они превратятся в мясные туши, потом — в хрустящие банкноты. И только тогда Фримонт оторвет свою задницу от кресла, чтобы пересчитать деньги и сложить их в сейф. Нет, даже это за него сделают бухгалтера и кассиры. Но тогда — зачем он нужен, этот Фримонт?

Крису пришлось прервать свои социалистические размышления, когда он заметил за спиной троих всадников. Как и следовало ожидать, это были охранники Фримонта. Они догнали его и поехали рядом.

— Послушай, приятель, что ты там говорил насчет Сэма? — дружелюбно спросил один из них. — Боссу на него наплевать, но он с нами работал. Ты говоришь, он ранен?

— Тот, кто лежит в участке? Да, ранен.

— А кто его привез?

— Наши стрелки, с карьера.

— Он что-нибудь рассказывал? Как это случилось?

— Лучше поговорите с ним сами, — посоветовал Крис.

— Боссу это не понравится. Как выглядит этот Сэм? Лет сорока, толстый, с длинной бородой и с серьгой в ухе?

— Серьги я не заметил, — честно признался Крис. — Бороду ему мог сбрить доктор. Толстый? Может, он и был толстым, пока не началась гангрена. А сколько ему лет, уже неважно, потому что жить ему осталось дня три, не больше.

— Нет, это не наш Сэм, — сказал охранник.

Двое других немного отстали, но Крис краем глаза следил за ними. Один из них, угрюмый бородач, держал дробовик прикладом на бедре и все время озирался.

«Вот и удобное место, — подумал Крис, когда дорога пошла над краем оврага. — Сейчас они поменяют тему».

— Кобыла у тебя приметная. Дорогая, наверно? За сколько брал?

— Выиграл.

— Да, дорогая лошадка. А ты, похоже, новичок в наших краях, — сказал охранник. — Я знаю всех помощников Маккарти, а тебя раньше не видел.

— Только сегодня начал работать.

— То-то я смотрю, что ты пустился в одиночку за реку.

Крис выпустил поводья из рук и достал сигару из кармана рубашки. Он разминал ее и нюхал, но прикуривать не спешил.

— А что, у вас все ездят тройками? — спросил он насмешливо.

— Не все. А только те, кому жить охота, — грубо ответил охранник, и его рука опустилась на кобуру.

Крис уловил за спиной еле слышный скрип и щелчок. Он понял, что бородач взвел курок дробовика.

Разговор кончился гораздо раньше, чем следовало бы. Крис ожидал, что охранники более подробно расспросят его об условиях содержания Сэма, о его предварительных показаниях, о планах шерифа, наконец. Вместо этого они решили просто прикончить своего собеседника. Что ж, не всякий владеет искусством непринужденной беседы на безлюдной дороге за час до наступления темноты.

Крис оттолкнулся ногами от бортика и повалился на спину внутрь фургона. Выстрелы загрохотали раньше, чем он оказался на полу. Полотно тента трещало и вспыхивало рваными дырами, и сквозь дыры вслед за пулями врывались струи дыма. Крис лежал между ящиками, по которым молотили пули, и считал выстрелы. Как только в пальбе наступила пауза, он приподнял голову.

Сквозь дыры он увидел мелькнувший силуэт, но стрелять не стал. Он ждал, когда они заглянут в фургон.

— Готов, — сказал один из охранников. — Нашпиговали придурка.

— Надо посмотреть.

— Проще поджечь.

— Кобылу я беру себе, я первый выстрелил.

— Мулов тоже заберем.

— Руби постромки.

— Фургон жалко. Может, прихватим?

— Совсем рехнулся. Слишком приметный. Особенно теперь.

Они засмеялись, перезаряжая оружие. Слышно было, как шелкают патроны, прячась в каморы барабанов.

Крис понял, что они не собираются проверять, как выполнена работа. Нет, мистер Фримонт определенно переоценил добросовестность своих стрелков.

Лежа между ящиками с гвоздями, Крис видел острые хребты запряженных мулов и их длинные уши. Мулы застыли, боясь шевельнуться. Один из всадников подъехал к ним и наклонился в седле, чтобы перерезать постромки. Крис прицелился охраннику в бок. Как только тот поднял руку, открыв потемневшую подмышку, Крис нажал на спуск. Всадник привалился к шее коня, его руки обвисли, и он с громким стуком свалился на землю.

— Что за черт! Кто стрелял?

— Он там! Там!

«Конечно, там, где же мне еще быть», — мысленно ответил Крис. Сейчас он не прятал голову. Он не видел противников за продырявленным тентом, но они сами себя обозначили. Выстрел — струя дыма врывается в полумрак фургона вместе с новым лучиком света — воем рикошет — и ответный выстрел Криса попадает в цель, судя по воплю.

Третий охранник неосторожно показался в заднем проеме тента, пытаясь объехать кобылу, привязанную к задку. Это был бородач с дробовиком. Пуля, выпущенная Крисом, сбросила его на землю. Конь взвился на дыбы и отпрыгнул в сторону.

Крис переполз к передку и прислушался. Слева хрустнул песок под копытами, справа хрипел раненый.

Одним рывком перебросив тело через бортик фургона, Крис упал на землю и перекатился под колеса. Ударил выстрел, второй, потом третий. Стрелял всадник, которого Крис ранил сквозь тент. Он зажимал рукой рану на животе, и сквозь пальцы сочилась черная кровь.

Лежа между колесами, Крис поднял револьвер и выстрелил. Всадник запрокинул голову и свалился с коня.

Крис вложил кольт в кобуру и вынул «смит-и-вессон» из-под куртки. Бой не закончен, пока проигравшие не похоронены. Оставался еще бородач с дробовиком, Крис видел, как тот лежал у ног коня, лежал лицом вниз, раскинув руки в стороны, и не шевелился. Но в правой руке его был дробовик, палец неподвижно застыл на спусковом крючке, и курок был отведен.

Чтобы не тратить времени, Крис прицелился и выстрелил по дробовику. Ружье подпрыгнуло и выстрелило само, взметнув тучу песка, — но бородач даже не вздрогнул.

Когда Крис выбрался из-под фургона и осторожно подошел к бородачу, тот давно уже не дышал в луже крови. Двое других охранников Фримонта тоже были мертвы.

Прежде чем тронуться дальше, Крис отогнал лошадей. Они вернутся в конюшню, и Фримонт все поймет. Оружие убитых Крис закопал в овраге, патроны взял себе. На

похороны не оставалось времени.

Глава 9. ВИНСЕНТ КРОКЕТ, РАЗБИТОЕ ЗЕРКАЛО

Лагерь индейцев мы увидели издалека. Сначала на фоне закатного желтого неба показались верхние концы их палаток, типи. Словно растопыренные тонкие пальцы, тянулись они из-за гребня холма. Их было много, я насчитал с десятков заштрихованных треугольников. Когда мы подъехали ближе, долина раскрылась перед нами, и типи стали видны целиком. Теперь они были похожи на песочные часы —верху прозрачный треугольник скрещенных жердей, внизу темный треугольник бизоньих шкур. Типи стояли не кругом, как обычно, а группами, по три-четыре в каждой. Отдельно, у самого леса виднелась высокая белая палатка с пологом, украшенным синими поперечными полосами. Посреди лагеря горело несколько костров, и в разных концах пестрели группы лошадей, каждая у отдельной коновязи. Я догадался, что сюда, к скале на границе прерии и большого леса, собралось сразу несколько разных семей.

До нас доносился монотонный рокот барабана.

— Я же говорила, у них праздник, — сказала Энни.

— Не похоже, что здесь очень весело, — сказал я.

От лагеря к нам скакали шестеро всадников. Над передним колыхались белые перья короны.

Джуд жестом приказал остановиться и выехал вперед. Он поднял обе руки вверх и выкрикнул короткое гортанное приветствие, от которого у меня мурашки пробежали по спине, а Бронко попятился, недовольно отворачиваясь.

Молодые индейцы остановились в тридцати шагах от нас. Расстояние броска камня, как они выражаются. Или дистанция прямого выстрела из кольта, как привыкли считать белые. Подъезжать вплотную — невежливо, а останавливаться слишком далеко — знак недоверия. Я увидел, что на их темных лицах с высокими скулами нет никакой раскраски, и это меня обрадовало. Лица красят обычно перед боем или для особых ритуалов. А мне не хотелось сегодня участвовать ни в том, ни в другом. Хотелось поскорее вернуться в бревенчатый дом на крутом склоне горы, у самой кромки леса...

Индейцы молчали, разглядывая нас. Они были из разных племен, судя по их одежде и украшениям. Тот, что нес на голове орлиное оперение, держал у бедра кожаный круглый щит, расписанный по спирали. Парень слева от него носил налобную повязку с двумя перьями, свисающими вдоль ушей. А шляпа того, кто был справа, была обвита блестящей и пятнистой змеиной кожей. Трое были в рубахах с бахромой, двое в клетчатых сорочках, а один щеголял кожаным жилетом, надетым на голое тело.

Энни вгляделась в них и позвала:

— Ники, рада тебя видеть! Меня послал отец! У меня есть дело к Темному Быку!

— Привет, Белая Сойка! — отозвался щеголь в жилете. — Мы рады тебя видеть! Следуй за нами вместе с твоими спутниками!

Их кони слаженно развернулись и поскакали вправо, к лесу, где под навесом из срубленных веток стоял длинный стол.

Энни озадаченно посмотрела вслед индейцам и проговорила:

— Что-то не то. Это не праздник...

— Это сбор вождей, — сказал Джуд. — Я вижу типи Тапахонсо из Аризоны. Много чужих. Будем вежливы. Не забывай об уважении к чужим, Белая Сойка. Свои тебя знают, а чужие могут неправильно понять, даже если ты ничего не скажешь.

— Опять эти наставления, — проворчала Энни, но присмирела.

За длинным дощатым столом сидели два человека, по одному на каждом конце, и от этого стол казался еще длиннее.

— Кто привез сюда столько досок? — насмешливо спросил Джуд. — Наверно, индейцы новой породы. Которые не могут есть на земле.

— Это старый стол, — сказал тот, что носил оперение. — Здесь жили белые. Они рыли землю. От них остался только этот стол. И могилы.

— Белая Сойка, — сказал Ники Кожаный Жилет. — Ты останешься здесь и будешь ждать.

— Я хочу видеть своих сестер, — сказала Энни. — Я привезла им подарки. Мне надо видеть Темного Быка.

— Ты будешь ждать здесь. Сейчас ты не можешь никого видеть, — с мрачной торжественностью произнес молодой индеец и ускакал вслед за своими товарищами.

Мы привязали лошадей к прутьям навеса, и Энни с Джудом принялись отвязывать коробки с подарками, а я подошел к столу.

Те двое, что сидели за столом, были в городской одежде. Они не встали, чтобы поздороваться с нами, и не протянули для приветствия рук. По той простой причине, что их руки были связаны за спиной.

— Ой, мистер Скиллард? — удивилась Энни. — Что вы тут делаете?

— Жду ужина, — мрачно заявил мужчина в высокой белой шляпе.

— Вы думаете, нас подадут на ужин? — поинтересовался второй пленник, в кожаной фуражке. — А я-то надеялся дожить хотя бы до обеда.

— Кажется, тебя зовут Энни Уолк? — спросил Скиллард. — Ты не развяжешь меня, юная леди?

Энни промолчала, укладывая коробки под навес.

— Конечно, не развяжешь, — продолжал Скиллард упавшим тоном. — Ты же с ними заодно, юная колдунья. Ты такая же, как твой брат. Дикари тебе ближе, чем белые люди.

— Не бойтесь, никто вас не съест, — сказала Энни. — Не знаю, почему вы тут оказались в таком положении, мистер Скиллард.

— Почему? Я тоже хотел бы знать почему! Они привезли меня и привязали, и ничего не говорят! — раздраженно воскликнул пленник. — Они болтают только на своем диком наречии, я ничего не понимаю. Но, оказывается, они при этом умеют прекрасно говорить и на человеческом языке!

— Мы подумаем, чем вам помочь, — холодно пообещала Энни и отправилась к лошади за очередной коробкой.

Я присел на ящик у стола и тут же вскочил: гнилые доски сломались подо мной.

— Они забыли вас предупредить, дружище! — злорадно рассмеялся пленник в белой шляпе. — Сидячие места только для нас с мистером Коэном. Дружище, вы не похожи на дикаря. Позвольте представиться. Инженер Бенджамин Скиллард, Горнорудная Компания Берга. А это мистер Соломон Коэн, фотограф из Денвера.

— А мое имя — Разбитое Зеркало, — я приподнял шляпу. — Джентльмены, могу угостить вас водой и предложить самые дешевые сигары с мексиканских плантаций.

Я напоил из фляги сначала Скилларда, потом Коэна, но от сигар оба дружно отказались. Впрочем, я и сам не стал курить. Этими короткими зелеными сигарами способен наслаждаться только Крис.

— Зачем они нас связали? — ворчал Скиллард. — Все равно мы никуда не убежим.

— Не ропщите, Бен, — сказал Коэн. — Вы сами в этом виноваты. Не надо было на них кричать. Не надо было грозить армией. Не надо было говорить, что их вождям самое место в тюремной камере. Индейцы не обидчивы, но они все ваши слова воспринимают буквально.

— Вы понимаете индейцев, мистер Коэн, — сказал я.

— Почему бы мне не понимать их? Я прошел со своими камерами всю Америку, от Великих Озер до Рио-Гранде. И никто меня не связывал так, как сегодня. Ни тлинкиты, ни черноногие, ни кроу, ни ассинобойны. Они видели, что я их уважаю, и за это уважали меня. Они так меня уважали, что даже позволяли себя фотографировать, а мне от них больше ничего и не требовалось.

— А вы не фотографировали действия доблестной кавалерии на Черных Холмах пару лет назад? — спросил я.

— Нет. В то время я был в Калифорнии. А что, там были какие-то военные действия?

— Представьте себе. Были.

— Я не люблю военные сцены. Мой жанр — портрет. Приходится в основном делать панорамы для Географического Общества, за это мне платят. А портреты я снимаю для себя. И для истории. С удовольствием сделаю ваш портрет, мистер Разбитое Зеркало.

Скиллард язвительно проскрипел с другого конца стола:

— Не мешало бы сделать сначала наши портреты, Сол. Чтобы все знали, как обращаются краснокожие с теми, кто несет им цивилизацию.

Джуд легонько свистнул у меня за спиной, и я вернулся к лошадям. К нам приближалась старая индейка с корзиной. Энни побежала ей навстречу:

— Тетушка Лиз!

— Энни, девочка, зачем ты приехала? И как ты нашла это место? Джуд, у тебя опять новая лошадь! Еще злее, чем прежняя.

— Отцу нужен договор о земле, — сказала Энни. — Надо показать его Большим Белым Вождям.

— Это ты про Земельное Управление? — старуха стянула тряпку с корзины, и запахло жареной рыбой. — Или про администрацию горнорудной компании? Белых вождей стало слишком много, девочка. Поешьте здесь: я не могу позвать вас к нашему огню. Там много чужих. Джуд, развяжи этих маленьких белых вождей. Покормите их и не дайте им убежать, не то они пропадут.

Я поспешил исполнить этот приказ раньше, чем команчero успел повернуться. Маленький белый вождь Скиллард прошипел что-то вроде «всех бы вас на одном суку», а фотограф первым делом перекрестился и пробормотал что-то на латыни.

— Что у вас случилось, тетушка?

— Все хорошо, милая, все хорошо. Ничего не случилось. Мы чего-то не понимаем, наши соседи тоже чего-то не понимают. Вот мы с ними тут и собрались, чтобы вместе все понять. Что у тебя в коробках?

— Маленькие гостинцы для тебя и для моих сестер.

— Пусть полежат у тебя. Не надо, чтобы соседи их видели. Им будет обидно, что для них ничего не привезли.

Джуд спросил:

— Мы можем развести здесь огонь? Скоро ночь.

— Огонь? — старуха помедлила с ответом. — Я пришлю к вам Ника, он позаботится о вашем ночлеге.

Мы расстелили одеяло на траве и уселись вокруг. Фотограф Коэн пристроился рядом, а инженер остался за столом, по праву белого человека. Правда, вместо севрского фарфора ему пришлось довольствоваться листом лопуха и кукурузной лепешкой, какими пользовались и мы, дикари, поедающие печеного лосося. Мы пальцами отделяли ломкую белую мякоть от костей и отправляли ее в рот, а потом обмакивали ломтик лепешки в кисло-сладкий ягодный соус и пережевывали все вместе. И свежая вода после рыбы казалась изысканным вином.

Энни собрала кости, отнесла их в сторону, куда тут же бесшумно подлетела пара ворон. Я и не заметил, где они прятались перед этим, терпеливо дожидаясь, когда мы закончим свою часть трапезы.

Темнело, и ночная прохлада быстро подняла нас с земли. Наконец появился долгожданный Ник с горячей веткой в руке. Мы соорудили костер из старых ящиков и стали готовиться ко сну. Ник принес два солдатских одеяла для Скилларда и Коэна.

— Долго нас будут здесь держать? — спросил инженер как можно учтивее. — Твои начальники должны знать, что меня наверняка уже ищут. Ищет армия, ищет охрана карьера, весь город уже на ногах. Объясни там своим начальникам...

— У меня нет начальников, — ответил индеец и, отступив от костра, исчез в темноте.

Разламывая очередной ящик для костра, я заметил на торце полустертое клеймо и поднес его ближе к огню. «Горнорудная Компания Берга и Миллса, 1875, Огайо» —

прочитал я. Похоже, это имущество компании, которая владела карьером в Крофорд-Сити. Только двадцать лет назад в ней был еще какой-то Миллс. И уже двадцать лет назад их ящики прибыли сюда, в самую глушь индейской Территории. Надо признать, Берг и Миллс были в молодости отчаянными парнями. Дощечку с клеймом я оставил для истории, остальное отправил в костер. Ящики сгорали быстро, и в дыме была неприятная горечь.

В ночи продолжал мерно бить барабан. Слух успел привыкнуть к его непрерывному рокоту.

— Вам не кажется, Сол, что их танцы затянулись? — спросил инженер, кутаясь в одеяло. — Может быть, они собираются пытать нас бессонницей?

— Это не танцы, — задумчиво ответил фотограф. — Боюсь, что это совсем другое. Под такую музыку принято общаться с духами.

— Только духов нам не хватало...

— А скажите, мистер Коэн, — вмешалась Энни. — Можно ли научить простую девушку вроде меня фотографировать?

В ее беззаботном голосе совершенно искренне прозвучало детское любопытство. Можно было подумать, что ее и в самом деле больше всего на свете сейчас интересует фотография. Как будто мы не были окружены со всех сторон вооруженными и мрачными индейцами и не бубнил в ночи ритуальный барабан своим замогильным голосом...

— О, это нелегкое искусство, юная леди...

Джуд толкнул меня локтем в бок и бесшумно встал. Выждав немного, я последовал за ним. Он стоял возле лошадей.

— Что ты будешь делать, если за ними придут? — спросил он.

— Ничего.

— Ты уверен? Ты не будешь их защищать?

— Не буду, — сказал я. — Хотя фотограф мне нравится.

— Он хороший человек, — согласился Джуд. — Я его не отдам. Не мешай мне.

— Могу я чем-нибудь помочь?

— Да. Не мешай.

Мы вернулись к костру, где фотограф рассказывал Энни о своем искусстве.

— ...Но скоро этим сможет заниматься каждый. У меня в чемодане лежит камера Истмэна, называется «Кодак», я тебе обязательно ее покажу.

— Как называется? — переспросила Энни.

— Ко-дак.

— Это на каком языке?

— Ни на каком. Истмэн сам придумал это слово, потому что для той штуки, которую он изобрел, ни в одном языке слова не нашлось. Так вот, с этой камерой вам ничему не надо будет учиться. Ни вставлять пластины, ни проявлять их — все это сделают за вас. Внутри камеры уже есть рулон фотопленки, его вставили на заводе. Вы снимаете сто кадров, потом отправляете камеру на завод, в Рочестер, а там вашу пленку проявляют, печатают карточки, вставляют в камеру новую пленку и все это отправляют вам. То есть полностью оправдывается лозунг фирмы: «Нажми на кнопку, остальное сделаем мы!»

— Но такая камера стоит, наверно, огромных денег, — вздохнула Энни.

— Вместе с пленкой двадцать пять долларов, — сказал Коэн.

— Как хороший револьвер, — заметил я. — А долго идет почта в этот ваш Рочестер?

— Не знаю, — сказал Коэн. — Никогда еще не пользовался их услугами.

— Почему? Это же так удобно, — сказала Энни. — И выгодно. Получается сто карточек по четверти доллара каждая, а продать их можно будет не дешевле, чем за доллар. Любая шахтерская семья охотно выложит доллар за приличный портрет. Семьдесят пять долларов прибыли с каждой пленки. Что вам мешает пользоваться их услугами?

— Во-первых, я никому не доверяю и все делаю сам. Во-вторых, я не могу ждать. Некоторые снимки бывают мне нужны немедленно.

— Слышите? — Скиллард поднял лицо и приложил ладонь к уху. — Кто-то плачет.

— Кто-то поет, — поправил его фотограф. — И не «кто-то», а шаман. Я угадал, там идет разговор с духами. Хорошо, что мы далеко от них и не слышим подробностей.

— Наверно, прибыльное дело эти ваши карточки? — спросила Энни, возвращая разговор к менее тревожным темам. — Вы можете хорошо заработать в шахтерском поселке.

— Это иллюзия, юная леди. Чужие деньги всегда кажутся больше своих. Настоящий мастер не может стать богатым. Его награда не в деньгах. Если же он попытается превратить свой талант в богатство, его ждет большое разочарование. Вы, конечно, слышали о Мэтью Бреди, великом мастере фотографии...

— Вы забыли, где находитесь, Сол, — перебил его Скиллард. — Откуда эти люди могли слышать о вашем Бреди?

— Во время Гражданской войны он организовал «дивизию фотографов», — продолжил Коэн. — Он собрал огромную коллекцию военных снимков. Вложил в это дело почти сто тысяч долларов и надеялся, что его затраты окупятся после войны. Но после войны оказалось, что эти фотографии никому не нужны. Никто их не печатал, чтобы не будить в обществе неприятные воспоминания. И Бреди обанкротился. Он не мог отдать долги, не мог платить жалованье своим репортерам, и в конце концов оказался в полной нищете.

— В каждом деле есть риск, — заметила Энни. — Может быть, и наши шахтеры не сразу захотят сниматься за деньги.

— Как ужасно он кричит, собака, — выругался Скиллард. — Если это и в самом деле песня, то я не думаю, что он поет о любимой девушке или о траве у дома.

— Интересно, что некоторые шаманы позволяют себя сфотографировать, а некоторые, наоборот, могут и камеру разбить, — проговорил Коэн, глядя в сторону шаманской палатки. — Так вот, о чем мы говорили? Да... А еще пленка хороша тем, что из нее можно делать бегущие картинки. Вы слышали про бегущие картинки Майбриджа? О, это великое изобретение... Все началось в семьдесят втором году, когда губернатор Калифорнии поспорил с друзьями о лошадях...

— Слышите? — перебил его Скиллард. — Вот, опять...

— Не мешайте, Бен, — мягко попросил Коэн. — Возможно, кроме меня, никто не расскажет нашей юной леди о достижениях фотографии.

Он замолчал, глядя в огонь.

— Так что там насчет лошадей? — спросил я.

— Лошадей? — Коэн растер ладони над огнем, словно они у него были обморожены. — Так вот, губернатор Стэнфорд утверждал, что, когда лошадь бежит рысью, в какой-то момент все четыре копыта одновременно находятся в воздухе. А его друг так не считал. Они заключили пари, разрешить которое было поручено Майбриджу. Тот вооружился камерой и принялся снимать скачущих лошадей. Это было в семьдесят втором году. В семьдесят седьмом году он предоставил свои снимки Стэнфорду, и тот выиграл пари. Работа затянулась на пять лет, потому что Майбриджу пришлось отсидеть срок за убийство. Если бы его жена не завела любовника, и если бы Майбридж не застал ее с ним, и если бы он промахнулся, и если бы суд присяжных его оправдал — тогда прогресс фотографии не был бы заторможен на целых пять лет! Все дело в том, что Майбриджу удалось расчленить движение на составные части. Просто поставил в ряд двадцать четыре камеры, и они срабатывали одна за другой. А когда стал просматривать картинки, они вдруг ожили. Наш глаз не успевает заметить смены одного кадра другим, и создается полнейшая иллюзия движения! Я видел это сам в Денвере. Шестьсот карточек скользят перед глазами одна за другой, и лошадь скачет, как живая...

— А не проще посмотреть на живую лошадь, чем любоваться карточками? — спросил я.

— Проще. Но в этом нет никакого чуда. А Майбридж сотворил чудо, и мне странно, что никто этого не заметил, — закончил Коэн.

— Будет чудо, если мы доживем до утра, — съязвил Скиллард. — Спокойной ночи, приятных сновидений.

Посреди ночи я проснулся оттого, что барабан замолк. Джуд тоже поднял голову.

— Идут сюда, — шепнул он. — Помни свое слово.

Он отполз в сторону, бесшумно и мгновенно. Я сел к костру так, чтобы меня было видно тем, кто приближался со стороны лагеря. Скоро донесся шорох шагов, и отсветы костра выхватили из темноты несколько светлых фигур.

Энни подошла к костру и осталась стоять рядом, накинув на плечи одеяло.

— Это ты, Ник? — спросила она..

— Да, Белая Сойка. Отец передал тебе это.

Один из индейцев вручил Энни вещь, похожую на квадратный кожаный щит. Это и был договор на енотовой шкуре. Выбеленная и выскобленная шкура со знаками и рисунками была натянута между четырьмя гладкими прутьями. Я не сразу понял, что это были черенки индейских стрел. Но Энни соображала быстрее меня. Она быстро выдернула черенки из оплетки и сложила шкуру пополам, потом скатала ее в трубку и спрятала в рукаве.

— Уезжай, — сказал Ник. — Не жди рассвета. Уезжай сейчас.

— Ты можешь сказать, что тут творится? — спросила Энни и коснулась его руки. — Тетушка Лиз отказалась от подарков. Темный Бык не обнял меня и ничего не подарил отцу. Что случилось?

— Наши соседи недовольны, — сказал Ник. — Говорят, что мы помогаем белым уничтожать наших братьев. Это неправда.

— Почему стучал барабан?

— Пророк из Аризоны встречался с духами.

— И что сказали духи?

Ник хотел ответить, но индейцы за его спиной заговорили на своем языке, и он повернулся к ним. Я услышал в их речи несколько знакомых слов и подошел к Энни. Они замолчали, настороженно глядя на меня.

— Митакуйте оясин! — сказал я.

На языке сиу это приветствие значило «все мы родичи».

— Здравствуй, — сказал Ник. — Кто ты?

— Я друг Энни. Мое имя Винн. Я тоже хочу знать, что сказали духи. Мы стоим на одной земле, и духи сказали свое слово для всех нас, а не для одного пророка.

Ник молчал. Из-за его спины вышел индеец с обритой головой. Его лоб пересекала красная, блестящая полоса. Краска была совсем свежая.

— Ты говоришь смело, и ты знаешь наш язык, — сказал он. — Духи не хотят, чтобы твои братья рыли землю у скалы Белого Мула. Это принесет смерть. Нам и нашей земле.

— Рано или поздно все мы умрем, — сказал я. — В этом тоже будут виноваты мои братья?

— Духи говорят, что мы вернемся на землю после смерти. А твои братья останутся в вечном огне. Мы хотим вернуться на землю, где можно жить. А твои братья убивают землю. Я все сказал.

Он закрыл глаза, показывая, что не намерен слушать меня, круто развернулся и зашагал прочь. Широкая спина воина блеснула в отсветах костра и скрылась в темноте. Индейцы ушли, но Ник остался с нами, потому что Энни продолжала держать его за руку.

— Ники, Ники, подожди, объясни мне...

— Я не могу объяснить.

— Зачем вы привезли сюда инженера и мистера Коэна? Что с ними будет?

— Не знаю. Темный Бык приказал привезти сюда тех, кто роет нашу землю. С ними будут говорить наши соседи.

— А потом их отвезут в город?

— Я не знаю. Они несут нам смерть, Энни. Здесь рыли землю двадцать лет назад, и тогда умерли все. Те, кто рыл, умерли первыми. Потом умерли их начальники. Потом умерли те, кто воровал у них лошадей и еду. Здесь под землей живет смерть, и ее нельзя выпускать.

— Так сказали духи, да?

— Какие духи, Энни? Ты думаешь, я такой же дикарь, как эти шайены и навахо? Они язычники и поклоняются своим идолам. Пусть они верят своим духам, если им так хочется. Но эта земля и в самом деле прячет под собой смерть. Лучше бы тебе уехать отсюда поскорее.

Он выдернул руку и убежал к огням лагеря.

— Ники тоже крещеный? — спросил я у Энни.

— Да, он мой крестник. Вся семья Темного Быка — наши крестники.

— И где же вы крестились? У вас есть церковь?

— Разве для этого нужна церковь?

К нам подошел Джуд. На его рубашке белели прилипшие сухие травинки.

— Ники прав. Надо уходить. Утром будет драка. Кайова будут защищать инженера, а шайенам нужна его кожа.

— Зачем? — спросил я. — В чем он провинился?

— Ни в чем. Но они обдерут его, а землемер передаст кожу в экспедицию.

— Но зачем?

— Они дикие. Они хотят войны. Им не нравится, что мы живем в мире.

Джуд отряхнул рубашку.

— Я повезу фотографа, — сказал он. — Инженера свяжем и оставим у костра.

— Оставим? — спросила Энни.

— Их много, они поймают нас, и у них появится много белой кожи. Мы не можем его увезти, — сказал я.

— А бросить человека — можем? Можем оставить его на муку смертную?

Я отвел глаза, а Джуд сказал:

— Не хотел тебе говорить, Белая Сойка... Но я оставлю у костра только его тело.

Глава 10. ГЛАЗ ПУМЫ

Мулы сами нашли дорогу к ферме. Несмотря на густые сумерки, навстречу фургону от домов прибежали мальчишки.

— А где Питер? — удивились они. — Ого, сколько дырок! Дед будет ругаться!

Дед не ругался. Старый Лукас молча оглядел пробоины при свете керосиновой лампы, пересчитал ящики и собрал несколько расплюснутых пуль.

— Винн не вернулся? — спросил Крис.

— Я и не ждал их, — спокойно ответил Лукас. — От родни так быстро не уедешь. Их оставили ночевать.

— Питера тоже оставили ночевать. У шерифа.

— Что Маккарти придумал на этот раз?

— Подстрекательство к похищению.

— Ужин на столе, — Лукас подтолкнул Криса к дому. — Потом все расскажешь.

— Спасибо, я сыт. Скажите, у вас есть оружие?

— Нет.

— Как же вы живете тут... Если на вас нападут, вам нечем будет защищаться.

— Бог защитит. Так значит Питер снова за решеткой... В прошлый раз Маккарти держал его целый день голодным. Тогда кто-то сказал, что он приехал в город на краденой лошади.

— Не помните, кто именно?

— Помощник шерифа.

— Не Лански?

— Он самый. Но он ошибся, лошадь не была краденной.

— Ошибся? — Крис усмехнулся. — Вы так легко прощаете своих врагов, что я начинаю вам завидовать.

— Да какой же он враг? — говорил старик, распрягая мулов. — С отцом его мы с

малых лет росли. Вместе в Америку приехали еще до войны. Нет, он не враг. Его просто зависть мучает, так этим не он один страдает.

— Вы поедете к шерифу?

— Зачем?

— Попробуем освободить Питера.

— Зачем?

Крис озадаченно сдвинул шляпу на затылок.

— Но... Он ваш сын.

— Верно.

— И вы ничего не хотите для него сделать?

— Я для него уже все сделал.

Лукас выволок ящик с гвоздями из фургона и, крикнув, взвалил на плечо. Крис взял второй ящик, подхватил лампу, и вместе они пошли к сараю, который темным треугольником виднелся на фоне лилового вечернего неба.

— Но вы не будете возражать, если я сам освобожу вашего сына? — спросил Крис. — Я кое-что придумал.

— Не стоит трудов. Пускай посидит, урок ему будет.

Старик топором отодрал крышку ящика и набрал пригоршню жирно блестящих гвоздей:

— Хорошие гвозди.

— Мне они тоже понравились, — сказал Крис.

— Эх, как плотно продырявили. Решето. Кто в тебя стрелял?

— Неважно. Их уже нет.

— Ну, и что же ты придумал?

— Он ночует в участке, охраны там нет. Окно я оставил открытым, запасной ключ от решетки спрятал в инструментах. Дайте мне еще одного коня, и к утру Питер будет дома.

— Как у тебя все просто... Ладно, поступай как знаешь. Только не удивляйся, если он откажется бежать. А ведь он откажется. Знаешь, какой шум поднимется, если шериф утром увидит, что его нет?

— У шерифа утром будут другие заботы, — сказал Крис. — Утром шериф узнает, что началась война.

— Какая война?

— Между компанией Берга и ранчо Фримонта.

— Нет ничего хуже войны, — сказал старик. — От нее будет плохо всем.

— Зато ваша земля останется у вас. Землемеры повернут в другую сторону. Они стараются держаться подальше от мест, где белые люди охотятся на других белых людей.

Лукас перебирал пальцем горсть гвоздей на своей ладони и ничего не отвечал. Наконец, он ссыпал гвозди обратно в ящик и сказал:

— Ты собираешься отправиться прямо сейчас? Ночь на дворе.

— Днем, как я понимаю, у вас тут лучше не разгуливать по дорогам. А сейчас время самое подходящее, — пояснил Крис. — Ночь лунная, дорогу я выучил. Готовьте коня для вашего сына.

— Сначала я приготовлю тебе кое-что выпить перед дорогой. Только давай уж закончим с этими ящиками.

Когда они заносили в сарай последнюю пару, Крис, шедший сзади, услышал, как старик ударился обо что-то ногой и выругался вполголоса по-русски: «Ох! Яти ж твою в коня матушку, прости, Господи...»

Крис засмеялся, и старик сердито повернулся:

— Поставил ящик посреди дороги, и еще смеется!

— Я не о том, — по-русски ответил Крис. — Давно не слышал родной речи.

— Ну и ну... Что ж ты не раскрывался, что русский? Давно здесь?

— Двенадцать лет.

— А с какой губернии?

— Одесса.

— А мы смоленские... Ну ты подумай... Земляк! — Лукас покрутил головой. — Кому рассказать, не поверят. На Оклахоме земляка встретить! Ну, теперь-то ты от нас так просто не уйдешь. Теперь-то по-другому все будет. Ты двенадцать лет, а я тридцать девятый год здесь, и хоть бы одного земляка встретить!

— А Лански?

— Лянские-то? Так они вместе с нами с России приехали. Митька Лянский — ему фамилию сам наш граф Полянский дал, вместо наследства — да Кузьма Небольсин, да Хлебников, да братья Редькины... Как приехали сюда с графом, так с тех пор и неразлучны. Тогда Америка совсем другая была. Все тут переменялось за последние годы. А что в России-то делается? Землю дали или нет? Когда мы уезжали, только о том и толковали, что вот-вот землю дадут. Так дали или нет?

— Вроде бы дали. Не знаю точно, — сказал Крис. — Мы рыбаки, нам земля ни к чему.

— Эх ты... Без земли человек не человек. Как мы за землю хватались, как искали ее, свободную землю, ничью... В Канзасе нам подсказали, где русские живут. Завернули к ним. Богатое село, чистое, люди по-русски говорят, но не наши. Оказалось, менониты. Слышал про таких? Хорошие люди, только власти никакой не признают. В армии не служат, в церковь не ходят. Нас не прогнали, даже пшеницей помогли, дали три мешка. Нашей, русской пшеницы, озимой. Здесь такой не знали. А она, милая, так на этой земле прижилась, так вымахала... Да, хорошие они люди, только жить к себе не пустили. Креститься, говорят, заново надо. Наше-то крещение не признают они. Ну, мы и пошли себе дальше, свободную землю искать. Вот только здесь и нашли. Как дошли до реки, как оглянулись — мать честная, поля и поля, до края света одни поля. Целина непаханая, нетронутая, непуганая. И никого вокруг. Ни избушки, ни тропинки. Эх, мы и развернулись...

Лукас подтолкнул Криса к дому:

— Пошли собираться.

— Мне ничего не надо, — Крис попытался сопротивляться, — только вторую лошадь...

— Надо не надо, а собираться будем.

Старик усадил Криса за стол, поставил перед ним кувшин с молоком и кружку, а сам принялся с неожиданной для его лет и стати легкостью снова по темной комнате. Он то доставал какие-то кисеты из настенного шкафчика, то звенел склянками с полки, то рылся над бездонным сундуком, и все говорил, говорил, говорил... Крис понимал его. Человеку так давно хотелось рассказать о своей жизни, и вдруг судьба подарила такого слушателя!

— ...С годами-то мы все обустроили по уму. До всего сами дошли, никто не подсказывал. Да и кто подскажет? До соседей три дня скакать. А делать так, как на Джорджии жили, уже не хотелось. Там и плуга не найти было, мотыгами ковырялись на участке, а участок-то, Господи, переплунуть можно было... Не то что здесь.

Поначалу, само собой, все через пень-колоду шло. То засуха, то мор, то пожар. Взялись целину поднимать, а соха не берет. Замучались, пока не додумали свой плут построить, особый, с лемехом из пилы, чтобы резал эту землю, как масло. Запрягли четверку, и пошло дело... Потом, с Божьей помощью, все наладилось. Детишки подросли, Петька на ноги встал, дело по-своему повел.

Ты почему не пьешь молоко? Пей, пей, ты сейчас никакую пищу не сможешь принимать, только молоко. Молочко у нас знатное, все хвалят не нахвалятся. Вот возьми скотину. Стадо у нас не такое и большое, но зато симменталы, а не герфорды, как у всех. И молока дают, и мяса много. Свинки у нас — йоркширы, скороспелки, уже через год забиваем.

Американцы как привыкли? Стадо выгнал в дикую степь, и пусть гуляет до осени, а то и на зиму оставят. Никаких забот, только следи, чтоб не угнали. У нас по-другому. В жару скот стоит во дворе, жует накошенную люцерну, или клевер, или просто траву с косогора.

Утром и вечером детишки пасут на пару. Скотинка наша ни жары, ни пыли не знает, не гоняем мы ее далеко, мухи ее не грызут. Стоит в холодке, вода у нее свежая, а не из грязной лужи. Вот и получается, что за нашим мясом покупатели сами приезжают из города, нам и заботы нет продавать.

А посмотри на кур. Запустил их в люцерну, они там весь день и клюют себе, на посевы не бегают. Держу три десятка и горя с ними не знаю. А Редькины целый барак для своих кур построили, их там сотни две, не меньше. Яйцом торгуют потихоньку, им на жизнь хватает.

Но самое наше сокровище — это земля. И не то хорошо, что ее много, а то, что она под боком. Что у нас дома-то было, на Смоленщине? Поле от дома далеко, миль десять. Встаешь до рассвета, наспех собрался и поспешай до своего загона. Выйдешь не евши, горбушку в карман спрячешь, а воду из ручейка попьешь уже на поле. Эх, а как же тяжело-то было на яровом посеве... Как вспомнишь... Дорога грязная, тяжелая, на телеге не осилить. Едешь верхами, с сохой. Через ручей не перелетишь, увязнешь. Бывало, не один час потеряешь, пока лошадь вытащишь. Сам замученный, и лошадь замучил, оба мокрые, грязные — и какая тут работа? Горе одно. А еще и обратно тащиться, и назавтра то же самое.

И не дай Бог что-нибудь обронить по дороге — палицу от сохи либо сошник. Кто-то за тобой пройдет, подберет, и уже без бутылки не отдаст.

Эх, и трудно же было жить, когда поле далеко. У меня тогда уже семья была, детишки... Поедешь рожь косить, с собой все семейство забираешь. Только подальше от деревни отъехали — тут гроза! Гром гремит, вода хлещет, детишки пугаются, плачут, домой просятся! Все повывокнут, озябнут, трясутся! В дождь не поработаешь, разворачиваешь лошадь и едешь домой. Назавтра будет погода — будет и работа, поедешь опять. А на поле опять гроза. Так и приходилось по несколько раз поле бросать и домой вертаться. Что мог бы за день сделать, растягиваешь на неделю, а то и на две.

А здесь мы весь урожай свозим за три дня!

— Но здесь и дождей нет, и дорога ровнее, — заметил Крис.

— Дождей-то здесь нет. Здесь другая беда. В том и беда, что нет дождей. Сухая тут земля, безводная. Но мы и к ней мало-помалу приспособились. Ты видел, как тут пахут? Как Бог на душу положит. Как межа легла, так вдоль нее и гонят. А мы наловчились по-своему борозду вести. У нас пашни все на холмах, так мы их не вверх-вниз пашем, не по уклону, а поперек уклона. В том-то и вся хитрость. Пусть один дождь за месяц выпадет, но он весь наш будет. Ни одна капелька с косогора не стечет, пашня всю воду выпьет.

— Вы семью с собой привезли? — спросил Крис.

Старик не отвечал. Держа склянку с темно-красной жидкостью на уровне глаз, он бросал в нее мелкие кристаллы из щепоти, растирая их пальцами и следя за тем, как они кружатся, оседая на дно. Потом заткнул горлышко большим пальцем и принялся встряхивать сосуд. Крис с удивлением увидел, как жидкость светлеет на глазах.

— Семью... — повторил Лукас. — Семья там осталась. Семью не спросили, когда меня да прочих мужиков с молодым графом за море спровадили. Думали, погуляет барин, посмотрит на чужие страны, да и вернется. А оно вон как обернулось. Ну, да дело прошлое. Грешен, женился второй раз, венчался чужим обрядом. Грешен, да что теперь поделаешь? Ты сам-то не женатый?

— Не успел.

— Так я тебе пособлю, — Лукас подмигнул. — Да ладно тебе, не бойся. Мне бы Петьку оженить, и можно помирать. А то девок повыдавал, а сына никак не пристроить! Ну вот, готова твоя наливочка. Давай кружку. Плесни-ка молока на дно.

Он вылил в кружку содержимое склянки.

— Пей.

— Что это? — Крис осторожно понюхал кружку и уловил запах чеснока.

— Кайова называют эту наливочку «Глаз Пумы». Будешь в темноте видеть лучше кошки. Пей, не бойся, ничего у тебя не отвалится.

Крис с трудом проглотил комковатую слизь, образовавшуюся в кружке вместо молока.

— А что, есть наливки, от которых что-то отваливается?

— Наливки у меня есть всякие. Хочешь, отвалится, хочешь, наоборот, наростим что-нибудь. Ну как, жив? — Лукас заботливо похлопал его по плечу. — Только не забудь, что действует наливка на всех по-разному. У кого быстро проходит, а у кого долго. Ночью-то хорошо, а днем глаза слезиться будут, особенно на солнце. И спать не сможешь, но это тоже горе небольшое.

— Я выспался, — сказал Крис. — Отоспался на всю жизнь.

— На всю не на всю, а три ночи спать не будешь вовсе, глаз не сомкнешь. И есть не будешь. Три ночи не спать, три дня не есть. Через силу молоко в себя заливай, чтобы кровь почистить.

— А потом? Что будет через три дня?

Лукас махнул рукой:

— Что будет, то и будет.

Они оседлали черного жеребца для Питера, и Лукас перекрестил Криса на дорогу.

Ночь была лунной, и плавные изгибы дороги были хорошо видны среди пепельных холмов и черных низин. Крис с нарастающим нетерпением ждал, когда же «наливочка» начнет действовать, но с его зрением ничего не происходило. Луна была молочно-белой, выпуклой, с ясно видимыми бородавками и оспинами. Небо оставалось густо-синим с разноцветными звездами. Трава в степи серебрилась так же, как и в любую другую лунную ночь.

Крис поднялся на холм и огляделся. С высоты хорошо просматривалась светлая дорога к поселку, по которой он проехал на фургоне. Хотя прошло уже довольно много времени, следы фургонных колес до сих пор темнели в пыли, как сдвоенная нить на гладкой ленте. Отсюда всадник увидел и сам поселок — ажурная вышка ветряка выступала из темных холмов, как кончик иглки из складок сукна, и в крайнем доме горели два окна.

Дорога изгибалась, повторяя поворот реки, пропадала за рощей и снова светилась уже на другом берегу. Крис вдруг увидел краем глаза, что слева от него пролетела над самой землей сова. Не поворачивая головы, он отчетливо наблюдал, как она взмыла, прогнулась на лету, выкинула вперед толстые лапы и безошибочно наткнулась ими на почти невидимую голую ветку приземистой акации.

Он протер глаза. Ночь оставалась черной, но эта чернота была прозрачной. Прошло еще несколько минут, а Крис не трогался с места, привыкая к новому миру, который распахнулся перед ним.

Теперь он видел, что степь вся исполосована дорогами. Он видел на траве колею, которую оставил Питер, когда вез раненого к шерифу. Видел тропу, взрыхленную копытами нескольких быстрых лошадей, промчавшихся вдоль реки в сторону Мертвой Долины. Даже мыши, пробежавшие в траве под ногами его кобылы, оставили за собой угасающий след.

Крис спустился с холма, не сворачивая на дорогу. Он двигался напрямик и не опасался заблудиться.

Днем прерия представляет собой довольно однообразное зрелище. Когда едешь среди пологих волнистых холмов и пригорков, тускло-коричневых и повторяющихся с надоедливой постоянством, не видишь ничего, кроме сухой травы и неба над головой. Надо остановиться и выждать, и тогда, если достанет терпения, можно обнаружить множество мелких птичек, нарядившихся в такие же тускло-коричневые одежды, как и окружающие холмы. Если терпеливо застыть и продолжать наблюдение, то еле заметное пятно на общем тусклом фоне вдруг слегка дрогнет и переместится в сторону, и станет ясно, что там все это время стояла вилорогая антилопа и смотрела на тебя. А неопрятная куча длинных стеблей вдруг сама собой покатится против ветра и превратится в дикобраза, который с недовольным видом пересечет твой путь и снова застынет неподалеку.

Но, чтобы увидеть все это днем, надо остановиться, а Крис не любил остановок в пути. Совсем иначе жила прерия ночью. В траве, под копытами лошадей неутомимо сновали мелкие зверьки. Их трудно было разглядеть на ходу, но они шуршали, грызли, прятались и

нападали, одни перетирали былинку, а другие впивались им в горло — ночная жизнь кипела, бурлила, торжествовала и ужасала.

И все же Крису пришлось остановиться, но не для того, чтобы понаблюдать за мышиною возней. След коляски прочертил по траве две дуги над самым краем обрыва. Какой-то лихой возница промчался здесь, вдали от дорог, проламывая кусты и перелетая через рытвины. Лишь чудом его путь не закончился на дне обрыва. Но Крис догадывался, что уже за следующим холмом, на краю другого обрыва это чудо может не повториться.

Темный, угловатый предмет виднелся среди ветвей куста, росшего над обрывом. Крис подъехал ближе и увидел чемодан. Обычный, увесистый дорожный чемодан с металлическими наугольниками и кожаной ручкой.

Он привязал поклажу к седлу запасной лошади и посмотрел на небо. До рассвета было еще далеко, но, отправляясь в путь, Крис не рассчитывал встретить по дороге такую находку. Следы коляски, теряющей чемоданы, вели влево, а поселок лежал справа. Куда повернуть?

Он оглядел чемодан и не заметил на нем ни пыли, ни птичьего помета. Находка полежала на ветвях недолго. Не более одного дня. Чемодан выпал из коляски сегодня, а перед этим он, наверно, долго лежал на багажной полке поезда.

Поезд, станция, Скиллард, индейцы. Эта цепочка выстроилась мгновенно, и Крис повернул налево, стараясь не потерять петляющий след коляски.

Через час он увидел далеко впереди силуэты двух лошадей. Они стояли голова к голове и словно пили из одного источника.

Крис подъехал ближе и увидел распростертое на земле тело. Он оглянулся. Вокруг не было ни души. Только пара койотов перебегала из стороны в сторону, постепенно приближаясь к лошадям.

Глава 11. АРХИТЕКТОР ПРИСТУПАЕТ К РАБОТЕ

Индеец засвистел, лошади понесли, Натаниэль Беллфайр ударился головой об угол коляски, и свет померк в его глазах...

Свет померк только на миг, но, когда глаза архитектора открылись, он уже был где-то в другом месте. Он лежал, судя по всему, на земле. Под щекой была колючая трава, а в грудь больно давили жесткие комья глины. Прямо перед глазами белели какие-то полосы. Беллфайр стянул с переносицы пенсне и ясно увидел голые ребра лошадиного скелета.

Он сел, отряхивая пиджак. Перед ним вздымались из жухлой травы выбеленные ноздреватые кости. Чуть дальше он увидел огромный череп с изогнутыми, невероятно широкими рогами. Беллфайр понял, что скелет принадлежал не лошади, а крупному быку.

По мере того как прояснялось сознание, он начинал видеть не только то, что было перед носом. Например, опрокинутую набок пролетку, лошадь, которая медленно брела, волоча за собой обрывки упряжи. Низко изогнув шею, она что-то выискивала в траве.

Второй лошади не было видно, но Беллфайр слышал, что она всхрапывает где-то рядом. Он с трудом поднялся на ноги и обнаружил ее. Лошадь лежала на боку, неестественно запрокинув голову назад. Передняя нога была поджата под бок, другой животное судорожно водило по земле, и копыто уже пропахало в рыжей глине глубокую, дугообразную борозду. Заметив Беллфайра, лошадь принялась всхрапывать громче, и копыто задвигалось быстрее.

Архитектор Беллфайр знал о лошадях ровно столько сколько требовалось для сдачи экзамена по классическому рисунку. Такие понятия, как «круп», «бабки» и «недоуздок», означали для него лишь разнообразные линии — округлые, прямолинейные или ломаные. Но у него хватило интеллекта, чтобы догадаться — с этой лошадью не все в порядке.

Она явно страдала и пыталась донести свои страдания до единственного человека в пустыне. Вторая же лошадь проявляла поразительное равнодушие к этим мукам и продолжала мирно щипать траву неподалеку.

Медленно обведя взглядом вокруг себя, Беллфайр оцепенел от ужаса. Повсюду, до самого горизонта, из серой травы, из рыжей земли, из-за каменных гряд выглядывали белые

кости. Ребра, позвонки и рогатые черепа сотен, тысяч, миллионов погибших быков.

И никаких признаков жилья или хотя бы дороги.

Беллфайр в отчаянии схватился за голову. «Следы! Должны остаться следы! Я буду идти по своим следам!» — сказал он себе и кинулся к пролетке. Приняв ее за конечную точку маршрута, он сможет в конце концов выйти в начальную.

Ему хватило нескольких шагов, чтобы убедиться в ошибочности своей теории. Следов на земле было много, даже слишком много. Но они никак не выстраивались в прямую линию.

«Лошади! — вспомнил архитектор. — Лошади всегда возвращаются в свою конюшню! Я буду идти за ними, и они приведут меня в город! Больше того, я могу даже не идти, а ехать на одной из них!»

Повеселев, архитектор подошел к лежащему на земле животному и попросил его подняться. Подергал за обрывок сыромятного ремня, похлопал по дрожащей шее — но лошадь только жалобно заржала в ответ.

Он двинулся к другой лошади, но та, настороженно глядя на него, повернулась к архитектору задом и угрожающе взбрыкнула, обдав песком. А потом двинулась вперед, изредка оглядываясь.

«Она идет домой», — решил архитектор и поспешил было за ней. Пронзительное ржание за спиной заставило его остановиться. Он увидел, как вторая лошадь пытается встать с земли — и не может. «У нее сломана нога, — догадался Беллфайр. — Она умрет здесь от жажды и голода. Если, конечно, ее не загрызут койоты. Интересно, есть ли здесь койоты? Наверно, есть. И не только койоты. Чтобы обглодать такое бесчисленное стадо, сюда, наверно, сбегались волки и медведи со всей Америки».

Ему стало не по себе от мысли о волках и медведях, но он вовремя вспомнил про свой револьвер системы «Айвер Джонсон». Звук выстрела, безусловно, отпугнет любого хищника. Беллфайр разыскал в пролетке свой саквояж, достал револьвер и жестянку с патронами. Вспоминая инструкцию, вставил в барабан патроны, пулями вперед. Подержал револьвер в руке, прицелился в белый череп, глядевший на него из травы, но стрелять не стал.

«Надо добить бедную лошадь, — жестко сказал себе Натаниэль Беллфайр. — Иного выхода нет. Надо пристрелить ее, чтобы избавить от мучений». Решительной походкой он направился к лежащей лошади. Она замолчала и перестала дергать копытом, когда он навел короткий блестящий ствол на ее голову.

«Отвести курок в крайнее нижнее положение, — скомандовал себе Беллфайр. — Принять устойчивую позицию. — Он встал боком и расставил ноги пошире. — Плавно надавить на спусковой крючок».

В последний момент он увидел, как влажно блестит лиловый глаз, наполненный слезами. «Иного выхода нет!», — сказал себе Беллфайр, зажмурился и что было сил нажал на спуск...

Когда он смог раскрыть глаза и подняться с земли, лошадь была уже далеко. Она немного прихрамывала, но шла довольно резво, и вторая лошадь шагала рядом, словно они по-прежнему были в одной упряжке.

Беллфайр почесал ушибленный бок, подобрал с земли револьвер и торопливо зашагал за лошадьми, перешагивая через кости и черепа...

Натаниэль Беллфайр никогда еще не видел такого неба. Во-первых, неба было много. Во-вторых, оно было разным от края до края и при этом еще постоянно менялось. Сначала было светящимся и ярким, и редкие одинокие облака величаво проплывали по туго натянутому ослепительно голубому шелку. Потом вдруг облака сомкнулись в ряды и окутали прерию огромным темным покрывалом, свинцовым с одного края, золотым с другого. Далеко впереди виднелась полоска голубого неба, и архитектор шел к ней вслед за двумя меринами, пугаясь сгустившейся тьмы. И вдруг что-то затрещало вокруг, захрустело, что-то больно щелкнуло по макушке, и с неба обрушился град величиной с добрую фасоль. Архитектор не нашел иного укрытия, кроме собственного пиджака, натянутого на голову, и

присел на корточки рядом с застывшими лошадьми. Но прошло полчаса, и мягкие лучи солнца согрели его, и он робко распрямылся под безоблачным небом, и увидел в прозрачном воздухе на самой линии горизонта стадо золотистых антилоп.

Он брел за лошадьми, уже не пытаясь их догнать, потому что при каждой такой попытке они пугливо разбегались в стороны, и приходилось долго ждать, когда же они снова встанут парой и направятся по собственным следам.

Иногда они останавливались над каким-нибудь особо вкусным кустиком и начинали его ощипывать. В эти минуты Натаниэль Беллфайр безумно завидовал лошадиному умению обходиться без бифштексов и сыра. Мысли о еде посещали его все настойчивее, и он принялся составлять меню торжественного обеда по случаю своего чудесного спасения. Никаких сомнений в том, что он спасется, у Беллфайра не было. Жизнь устроена по законам логики, и невозможно допустить, что он проделал такой длинный путь только для того, чтобы превратиться в скелет посреди степи. Здесь и без него хватало костей, отличных костей, огромных и крепких. Его жалкий череп и впалая грудная клетка будут выглядеть просто смешно рядом с этими гигантскими остовами бизонов. Нет, он дойдет до Крофорд-Сити, явится в управление горнорудной компании, и там его накормят, дадут целое ведро ледяной, кристально чистой воды и долго будут расспрашивать о его необычайных приключениях...

Но что будет потом? Кому здесь, под этим бесконечным прекрасным небом, нужны его проекты, чертежи и эскизы? Неужели люди, живущие здесь, нуждаются в высоких домах из гранита, стали и стекла? Зачем отгораживаться от неба? Эту синеву надо пить, как воду, вдыхать, как воздух, без неба человек превращается в червя. О нет, если компания хочет нанять архитектора, то он готов строить здесь только римский Форум. Вот единственное здание, достойное возникнуть под небом прерий! Открытый огромный амфитеатр, а посреди него, на круглой арене — самые лучшие оперные артисты! Как божественно будут звучать их голоса! Музыка Верди и Россини создана не для душных клеток, а для безграничных просторов... Мощный, тысячеголосый симфонический оркестр зазвучал где-то за горизонтом, и архитектор в изнеможении и восторге опустился на колени...

— Напрасно ты лег на голую землю, приятель.

Беллфайр чувствовал, что кто-то дергает его за нос и треплет щеку. Он возмутился, но не смог раскрыть ни глаз, ни рта.

— Поднимайся, нам надо спешить. Вот вода, пей. Ты понимаешь по-английски, приятель? Может, ты француз? Парле ву франсе?¹⁶

Вода растеклась по сомкнутым губам архитектора, и он пришел в себя. Судорожным движением схватив флягу, приставленную к губам, он набрал полный рот воды — и не смог ее проглотить.

— Не давайся. Подержи во рту, она сама просочится. У тебя глотка ссохлась, это бывает...

Беллфайр открыл, наконец, глаза и тут же закрыл их, испугавшись черноты вокруг. Он подумал, что ослеп.

Сильная рука невидимого великана схватила его за шиворот и рывком подняла с земли. Беллфайр стоял, шатаясь и не выпуская драгоценную флягу из рук.

— Ты приехал на поезде? — прозвучал вопрос из черноты.

— Да!

— Тебя встречал инженер Скиллард?

— Да, да!

— Он остался у индейцев?

— Да, да, да, да!

— Спокойно, приятель. Садись на коня. И будет лучше, если ты откроешь глаза.

¹⁶ Вы говорите по-французски?

— Видите ли... Существует определенное препятствие... То есть... Чтобы сесть на коня, его надо сначала догнать, — объяснил Беллфайр, осторожно разжимая веки.

Напугавшая его непроницаемая чернота оказалась просто ночной темнотой, а человек, стоявший рядом, был вовсе не могучим великаном, как можно было подумать, судя по его хватке. Он был худым и веселым, его зубы блестели в темноте, потому что он улыбался.

— Вот тебе конь. Забраться сможешь?

— Натаниэль Беллфайр, — невпопад представился архитектор, пытаюсь нащупать свободной рукой стремя.

— Значит, Нэт. А я — Крис. Это твой чемодан?

— Кажется, мой. Я думал, он остался в коляске...

Крис помог Беллфайру забраться в удобное широкое седло.

— А где коляска? Свалилась в овраг?

— Я оставил ее где-то там... — архитектор огляделся и неопределенно махнул рукой. — Или там? Мы найдем ее по следам, это не очень далеко. Я не мог уйти далеко, мы ее обязательно найдем.

— Ее найдут другие, а нам пора. Держись за мной.

Беллфайр сжал поводья и крепко стиснул коленями бока лошади. Он не считал себя искусным наездником и всерьез боялся свалиться на скаку. Но седло под ним было удобным и надежным, а стремяна плотно охватывали носок. Конь шел плавным, размеренным шагом, и Беллфайр ухитрился даже прикладываться к своей фляге на ходу.

— Крис! Мы направляемся в Крофорд-Сити?

— Да.

— Знаешь, я архитектор. Я буду строить у вас тюрьму.

— Какое счастье. Наконец-то.

— А Скилларда и фотографа увезли индейцы.

— Я знаю.

— Их убьют, и через три дня пришлют нам их кожу.

— Знаю. Ты из Нью-Йорка?

— Нет, из Бостона.

— А говоришь, как настоящий нью-йоркер. Имей в виду, Нэт, здесь надо говорить медленно и отчетливо. Если тебя поймут неверно, это может плохо кончиться.

— Да, да, да, я понимаю, да.

— «Да» надо говорить один раз. Можешь рассказать, как все это случилось? Я о Скилларде.

Покачиваясь в седле и почти не видя собеседника в темноте, архитектор Беллфайр начал свой рассказ. Первые фразы ему удалось проговорить медленно и отчетливо. Но постепенно он забыл о местных правилах и заговорил так, как привык, — быстро, невнятно, глотая окончания и как бы про себя.

— Понятно, Нэт, — остановил его Крис. — Давай уточним. Их не связали? Им дали оседланных коней? Их не раздели и ничего не отняли?

— Да. То есть нет. То есть... то есть с ними обращались вполне достойно.

— Почему индейцы отпустили тебя?

— Наверно, им не нужен архитектор. Они сказали, что им нужен только инженер и землемер. Землемер — это фотограф.

— Нужен инженер? Для чего?

— Я же говорил! Из его костей они построят забор, чтобы никто не посягал на их владения!

— Не думаю, что забор получится очень протяженным, — заметил Крис. — Нэт, это была шутка. Тебе придется привыкать к шуткам индейцев.

— Шутка? Крис, мне очень неловко, но... Можно еще воды?

— Нет. Потерпи до города.

Беллфайр вытряхнул в рот последние капли из фляги. Луна раздвинула облака и

осветила холмы, между которыми сверкнул изгиб реки. Увидев реку, архитектор почувствовал невыразимое облегчение. Только теперь он понял, что спасен. Где река, там и жизнь...

— Крис...

— У меня нет больше воды.

— Спасибо, Крис.

Слова вырвались сами по себе и прозвучали довольно глупо. Но невидимый собеседник все понял правильно.

— Благодарю своих лошадей. Если бы не они, я бы тебя не заметил.

Когда впереди показались приземистые строения с темными окнами, Крис остановился и сказал:

— Дальше я поеду один. Ты постой здесь, подожди меня. Через полчаса я вернусь, и мы поедem дальше.

— А ты куда?

— Надо заглянуть в одно место.

— Я с тобой.

— Нет. Слезай, мне нужен конь. Архитектор неловко соскользнул на землю, и

Крис без лишних слов уехал на своем белом коне, ведя в поводу черного.

Стоя на ночной дороге между темными бараками, Беллфайр прислушивался к угасающему цокоту копыт и поскрипыванию седла. Когда наступила полная тишина, он понял, что не может оставаться здесь.

Темные окна источали угрозу. Луна снова пропала за тучами, и плотные тени обступили архитектора со всех сторон. Вытянув вперед обе руки, как слепой, он кинулся по дороге вслед за Крисом. Скоро впереди, за поворотом, показался отсвет керосиновой лампы. Беллфайр немного успокоился, увидев свет, и зашагал увереннее.

Он хотел было уже завернуть за угол, как вдруг чья-то крепкая рука обхватила его лицо, зажав рот. От испуга архитектор обмер и присел на непослушных ногах, но шепот Криса вернул его к жизни:

— Стой! Не дыши! Шагни вправо! Все, замри!

Крис отпустил его и осторожно заглянул за угол дома. Беллфайр не удержался и тоже вытянул шею.

Качающаяся лампа висела над крыльцом длинного дощатого дома на краю небольшой площади. Рядом с ней безжизненно обвис бело-зеленый флаг. Под флагом стоял человек с темной повязкой на лице и с винтовкой в руках. Он оглядывал пустую площадь, поводя стволом из стороны в сторону. За его спиной у дверей полицейского участка склонился над замком еще один тип с закрытым лицом. Третий, тоже с винтовкой, стоял у окна и пытался заглянуть внутрь офиса шерифа.

Крис шагнул назад и сказал:

— Нэт, почему ты здесь?

— Э... Я думал...

— Есть работа для тебя, Нэт. Ты умеешь обращаться с винчестером?

— Нет, — признался Беллфайр и тут же с горячностью выпалил: — У меня револьвер!

— Покажи. Прекрасная модель. Ты мне pomoжешь?

— Крис! Я! Ты!

— Понятно. Стой здесь. Следи за площадью. Как только лампа погаснет, выстрели в воздух два раза. В воздух, Нэт, в воздух. Два раза. Повтори.

— В воздух. Два раза. А лампа погаснет?

— Да. Выстрелишь два раза и ложишься на землю вот здесь, под стеной. И не шевелишься, пока я тебя не позову. Готов?

— Да!

Беллфайр вскинул револьвер над головой, но Крис перехватил его руку и сказал укоризненно:

— Лампа еще не погасла.

— Прости...

Крис надвинул шляпу на лоб и бесшумно скользнул в сторону.

Натаниэль Беллфайр не отводил взгляда от лампы, которая качалась над крыльцом. Тень человека с винтовкой раскачивалась, как маятник. Из-за длинного дома вышел еще один человек, его лицо было скрыто белым платком, а из-под шляпы свисали длинные волосы. Что-то проговорив, он вытянул руку вперед, и Беллфайру показалось, что он смотрит прямо на него.

Архитектор оцепенел от ужаса и не мог пошевелиться. Возможно, именно это его и спасло, потому что длинноволосый отвернулся и подошел к тому, кто возился у двери. Беллфайр перевел дух. Если хочешь быть невидимкой в ночи — не двигайся.

Он боялся моргнуть, но, как назло, глаза начали слезиться и моргали сами по себе, причем гораздо чаще, чем обычно.

И конечно же, он моргнул в тот самый момент, когда лампа погасла. Честно говоря, он не моргнул, а зажмурился от испуга, потому что в ночной тишине с болезненной резкостью ударил выстрел. Когда же Беллфайр открыл глаза, лампы уже не было.

Он поднял руку с револьвером над головой и задел плечом стену дома. Подумав о мирно спящих обитателях жилища, Беллфайр отошел от стены, оказавшись на середине улицы, и выстрелил в воздух. Он увидел, как из ствола его револьвера вырвался удлинённый конус пламени соломенного цвета. Этот огонь был так невыразимо прекрасен и так быстро исчез в темноте, что архитектору захотелось увидеть его хотя бы еще раз, и он снова отвел курок и нажал на спуск. На этот раз он успел разглядеть не столько вспышку, сколько стремительную струйку сверкающего дыма, освещенную этой вспышкой.

Грохот двух выстрелов еще отзывался звоном в его ушах, как вдруг впереди, на темной площади, замелькали белые сполохи и частые громкие хлопки смешались в нарастающий треск. Что-то ударило в стену дома, рядом щелкнул невидимый бич, и колючий песок ударил по щекам. Беллфайр растерянно стоял посреди дороги, держа револьвер над головой. На площади не было видно людей. При свете вспышек метались какие-то тени. Кто-то выругался и закричал: «Уходим!»

Беллфайр услышал топот сзади и вспомнил, что ему надо делать. Он пригнулся и сел на четвереньки под стеной дома. Мимо него кто-то пробежал, пыхтя и лязгая затвором ружья. Длинный ствол блеснул под лучом луны. Архитектор поднял голову и увидел, что на площади лежит какая-то длинная тень. Снова раздалось несколько выстрелов, сливающихся в раскат грома. Крики, потом пронзительный свист, а потом топот множества ног и гомон голосов разрастались на площади. «Это ты, Мак? Шериф, это мы! Парни, спокойно, не стрелять! Они убежали, шериф! Огня, дайте огня!»

Из боковой улочки выплыл сверкающий и лучащийся шарик света. Кто-то принес новую лампу и встал с ней на крыльце.

«Кто там лежит?» Над тенью сгруппировались люди. «Шериф! Это не наш! Это ковбой с ранчо Фримонта!» — «Смотрите, у него ствол еще дымится, он стрелял в нас!» — «Он живой!» — «Тащите его сюда!»

Сзади раздался тихий свист, и Беллфайр оглянулся.

— Нэт!

— Крис?

— Хорошая работа, Нэт. Идем, я познакомлю тебя с шерифом.

Глава 12. СЛОВО ИНЖЕНЕРА СКИЛЛАРДА

Их называли индейцами, потому что Колумб думал, что они живут в Индии. Но он ошибался, они жили не в Индии.

Их называли краснокожими, потому что Линней считал их представителями «красной» расы. Но он ошибся, у них не красная кожа. Их кожа бывала красной только тогда, когда они

сами наносили на нее боевую раскраску.

Их называли дикарями, потому что это давало право уничтожать их. И здесь уже не было никакой ошибки. Это было преднамеренное уничтожение. «Краснокожие индейцы», две тысячи разных народов, говорящие на двух тысячах разнообразных языков, на свою беду жили на земле, которая была нужна белокожим испанцам, португальцам, англичанам, голландцам и французам.

Впрочем, французы меньше всего интересовались землей Америки. Захватив огромную территорию и назвав ее Луизианой, они поспешили избавиться от нее, продав по дешевке молодой республике со столицей в Вашингтоне. Французы слишком любили свою Францию, чтобы еще осваивать колонии. В Америке они оставались французами. Они вели торговлю и добывали меха, и им незачем было уничтожать местных обитателей, которые расплачивались пушниной за их товары.

Голландцы первыми додумались покупать землю у индейцев. В 1626 году они заплатили целых шестьдесят гульденов за то, чтобы краснокожие покинули покрытый лесом остров Манхэттен. И когда о своих правах на остров заявили англичане, управляющий голландским поселением сунул им под нос справку об оплате. Впитанное с молоком матери уважение к платежным документам заставило гордых британцев отступить. Но это был хороший урок. С тех пор они начали платить индейцам перед тем, как изгонять их.

Вест-индская кампания голландцев рухнула вместе с британским правлением, колонии стряхнули гнет одряхлевшей монархии, но для индейцев ничего не изменилось. Их по-прежнему считали дикарями и по-прежнему сгоняли с тех земель, которые становились позарез нужны белым людям.

Индейцы пробовали сотрудничать с белыми, но каждый раз дело кончалось нарушенными обязательствами. Они пытались сопротивляться, однако потерпели поражение в долгой войне. Им осталось только воспринимать нашествие Белого Брата как неизбежное зло, вроде потопа, землетрясения или засухи. Но, если ты не хочешь утонуть во время потопа, надо учиться плавать или строить лодки. Чтобы выжить, индейцам надо было как-то приспособиться к той цивилизации, которую несли им белые.

Но кочевники Великих Равнин не могли превратиться в скотоводов, потому что они привыкли не пасти скот, а ловить его. Пока прерии были полны бизонов, команчи и сиу охотились на бизонов. Когда прерии заполнились коровами, переселенцами и поездами, команчи и сиу стали охотиться на поезда и на переселенцев. Коровы их привлекали меньше, потому что их мясо нельзя было даже сравнить с мясом бизона.

Оседлые же индейцы не могли превратиться в фермеров. Они не знали плуга и обрабатывали почву заостренными палками, продавливая в земле лунку и опуская в нее зернышко или рассадку. К тому же земледелие было женским занятием, а мужчины крали, торговали и воевали.

Проявив неслыханное милосердие, Белые Братья создали для индейцев резервации. Здесь уцелевшим племенам предназначалось доживать свой век, получая от Правительства все необходимое. Вожди племен могли даже свободно выбирать место для поселения, но только там, где не было ничего ценного для Белых Братьев — в пустынях, каньонах и на голых скалах.

Но жизнь не стояла на месте, и порой границы резерваций становились досадной помехой на пути прогресса, особенно если прогрессу нужны были новые месторождения или дороги.

Так случилось и в этот раз. Шайены и сиу, устроившись в Оклахоме, вдруг узнали, что даже здесь они снова мешают кому-то из Белых Братьев. Их вождей стали все чаще приглашать на дружеские беседы в форты и столицы округов, генералы и сенаторы трясли им руки, улыбались, дарили сигары и ножи... Но вождям не нравилось, как улыбались генералы. Вождей настораживало то, как им трясли руки. Сигары были плохими. А подарить нож означало пожелать скорой гибели.

И тогда они назначили встречу тем, кто издавна жил в этих краях — вождям народа

кайова.

Индейцы хотели знать, что их ждет в будущем. Останутся ли они на этих землях или их выгонят еще куда-нибудь? Или, быть может, им суждено умереть здесь, как вымирали от голода, оспы и холеры другие народы — оседжи, пауни, тетоны?

О будущем знали только шаманы и Большие Белые Вожди. Шаман Воточака из Аризоны прибыл вместе с шайенами. Белого Вождя доставил на встречу Темный Бык.

Воточака умел общаться с духами. Давно умершие индейцы рассказывали ему о будущем, которое они могли разглядеть с небес, точно так же, как орел, парящий под небесами, мог бы рассказать о даях, невидимых для оставшихся на земле.

Инженер Скиллард мог дополнить эту картину, рассказав о планах горнорудной компании.

Воточаке индейцы верили. А что касается Скилларда, то они надеялись заставить его сказать им правду.

Место у Скалы Белого Мула было выбрано для общего сбора не случайно. Оно находилось примерно на одинаковом расстоянии от резерваций, разбросанных среди гор и пустынь. Кроме того, здесь хорошо сохранились следы зловредной деятельности белого человека, и об этой деятельности не мешало бы напомнить генералам и сенаторам, которые собирались снова послать сюда белых людей.

Вожди прибыли со своими семьями. Но только Темный Бык, вождь кайова, привел с собой женщин и детей. Шайены, Волчий Глаз и Хромой взяли с собой на сбор только своих сыновей, племянников и внуков.

Весь день и всю ночь вожди сидели в палатке шамана, а их родня ждала, чем закончатся переговоры.

Ждали и гости — четверо белых и один команчero. Энни решительно отказалась уезжать без инженера Скилларда ночью, а утром вокруг них расположились воины шайенов, и теперь нельзя было уехать не прощаясь, потому что это выглядело бы бегством.

Энни приготовила кофе, и к ее костру пришли люди Темного Быка — Ник и черный Томас. С ними были и двое чужаков — навахо в полосатом мексиканском пончо и шайен в солдатской куртке, украшенной иглами дикобраза. Винн угостил всех своими сигарами, и вокруг утреннего костра заговорили о том же, о чем сейчас, наверно, беседовали вожди. Но здесь, у костра, не нужно было соблюдать тонкости этикета.

Разговор начал инженер Скиллард.

— Я теряю еще один день, — проговорил он, стараясь скрыть раздражение. — Страшно подумать, что сейчас творится на карьере.

— Конечно, без вас вся работа остановится. Странно, что солнце взошло без вашего участия, — сказал фотограф Козн. — Если бы эти люди знали, что вы такая важная персона...

— Они прекрасно все знают, — сказал Скиллард. — Я очень удивлен, что они позволили себе такое безобразие. С Темным Быком у нас никогда не было никаких недоразумений.

— Да, — сказал Ник, — мы знаем, что инженер Скиллард важная персона. Вы — самая важная персона во всем поселке. Вы главнее шерифа. Вы все знаете. Поэтому вас и привезли сюда. Ваше слово много значит для компании. Если вы скажете, что здесь нельзя работать, то здесь не будут работать.

— Но почему вы решили, что компания собирается здесь работать? — вяло возмутился Скиллард. — Компания давно вычеркнула этот район из своих планов. Здесь слишком бедные пласты, уголь грязный, никаких дорог. Компания и не думает сюда возвращаться.

— Когда вожди позовут вас, вы им это объясните. Но сначала надо подождать их решения, — сказал Ник.

— Какого еще решения?

— Они еще не решили, можно ли вам верить.

— Да? Интересно, и кто же это решит?

— Воточака. Он получит видение и узнает будущее. Он узнает, что задумали ваши друзья из компании. Он узнает, что вы сможете сделать для нас, чтобы нас оставили в покое.

— Воточака — хороший шаман, — сказал шайен. — Духи слушаются его. Он выгоняет пули из ран. Он сильный шаман.

Шайен глубоко, со свистом, затянулся, потом медленно выпустил дым через ноздри и повернулся к сидящему рядом навахо.

— Да, — подтвердил навахо. — Он никогда не ошибается. Он говорит, что будет наводнение, и наводнение приходит. Он говорит, что будет засуха, и все вокруг выгорает.

Навахо тоже выдохнул дым и посмотрел на Джуда, который сидел слева от него, словно передавая ему право выступления. Джуд сказал:

— Даже великие шаманы иногда ошибаются.

Следующим по кругу сидел Винн, и ему тоже пришлось вставить свое слово:

— Великий шаман Уовока сказал людям сиу, что те, кто погибнет в битве с белыми, воскреснут через два года. Я знал многих, кто поверил ему. Прошло пять лет. Они до сих пор не воскресли.

— Белые люди не верят нашим пророкам, — сказал шайен.

— Кайова тоже не верят нашим пророкам, — сказал навахо. — Кайова верят богу белых людей. Они хотят жить, как белые люди. Они не ловят больше лошадей, они их покупают за деньги.

Он сказал это важно и немного печально, без осуждения. Ник ответил ему так же, даже с сочувствием в голосе:

— Вожди вашего народа не покупают лошадей. Они получают их от Правительства. Они получают и одеяла, и рис, и сахар. А мы все это покупаем за деньги.

Шайен бросил недокуренную сигару в огонь и встал.

— Вы слушаете голос денег, а не голос духов, — сказал он и ушел к своей палатке.

Навахо тоже поднялся.

— Спасибо за кофе, — сказал он. — Когда придете к нашему костру, я тоже угощу вас мексиканскими сигарами.

Эта беседа не улучшила настроение инженера Скилларда. Он продолжал что-то ворчать, но его уже никто не слушал. В словах шайена прозвучала плохо скрытая угроза, и мужчинам у костра пришлось сменить тему.

— Сколько у вас людей? — спросил Джуд у Ника.

— Вместе с отцом — двадцать.

— Вместе с нами двадцать два, — сказал Джуд. — Женщин, детей и фотографа с инженером надо охранять. С ними оставим четверых. Самых молодых. Остальным придется тяжело.

— Отец не доведет до драки, — сказал Ник. — Большой драки не будет.

— Если в маленькой драке убьют гостя, то начнется маленькая война, — сказал Джуд. — Эти дикие шайены уйдут в горы, а нам достанутся солдатские пули и штыки.

— Они только этого и хотят, — с болью в голосе произнес Ник.

— Мы знаем, — вмешался черный Томас. — Хозяин поручил мне беречь инженера. Никто его не тронет.

Черный Томас был рабом Темного Быка. Его родня жила в Канзасе, и он давно мог бы уйти к ним. Они были свободны, но продолжали работать на той же плантации, где работали их отцы и деды. Так и Томас продолжал служить вождю — сыну того вождя, который когда-то купил Томаса за связку беличьих шкурок. Разница было только в том, что в прежние времена рабам не доверяли оружие.

Сейчас Томас не расставался с обрезом дробовика. Он уже не полагался на свое зрение, но из обреза даже такой старик не промахнется с десяти шагов.

Утреннее солнце прогрело землю и высушило траву, когда вожди вышли из своего шатра. Они разошлись в разные стороны, каждый к своим людям. Но Темный Бык не задержался у семейного костра, а сразу направился к навесу над длинным столом, где его с

нетерпением ожидали гости.

Вождь был укрыт шкурой бизона, отделанной спереди бахромой. Сзади свисал, скользя кисточкой по траве, хвост, перевязанный красными шнурами. Темное лицо вождя было усталым и осунувшимся.

Энни вышла к нему навстречу, и он, не останавливаясь, обнял ее за плечи одной рукой.

— Мистер Скиллард, — сказал вождь, подойдя к столу. — Я сделал все, что мог. Наши соседи хотят, чтобы компания не трогала их землю. Вы можете дать слово, что на Белой Скале не будут делать еще один карьер? Подумайте, прежде чем отвечать.

— Дать слово? Как я могу решать за своих хозяев? — развел руками Скиллард.

— Это плохо, — сказал Темный Бык. — Наши соседи хотят послать компании предупреждение. Вы видите этот стол? На нем лежали кости людей. Тех людей, которые уже были здесь двадцать лет назад. Они все умерли. С тех пор белые не появлялись здесь. Ваши хозяева знают это?

— У компании сейчас новый хозяин. Но этот район ему не нужен. Конечно, я передам ему ваше предупреждение, он обязательно будет учитывать мнение местных жителей...

— Подождите, мистер Скиллард, — Темный Бык поднял ладонь. — Вы можете дать мне слово, что передадите это предупреждение своему хозяину?

— Да. Я вам обещаю. Я все передам.

— Хорошо, — Темный Бык скинул с плеч шкуру и растер ладони. — Больше мне от вас ничего не надо, мистер Скиллард. Вы скажете это моим соседям, и отправитесь домой. Мои люди вас проводят. Я дарю вам коня, на котором вы сюда приехали.

Он снова обнял Энни одной рукой и сказал:

— Колдунья, зачем Лукасу понадобился наш договор? Он стал таким же, как все белые? Хочет продать землю? Передай, что я очень удивился. Я дарю ему вороную кобылу, пускай приезжает и забирает ее.

— Нам надо показать договор в Земельном Управлении, — пояснила Энни. — Они не верят словам, они верят только бумагам.

Темный Бык понимающе кивнул, продолжая снимать с себя ритуальные украшения. Он вытащил перо из густых черных волос, собранных в пучок под затылком, а потом снял с груди панцирь из конических ракушек, похожих на детские пальчики.

— Я пошлю с вами Ника и его братьев, только собирайтесь скорее. Старуха говорила, что ты привезла ей подарки. Я их сам разберу, а ты не теряй время, собирайся.

Фотограф Коэн разочарованно протянул:

— Как же так? Неужели вы не позволите мне сделать хотя бы несколько фотографий? Я так ждал рассвета, и все понапрасну?

— Никаких фотографий, — сказал Темный Бык, который без шкуры и перьев сейчас казался просто пожилым фермером — в клетчатой рубаше и темно-синем комбинезоне с большими накладными карманами. И только массивная серебряная застежка с крупным рубином, стягивающая шелковый платок на шее, напоминала о его ранге. — Не всем это нравится, да и времени нет. В следующий раз, брат мой.

Темный Бык говорил ясно и грамотно. Он хорошо знал язык белых, потому что на этом языке была написана единственная книга, по которой он научился читать, и которую читал и перечитывал все время — Евангелие от Марка. Да, он оставался Темным Быком, потому что это имя перешло к нему от умершего отца. Но Лукас крестил его, и вождь любил свое христианское имя — Саймон.

Он принял веру так же легко и естественно, как когда-то его предки приняли лошадей и огнестрельное оружие. И ему было непонятно, почему эта вера и этот язык еще не охватили всех остальных индейцев. Даже не все его родные братья приняли крещение, а брат отца, старый Коготь, категорически отказывался произнести хотя бы слово на языке белых.

Красный Коготь сам вызвался привезти Скилларда, и Темный Бык не мог ему в этом отказать. Он отправил с Когтем своего Томаса и поручил негру оберегать инженера, потому что хотел сохранить мир. А Красный Коготь не любил мир, он не любил жить дома и

пропадал где-то в Колорадо с мелкими бандами. Коготь и здесь, на встрече, о чем-то шушукался со своими приятелями шайенами.

Вспомнив об этом, Темный Бык нахмурился и поторопил Скилларда:

— Идемте, мистер инженер! Вы скажете вождям то же, что сказали мне, и отправитесь домой. Белая Сойка, поторопись. Джуд, отправляйтесь не на Косой Брод, а на старый мост.

Джуд кивнул, не задавая лишних вопросов, хотя путь через старый мост был гораздо длиннее.

Темный Бык подвел инженера к костру, вокруг которого сидели на земле вожди шайенов со своими братьями. Здесь же был и Красный Коготь. Они замолчали, когда Темный Бык приблизился.

— Вы хотели слышать, что думает Компания, — сказал он, опускаясь на колени и за руку усаживая рядом с собой инженера. — Компания не собирается ломать наши границы. Не так ли, мистер Скиллард?

— Истинно так, — откашлявшись, подтвердил инженер. Он поправил свою белую шляпу и добавил: — На договоре о границах резерваций стоит подпись Президента Гаррисона¹⁷. Его слово — закон для всех граждан Америки. Для простых людей, для вождей и для компаний.

Шайены молча смотрели на него, ожидая продолжения, но Скиллард явно не был готов к длинной речи. Темный Бык пришел ему на помощь.

— Компания знает, что здесь, у Скалы Белого Мула, нельзя рыть землю. Не так ли, мистер Скиллард?

— Да, конечно.

Скиллард отогнал рукой дым, щипавший ему глаза, и продолжил:

— Я внимательно выслушал ваши пожелания. Я подробно изложу их в своем обращении к руководству Компании...

Он попытался заглянуть в глаза кому-нибудь из вождей, но их лица были неподвижны. Они еще не услышали того, чего ждали, и он заговорил снова:

— Поверьте, я не последний человек в Компании. К моему голосу прислушиваются... Да, прислушиваются, и не только в администрации карьера. Знаете, у меня есть связи даже в штаб-квартире Компании, в Денвере. Я сделаю все, чтобы этот район был объявлен запретным для любых работ... И еще есть знакомые газетчики, я свяжусь с ними. Знаете, на что способны газетчики? Они такое напечатают, такое! Тогда не только наша компания, но и любая другая не захочет здесь работать. Да-да, газеты — великая сила!

Он говорил, а Темный Бык быстро переводил его слова для Когтя. Вожди шайенов понимали речь Скилларда, но, когда он замолчал, Хромой заговорил по-шейенски, а Волчий Глаз (он был младше) перевел:

— Если твоя банда не будет работать, вы все умрете от голода. Завтра в ваших ямах кончится уголь, и вы придете сюда, чтобы копать новые ямы. Ваши люди будут умирать здесь, но вы наймете новых. У вас много бедняков, которые пойдут сюда умирать за деньги. А подпись президента для вас ничего не значит. Вы всегда нарушаете свои обещания.

— Обещания? Я? Разве я вас когда-нибудь обманывал? — спросил Скиллард, обращаясь к Темному Быку.

— Вашему слову можно верить.

Шайены заговорили разом, и Волчий Глаз сказал:

— Дай нам слово, что твоя банда не полезет в наши земли. Ты даешь слово, и ты будешь отвечать, когда это случится.

— Ничего не случится, господа, — Скиллард поднял перед собой руки, чтобы успокоить индейцев. С каждой минутой его голос становился увереннее и крепче. — Ничего не случится с вашими землями. Вы спокойно будете на них жить и получать полную

¹⁷ Гаррисон Бенджамин — 23 — й президент США (1889 — 1893).

поддержку Правительства, как это было и раньше. Компания не собирается заниматься только углем. Знаете, что здесь будет? Мы построим здесь новые города с высокими каменными домами, с большими школами для детей, с огромными театрами. Мы проложим дороги от одного дома к другому, мы проведем телеграф в каждый дом, и на улицах вечерами будут гореть фонари, и ночью в городе будет светлее, чем днем. Знаете, кто будет жить в этом прекрасном городе? Там будут жить все — и белые, и негры, и индейцы. Граждане одного союза наций, а не люди из разных племен. И вы, и ваши дети, и внуки будут жить в этом городе вместе с моими детьми и внуками...

— Хорошо, — сказал Волчий Глаз. — Ты дал слово. Посмотрим, крепкое оно или нет. Спасибо, что говорил с нами. Прощай.

Через несколько минут два небольших отряда всадников покинули место сбора. Энни ехала между Крокетом и Джудом, за ними трусили Скиллард с Коэном, которых сопровождал старый Томас, а немного поодаль держалась группа индейцев-кайова. Ники, старший сын Темного Быка, ехал последним. Он держал карабин на коленях и часто оглядывался.

Глава 13. ВИНСЕНТ КРОКЕТ. БРАТОУБИЙСТВО

Ники Кожанный Жилет мог бы и не оглядываться. Нас никто не собирался догонять. По крайней мере, в открытую. Если шайенам так уж необходима шкура инженера, то они ее раздобудут. Но догонять нас они не станут. Никаких погонь, никаких ужасающих криков и никакой беспорядочной стрельбы не будет. Будет засада.

Словно услышав мои мысли, Джуд проговорил:

— Утром шайенских лошадей стало меньше, чем было ночью. На две дюжины меньше.

— Ночью горело шесть костров, а утром осталось четыре, — ответил я, и он понимающе кивнул.

Как только мы отъехали достаточно далеко, я остановился и подождал отставших спутников.

— Мистер инженер, — сказал я, — Вам надо немного изменить внешность.

— Это еще зачем?

— Вы слишком заметная фигура.

— И что же вас не устраивает, мистер Разбитое Зеркало?

— Во-первых, ваш цилиндр. Он белый и высокий.

Пока я говорил, Джуд подъехал к инженеру сзади и снял с него шляпу. Скиллард возмущенно повернулся к нему, но команчиро невозмутимо бросил на его колени черный платок.

— Повяжите голову.

— И не подумаю! Отдайте шляпу! Что вы себе позволяете, черт возьми!

— Чем вы смазываете волосы, чтобы они лежали так ровно? — спросил я. — Не думаю, что медвежьим жиром. Наверно, бриолином. Шайены постараются не нарушить вашу прическу, когда будут снимать скальп. Они уважают чужой труд.

— Не надо меня путать! Вам мало того, что они донимали меня всю ночь своими воплями?

— Никто вас не пугает, — сказал я. — Вас просто хотят убить. Да, именно вас. Кому-то нужен ваш скальп. У вас есть завистники в компании? Может быть, конкуренты? Или ревнивый муж какой-нибудь красотки? Так или иначе, на вас идет охота, а нам хочется спокойно добраться до дома. Выбирайте. Или вы надеваете свою белую шляпу и дальше едете в гордом одиночестве, или остаетесь с нами, но уже без шляпы. Ну как?

— Что за глупости, — раздраженно ворчал Скиллард, неловко стягивая платком свои прилизанные черные волосы с идеально прямым пробором. — Кому мешает моя шляпа? Когда меня хотели поджарить, шляпа никому не мешала...

— Во-вторых, ваш сюртук, сэр, — сказал я. — Накиньте пончо поверх него. Вот так.

Теперь никто не отличит вас от простого бандита с большой дороги. Кстати, не желаете ли повесить карабин на спину? Возьмите мой.

— Не хочу. Лишняя тяжесть.

— Берите, берите, он легкий.

Мы с Джудом придирчиво оглядели инженера. Энни с трудом сдерживала смех, отворачиваясь и зажимая рот ладошкой. А фотограф Соломон Козн умоляюще вскинул руки:

— Остановимся на минутку! Нельзя упускать такой кадр! Страшно представить, сколько заплатит за этот портрет Горнорудная Компания!

— Ни минутки, ни секунды, — категорически отказался я.

— Что вы стоите? — недовольно прикрикнул Ники, подъезжая к нам. — Хотите навлечь беду?

Мы поскакали быстрее, чем двигались до этой остановки. Один из сыновей Темного Быка уехал вперед, показывая нам дорогу. На ходу мне удалось переговорить с Ником и Джудом, и мы пришли к общему мнению. Те шайены, которые остались на месте сбора, нас не догонят. Значит, где-то впереди мы столкнемся с другой бандой. Утром лагерь незаметно покинули примерно два десятка шайенов. Они не могли знать, что мы будем передвигаться под охраной кайова, но все равно их было значительно больше, чем нас. Мы же не знаем, чем они вооружены. Я предложил исходить из худшего: все с винтовками. В этом случае нам не спастись. Несколько залпов, и уцелевшие расползутся по степи, прячась в траве и истекая кровью. Нападающие забирают раненого Скилларда и доставляют его к заказчикам охоты. Он будет ранен в ногу, но еще долго не сможет умереть, на свою беду.

Джуд добавил, что нападающие подберут на месте засады не только инженера, но и еще одного белого, чтобы тот смог передать послание землемерам. Скорее всего они предпочтут фотографа, а не меня или Энни, предположил я: черные чемоданы и кожаную фуражку легко распознать издали. Джуд согласился. Кроме того, фотограф выгодно отличался от меня еще и тем, что был безоружен. Поэтому тебя, Крокет, они будут валить наповал. А Энни (хорошо, что она не слышит), как ни ряди, все-таки женщина, белая женщина, и они ее не отпустят ни к каким землемерам.

Переодев инженера, мы хотя бы ненамного усложнили задачу шайенам. Кроме того, они, не ожидая увидеть, что нас так много. Хотя вряд ли это их остановит. Скорее, наоборот, — заставит действовать более грубо. Перестреляют всех без разбора, а скальп можно снять и с трупа.

Нику весьма не нравились такие речи, и он поспешил сделать выводы. Его братья подтянулись к нам и окружили кольцом двух наиболее ценных носителей белой кожи — инженера и фотографа. В головном дозоре поскакал Джуд. Он мог заметить какие-то признаки засады. Но, зная шайенов, я был уверен, что никаких признаков не будет.

Они сами учили меня прятаться там, где нельзя спрятаться. Тот, кто ищет, не будет разглядывать открытое пространство, а сосредоточится на всяких складках, тенях, поворотах. Поэтому лучше всего можно укрыться там, где нет никаких укрытий.

Индеец может накинуть на себя старый мешок и превратиться в придорожный камень. А может распластаться в траве, и его спина будет колыхаться под ветром вместе с серебристыми колосьями. Он может повиснуть на отвесном обрыве, а может и зарыться по самые ноздри в песок, и ты не заметишь его, даже если наступишь. Его карабин прорастает ветвями и покрывается мхом, и даже его одежда перестает пахнуть застарелым потом и мочой, когда он сидит в засаде.

Они не напали на нас ни тогда, когда мы мчались между холмами, ни тогда, когда пробирались через кустарниковые поля. После полудня мы выбрались на старую заросшую дорогу вдоль реки. Здесь негде было укрыться до самого моста. Мы сбились плотнее и взвели курки карабинов.

Лошади перешли на шаг, чтобы сберечь силы для рывка. Как только ударит первый выстрел, мы ответим залпом и тесным строем помчимся туда, где взвоется пороховой дымок. Упавших не подбирать, разберемся после боя. Мы сомнем засаду, прорвемся сквозь

нее, и пусть они только попробуют нас догнать — но нет, они наверняка знают, чем может закончиться такая погоня для них...

Впереди, над рекой лежал старый низкий мост — без перил, с черными, покосившимися опорами. Берега возле него заросли высоким бурым камышом, и я непременно засел бы там, в камышах, если бы мне было поручено устроить засаду.

Мы остановились и принялись осматривать подходы к мосту. Я передал свой бинокль Джуду, но гордый команчиро пренебрежительно отмахнулся. Моя фраза о преимуществах германской оптики перед его орлиным зрением не успела прозвучать: Джуд извлек из-за спины складную подзорную трубу. А Ник заранее знал, что мы ничего не увидим. Он пошевелил пальцами в воздухе, и один из его братьев сорвался с места, подскочил к мосту и пронесся вдоль зарослей, стреляя по ним из револьвера. Камыш равнодушно проглотил пули, поблескивая сухими лентами листьев. Всадник выехал на середину моста, крутнулся на месте и поскакал вперед, стреляя на ходу по зарослям на другом берегу. Мне было ясно, что его пальба может повредить только зазевавшимся лягушкам. Понял это и Ник.

— Нас будут ждать на том берегу, — сказал он. — За холмом. Будем готовы.

Мы были готовы. К стрельбе, к прорыву, к бою и крови.

Оказалось, надо было готовиться к другому.

Мы ехали по двое, теснясь на мосту, и держались плотно друг за другом. Первая пара уже была на берегу, а последняя еще не поднялась на мост, когда с правой стороны, из-за холма, раскатисто хлопнул выстрел. Как по команде, мы повернулись вправо и вскинули карабины, выискивая цель.

И тогда появились шайены.

Они именно появились — они словно возникли из ничего, из воздуха. Точнее — из воды. Мы смотрели вправо, а они появились слева. Бесшумно и молча они в один миг выросли на левой стороне моста. Их было много, очень много. Они накинулись снизу, хватая лошадей под уздцы, впиваясь цепкими руками в ноги всадников, взмахивая сверкающими топорами. Ударил выстрел дробовика, он словно прорвал завесу тишины, и воздух затрясся от криков, визга, ржания, новых выстрелов и хрустящих ударов топоров. Мой Бронко присел на задние ноги и рванулся вбок, сбрасывая с себя два мокрых, блестящих тела. Я успел подставить карабин под удар томагавка и врезать прикладом по перекошенному лицу, приклад скользнул по зубам — и тут мерин сильным толчком спрыгнул в воду. Едва успев выдернуть носки из стремян, я оттолкнулся от коня, уже под водой, и вынырнул. В моей руке оказался нож. Рядом из воды тянулась хрипящая конская голова. Огромное копыто мелькнуло прямо перед моим лицом и с плеском ударило по воде. Что-то пронеслось надо мной, краем глаза я заметил синюю куртку — это Энни упала в воду. Повернувшись к ней, я увидел, что она быстро выгребает к берегу. «Умеет плавать», — успел подумать я и сразу успокоился, словно ей больше ничего не грозило.

На мосту уже не осталось ни одной лошади, там дрались люди, сплетаясь в жуткую связку тел. Шайенов, мокрых, в одинаковых рубашках без рукавов, было так много, что казалось, будто они рубятся между собой. Я схватился одной рукой за скользкий настил и нащупал ногами опору. Но подняться на мост не успел. Что-то мелькнуло сзади, и я вовремя отдернул руку. Топорик вонзился в доски, и шумное дыхание обдало мою щеку. Не глядя, я ударил тесаком влево по дуге, и нож прошел через непрочную преграду, а на пальцы мне выплеснулась теплая, липкая кровь. Шайен отвалился в воду, а я схватился за его томагавк и забросил себя на мост.

С топором и ножом я бросился к схватке и сразу же разрубил чью-то мокрую спину, ногой отпихнул тело, и из-под него выпрямился кто-то наш. Фотограф. «На берег!» — крикнул я и толкнул его в воду, продираясь вперед. Чужой томагавк блеснул и пронесся перед моим животом, я едва успел согнуться, но мой нож догнал руку врага и полоснул по локтю сверху. Ногой в пах, топором сбоку в открытую шею. Слишком сильно, лезвие застряло в нем, но я тут же подобрал упавший чужой томагавк. Поджав ноги, перепрыгнул через противника, упал на чье-то тело, перевернулся на спину и выставил нож перед собой.

Шайен упал на меня, напорвшись грудью на клинок. Он был слишком тяжел, и мои руки согнулись. Грузное тело навалилось на меня, дрожа и выгибаясь. Я выкатился из-под него, но его пальцы впились в мое плечо. Над ухом прогремел выстрел, и лицо обдало горячим песком.

— Крокет! Энни! Энни! — заорал кто-то.

На берегу тоже шла драка, но мой глаз выхватил только то, что было самым главным. По пояс в воде вдоль берега рывками пробирались двое шайенов, они что-то тянули за собой по мутным волнам. Еще не разглядев ничего толком, я уже знал, что они тащат Энни за ноги.

Она дергалась, ее колени сгибались и разгибались. Значит, живая, понял я и спрыгнул с моста головой вперед. Я уже знал, что здесь глубоко, а течение помогло мне обогнать их. Когда я поднял голову над водой, они оказались сзади. Мои ноги встали на рыхлое дно, и мне стало понятно, почему шайены убегали с добычей так медленно — они вязли в прибрежном иле. Я набрал воздуха и медленно выпустил его, садясь в воду. Они шли прямо на меня, но не могли увидеть в этой поднятой мути. Вода шумела и звенела в ушах, слышались далекие, искаженные голоса и чавкающие шаги.

Он напоролся на мой тесак бедром, и я еще под водой ударил в живот, проткнув ветхую рубаху, схватил его у самого дна за скользкую грубую, ткань штанов и дернул вверх, когда вынырнул. Он с плеском повалился на спину, и желтая муть залила его, смешиваясь с кровью. Второй выпустил Энни и кинулся на меня, широко расставив руки, словно для объятия. Он держал голову немного набок, по-птичьи, и его черные узкие глаза равнодушно смотрели на меня — на длинный нож в моей руке, на вторую руку, снова на нож. Я не мог достать его ударом, и оба мы не могли сдвинуться с места, увязая в иле. За его спиной из-под воды появилась мокрая голова Энни, она кашляла и отплевывалась.

Шайен быстрым движением завел руку за спину, но я не позволил ему выхватить оружие. Мой тяжелый клинок скользнул прямо над водой. Шайен вскрикнул и застыл, когда лезвие вошло в его грудь. Он схватился за рукоятку, но тесак сидел плотно, а я уже был рядом, и мой складной нож своим коротким, изогнутым зубом вспорол его глотку. Кровь хлестала на мои руки, когда я выдергивал тесак из раны. Шайен, уже мертвый, стоял в воде, безвольно опустив руки. Я толкнул его в грудь, и он плашмя рухнул в красную воду.

— Не вылезай! Сиди в воде! — приказал я Энни и вплавь бросился к мосту, где Джуд, стоя на куче неподвижных тел, отмахивался томагавком от двоих шайенов.

— Я договор потеряла!

— Ищи!

Щелкнул выстрел, потом второй, и оба шайена упали, а Джуд схватился за колено.

Выбравшись на мост, я схватил валявшийся в крови карабин и залег между телами. Дело дошло до стрельбы, а Джуд все еще маячил на горе трупов, держась за колено и гневно оглядываясь.

— Уходят, — сказал он мне и вытянул руку, указывая на троих всадников, несущихся от реки по склону холма.

Я прицелился в спину переднему, но он вдруг всплеснул руками и слетел с неоседланной лошади. Двое других на миг выросли во весь рост на верхнем краю холма и провалились за гребень, а подбитый шайен все еще перекатывался вниз по склону.

— Ушли, — спокойно сказал Джуд. — Крокет, кто в меня стрелял?

— Не я. Ты ранен?

Камыши с шумом разошлись, и из щели выглянула кожаная фуражка фотографа.

— Я стрелял, — сказал Соломон Коэн. — Кажется, все кончилось?

С винчестером в руках он выбрался из камышей на берег и, оглядевшись, проговорил:

— Где же теперь искать мои чемоданы?

— А где Скиллард? — спросил я.

— Где-то здесь, подо мной, — ответил Джуд, оттаскивая за обвисшие руки убитого Ника.

Я помог ему. Тела лежали крест-накрест. Один из братьев Ника был еще жив, но из его

перерубленной руки широкой полосой стекала прозрачная кровь. Под ним оказалось тело Томаса. Его широкая спина была вспахана бесчисленными ударами топоров, клочья сукна смешались с мясом и белыми обломками ребер. Он оказался удивительно тяжелым. Оттащив его, мы увидели инженера Скилларда.

Он лежал на боку, свернувшись калачиком и обхватив голову руками.

— Вставайте, мистер инженер, — сказал я, потрепав его мелко дрожащее плечо. — Пора ехать дальше.

По берегу бродили лошади, блестящие, со слипшимися гривами. Мой Бронко стоял в стороне, изогнув шею и пытаясь лизнуть собственный живот. Я подошел и увидел длинный красный порез на рыжем боку мерина. Кровь накапливалась у нижней кромки раны и тонкой, блестящей полоской обвивала брюхо, уходя в пах.

Только увидев, что Бронко ранен, я почувствовал саднящую боль в ноге и нащупал рваную дыру на штанине сбоку.

— Мистер Крокет, вы ранены? — спросила Энни из камышей.

— Нет. Просто ссадина. Нашла шкуру?

— Нашла!

— Ну так вылезай, хватит мокнуть.

Мы собрались у моста — Джуд, Коэн, Скиллард и уцелевший брат Ника. Энни перевязывала раненого брата, а мы укладывали на берегу убитых. Восемь наших, тринадцать чужих, остальных унесла река.

Прежде чем ехать дальше, мы разобрали оружие и очистили его от речной грязи. Наша одежда высохла, Скиллард перестал дрожать, а фотограф догнал своего коня с чемоданами у седла.

Шайены все сделали правильно. Они знали наш маршрут и устроили засаду там, где мы ждали этого меньше всего. Их лошади остались за холмом, а воины спрятались в воде под мостом. Оставалось только перебить нас, и они почти справились с этим. Но почему-то не довели дело до конца.

Возможно, эта засада не была последней? Тогда нам незачем уходить отсюда. Лучше занять круговую оборону и подороже продать свою жизнь. На вершине холма можно устроить неплохую позицию для четверых стрелков (если считать инженера), а Энни придется отпустить под охраной Джуда.

Она развернула на песке свою драгоценную енотовую шкуру, где под парой десятков черных строк краснела подпись ее отца и знак Темного Быка. Убедившись, что речная вода не смыла текст договора, Энни бережно протерла кожу пучком сухой травы, сложила вдвое и обернула вокруг талии, перетянув ремнем.

— Мы можем ехать спокойно, нас никто не тронет, — сказал Джуд.

— Почему они убежали? — спросил я. — Почему не бились до конца? Их было трое, но они убежали. Ушли за подмогой?

— Нет. Они увидели, что Ники убит. Они убили сына вождя, и их охватил страх. Шайены толкали Темного Быка на тропу войны с белыми. Но теперь они сами оказались на его тропе.

Брат Ника безмолвно бродил между нами, словно не замечая нас. Он собрал сушняк на берегу и выломал несколько досок из настила моста, чтобы развести костер.

Когда мы тронулись в путь, он сидел на коленях над телом Ника, а за его спиной поднимался к небу плотный, вьющийся столб дыма.

Глава 14. В ОСАДЕ

Увидев на крыльце вооруженных людей, Крис не успел ни расстроиться тому, что опоздал, ни обрадоваться, что успел вовремя. Его лишь немного удивила та наглость, с которой Фримонт отправил охранников на захват полицейского участка.

О цели ночного визита нетрудно было догадаться. Бедолага Сэм — вот ради кого все

это затевалось.

Скрываясь за углом, Крис хорошо видел нападавших. Один из них ковырялся отмычкой в дверном замке, и этого надо было бы обезвредить раньше прочих. Вторым будет тот, кто держал под прицелом выход из таверны на другом конце площади. Ни того, ни другого Крис не собирался убивать. Лучше всего будет захватить их живыми.

Он подобрался поближе и удобно устроился за крыльцом магазина. Слышно было, как звенит и лязгает отмычка в неумелых руках. Когда Крис поднял винчестер, целясь в лампу, перед глазами пошли радужные волны. Он выстрелил и на секунду ослеп. В темноте перед ним закружились искры, и он зажмурился. Но тут прозвучали два выстрела со стороны улицы. Нэт сделал свое дело, и тут же перед участком заметались темные фигуры.

Крис выстрелил в ногу тому, кто возился с отмычкой. Негодующий вопль заглушили ответные выстрелы, но темный силуэт остался у двери. Остальные разбежались в стороны, пытаясь спрятаться, но Крис видел их даже в темноте и целился в ноги, чтобы никого не убить.

Со стороны таверны ударили первые выстрелы тех, кому помешали доиграть партию в покер. Пули звонко шелкали по стенам, где-то зазвенело, рассыпаясь, оконное стекло. Крис разглядел, как нападавшие забежали за угол, оставив раненого на крыльце. Тот попытался подняться, но каждый раз заваливался набок и в конце концов скатился со ступенек.

От таверны еще прозвучало несколько выстрелов, прежде чем кто-то крикнул: «Да там никого нет! Прекратить огонь!» Крис с трудом узнал голос Лысого Мака.

При свете керосиновой лампы возбужденная толпа сгрудилась вокруг раненого. Он стонал и ругался.

— Ты кто такой, амиго? — спросил Маккарти.

— Сначала выньте пулю из ноги, потом спрашивайте! Да перевяжите поскорее, я же истекаю кровью! Что вы на меня уставились, как бараны!

— Давно мы тут не видели таких наглецов, — сказал Маккарти. — Откуда ты такой взялся?

— Да он с ранчо Фримонта, шериф! Точно! Это же он толкался сегодня в лавке!

В домах вокруг площади появились светящиеся окна, кто-то выходил на крыльцо с лампой, а кто-то даже дошел до площади, позевывая и почесываясь.

— Что за стрельба? Кого убили? Индейцы? Кого убили? Да никого не убили, только ранили. А крови-то, крови... Ну, раз никого не убили, не на что и смотреть. Шериф, утомни своих горлопанов, нам завтра вставать ни свет ни заря, а вы тут орете под окнами!

Маккарти поднялся на крыльцо и увидел Криса.

— Быстро же ты вернулся. Это хорошо. Есть работа как раз для тебя.

— Я вижу.

— Фримонт обнаглел. Смотри, его парни выломали замок.

— Зачем?

— Неужели не понимаешь? Не похоже на тебя, Крис. Они пытались освободить Питера Уолка. Это уже война. Но мы к ней готовы.

По виду Лысого Мака трудно было догадаться, что он готов к войне. Зато было очевидно, что война застала его в постели, и он вступил в бой босиком, в нательной рубашке и со спущенными подтяжками.

— Лански! Набери четверых, будете караулить на площади всю ночь! — командовал он. — Дженкинс! Черт, где Дженкинс? Кто-нибудь видел этого грязного метиса?

Раненого занесли в участок и расположили за решеткой, заставив потесниться прочих арестантов. Питер сразу же потребовал нож и бинты и ловко принялся оказывать первую помощь. Другой арестант никак не отреагировал на суматоху и продолжал спать на лавке.

Маккарти выставил часовых вокруг участка и приказал не смыкать глаз. Остальных отправил спать, назначив наутро общий сбор на площади. Сам Лысый Мак спать, похоже, не собирался. Он отлучился на несколько минут и скоро вернулся — одетый, умытый и пунцовый от ярости.

— Крис! Ты видишь, что у нас творится? Это же война! Мне объявили войну!

— Почему ты думаешь, что они приходили за Питером?

— За чем же еще? За бутылкой виски? За моим оружием? Или... — Маккарти перевел взгляд на спящего. — Или за этим калекой?

— Может быть, — кивнул Крис.

— Кто это с тобой? — Маккарти наконец-то заметил приехавшего архитектора.

— Нэт Беллфайр, — сказал Крис. — Строитель из Бостона. Отличный стрелок.

— Ты вовремя, Нэт, — Мак встряхнул тонкую кисть. — Нам сейчас очень нужны стрелки, особенно строители. Можешь приступать прямо сейчас. Построй мне крепость, чтобы отбиться от небольшой армии.

Архитектор растерянно вертел в руках блестящий револьвер.

— Э... Я могу подготовить проект...

— Само собой, само собой. Готовь проект, а мы пока с Крисом все обсудим. Полчаса тебе хватит?

— Где вы хотите строить крепость?

— Вот здесь, — Мак топнул ногой. — Эта хибара должна превратиться в настоящий форт еще до рассвета.

Питер постучал ножом по прутьям решетки, привлекая внимание.

— Чего тебе, Уолк?

— Я не могу вынуть пулю, она сидит глубоко. Зовите доктора Эванса.

— Зовите скорее! — застонал раненый, запрокинув голову. — Умираю, до чего же больно!

— Если мы разбудим доктора Эванса, тебе будет еще больнее, — пообещал Маккарти. — Он не любит, когда его тревожат по ночам. Так что терпи до утра. Сам виноват. Никто не звал тебя сюда, не так ли?

— Мне врач нужен, — сердито сказал ковбой. — Я не хочу подыхать тут у вас от гангрены, как Сэм.

— Так ты его знаешь? — спросил Крис.

— Не то что бы знаю... — ковбой начал выкручиваться, но наткнулся на тяжелый взгляд Мака, а потом, оглянувшись на лавку, где из-под одеяла выглядывала окровавленная, забинтованная культя, стал откровеннее. — Ну, наш это парень, наш. Сэм Блинчик. Очень он блинчики любит, может их целую гору слопать, и все просил на кухне пару лишних блинчиков. Неделю назад он был на объезде, и почти вся их команда пропала. Говорят, вернулось только двое.

— Команда Хаммера? — спросил Крис.

— Не знаю я никакого Хаммера. Зовите врача, у меня гангрена начинается.

— Ничего, — сказал Маккарти. Он вывел пленника из-за решетки и усадил на табурет возле своего стола. — Гангрена не сразу убивает, дня три у тебя есть, так что мы еще успеем поговорить.

— Да о чем говорить?!

— Например, как ты тут оказался? Что делал на площади ночью? И, черт возьми, как тебя зовут?!

Питер Уолк проворчал в своем углу камеры:

— Вы дадите спать или нет? То стрельба, то допросы. Не каталажка, а сумасшедший дом!

— В Гудворде тебе предоставят тюрьму первого класса! — заверил Мак. — Не мешай работать, Уолк! Так мы тебя слушаем, амиго.

— Меня зовут Фред Моли. На площадь я пришел вместе с парнями, хотели заглянуть на огонек в таверну. Тут началась стрельба со всех сторон, и меня ранило.

— Ты слышал, Крис? — обрадованно спросил Мак. — Оказывается, мы же еще и виноваты, что подстрелили этого ангелочка! Слушай, Моли! Будет лучше, если ты перестанешь врать!

— Он не врет, — вступился Крис. — Все так и было. Он пришел с парнями. И в таверну они заглянули. Ты, Фред, забыл только добавить, что тебе пришлось долго возиться с замком. Ковырялся-ковырялся, и ничего не получилось, пришлось просто ломать. А знаешь, почему? Отмычка у тебя старая, сейчас другие в ходу. Где ты ее только достал?

— Какая отмычка? — Моли скривил губы. — Знать не знаю ни про какую отмычку.

— Вот эта, — Крис позвенел, словно колокольчиком, связкой блестящих длинных крючков. — Я нашел ее на крыльце, там, где тебя ранило. Твоя кровь осталась у самой двери, никуда она не делась, Фред.

— Что вам было нужно, отвечай! — рявкнул Маккарти. — Зачем замок сломал?

— Мы... Нам приказали поговорить с Сэмом. Узнать, как он себя чувствует.

— Кто приказал? Хозяин? Фримонт?

Моли нехотя кивнул и отвернулся к стене.

— Все, зовите врача, нога горит.

— Врача позовем, — заверил его Маккарти. — Но сначала мы позовем сюда федерального маршала. И если ты скажешь ему то же, что и нам, то у тебя все будет хорошо. И нога заживет, и за решеткой не окажешься. Хочешь виски?

Лысый Мак нашел бутылку за оружейным шкафом и поднес Моли стаканчик. Тот, подумав, выпил залпом и поставил стакан для второй порции. Мак одобрительно крикнул и не отказал арестованному, раненому и раскаявшемуся грешнику.

— Зря ты это затеял, шериф, — сказал Моли, проглотив третью порцию подряд. — Виски у тебя высший сорт. Но с Фримонтом тебе не сладить.

— Не твоя забота, амиго. И не моя тоже. С Фримонтом пускай разбирается маршал Баррет. Налет на полицейский участок — дело серьезное.

— Да разве это налет? — Моли оглядел комнату и криво улыбнулся. — Настоящий налет ты увидишь утром, шериф. Если тебе повезет, конечно. А можешь и не увидеть. Деревянные дома хорошо горят. И их очень трудно гасить изнутри. На твоем месте я бы не стал прятаться здесь, шериф. Забирай виски и сматывайся куда-нибудь подальше.

— Спасибо за совет, — спокойно сказал Маккарти.

Крис был удивлен таким ответом. «Стареет, — подумал он о своем приятеле. — С годами даже Мак стал мудрее и...»

Мощная оплеуха сбросила Моли с табурета и отправила в дальний угол офиса. Он еще перекатывался по полу, а табурет уже летел ему вдогонку. Когда грохот затих, и Моли осторожно приподнял голову из-под обломков, Маккарти сказал, растирая ушибленную руку:

— Прибереги свои советы для хозяина.

Крис и архитектор усадили раненого на стул. Моли держался одной рукой за ногу, другой за ухо.

— Как только твой хозяин появится в поселке, его встретит пуля! — сказал Мак. — Я бы предпочел его повесить, но сейчас не до церемоний!

— Мой хозяин не такой дурак, чтобы подставлять себя под твои пули! — злобно и вызывающе засмеялся Моли. — Он сейчас поит французским коньяком нужных людей в Гудворде, а тебя, шериф, скоро навесят индейцы! Потому что ты живешь на земле, которую они слишком долго считали своей землей! А за индейцев никто не отвечает! Верно, шериф?

Крис вовремя схватил Мака за плечо, удержав от ответной реплики, и спросил у Моли:

— Когда это будет? Ночью? Утром?

— Откуда мне знать? — Моли потер ухо и посмотрел на ладонь. — Слушай, шериф, у меня кровь идет из уха. Как насчет врача? Ты же мне чуть мозги не выбил!

— Еще выбью! — пообещал Маккарти. — Тебя спрашивают, когда будет налет!

— Да не знаю я, не знаю! Мое дело, открыть дверь и решетку, остальное меня не касается. Надо было забрать Сэма, чтобы он не погиб тут вместе с вами, и все. А что дальше, не мое дело!

— Сэму уже все равно. А ты не хочешь сгореть вместе с нами? — спросил Крис.

— А ты как думаешь?

— Эй, полуночники! — раздался из-за решетки голос Питера Уолка. — Я тоже не хочу сгореть вместе с вами.

— Тебя не спрашивают, — огрызнулся Маккарти. — Так вот, Моли, теперь ты с нами связан одной ниточкой. Если хочешь выжить, веди себя хорошо.

— Кто тебе сказал, что на нас нападут индейцы? — спросил Крис.

— Все говорят.

— Понятно. А с чего это вдруг?

— Не знаю. Спросишь у них, когда они заявятся. Лысый Мак рубанул кулаком по столу так, что

Моли подпрыгнул на стуле.

— Слушай, амиго, — сказал он. — Слушай меня внимательно. Все видели, что ты ранен. Очень тяжело ранен. Ты же истекаешь кровью, амиго. С такими ранами трудно дожить до утра. Тебе все понятно? Говори все, что знаешь об этом налете! Живо!

— А я и не молчу! Налет будет днем, — проговорил Моли, не сводя глаз с огромных кулаков шерифа. — Когда все уйдут на карьер и в поселке никого не останется. Лавку разграбят. Участок сожгут. Шерифа и тех, кто будет с ним рядом, убьют и снимут скальпы.

— С тебя тоже снимут скальп, да? Ты ведь будешь рядом с шерифом, да? — поинтересовался Маккарти.

Моли ничего не ответил и схватился за ухо, а лицо его сморщилось от боли.

И снова донесся голос Питера:

— Спросите его, что это за индейцы? Откуда они?

— Тебе-то какая разница? — сказал Маккарти.

Крис объяснил:

— Это важно знать заранее, чтобы потом, к примеру, направить армию по их следам. Апачи уйдут на юг, а команчи — на восток. Ну, что скажешь, Моли? О каких индейцах речь?

— Не знаю. Люди только говорят, что эта банда давно уже здесь орудует. Говорят, что они и живут где-то здесь в резервации под видом мирных. А на дело ходят только тогда, когда армии поблизости нету. Налетят, нагрябят и снова превращаются в мирных. Вот и все, что я слышал. Зовите врача, не могу больше терпеть!

Маккарти нехотя подошел к выходу и рывком в черноту площади:

— Эй, Лански, ты здесь? Разбуди доктора Эванса! Пускай займется нашим гостем!

Крис не мог избавиться от ощущения, что его водят за нос. За те годы, что он провел в Техасе и Нью-Мексико, ему ни разу не доводилось сталкиваться с индейскими бандами. Разговоров о них всегда было много, но рассказчики только передавали чужие слова. Это были слухи, а не свидетельства. На индейцев удобно было списать пропавшего теленка. Индейцами легко было запугать путников, чтобы те не скупились на оплату охраны. При этом почти на каждом ранчо работали ковбои-индейцы, а индейская полиция действовала вместе с рейнджерами, охраняя пастбища и дороги.

Конечно, здесь, в Оклахоме, все было совсем не так, как на старых, освоенных землях. Но даже здесь налет на шахтерский поселок не сулил налетчикам большой добычи, а риск был довольно велик. Чем они могли разжиться в ограбленной лавке? И сколько трупов они оставят на площади, прежде чем доберутся до шерифа и снимут с него скальп? Оставалось предположить одно — за скальп шерифа им была обещана весьма высокая плата.

Крис взглянул на Маккарти и невольно засмеялся. Лысый Мак как раз протирал платком свою обширную загорелую плешь с рубцом от шляпы. Снять с него скальп будет не так-то просто. Даже гордые ирокезы, обривая голову, оставляли на темени пучок волос — специально для того, чтобы противник при случае мог бы, ухватившись за него и сделав быстрый надрез вдоль бровей, одним рывком заполучить ценный трофей. Маккарти не оставил своим врагам никакого шанса.

— Что ты смеешься, Крис? Не до смеха.

— Ну, почему же? Нас с тобой пугают индейцами, как маленьких.

— Меня трудно запугать, Крис.

— Фримонт этого еще не знает. Сказку о налете он сочинил по дороге на ранчо. Но у него туго с фантазией. Знаешь, что меня насмешило? Что он использует твои же слова. «За индейцев никто не отвечает». Думаю, что он несколько раз повторил это, пока сидел в салуне.

— Ты хочешь сказать, что никакого налета не будет?

— Не знаю. Но если нам и придется пострелять, то не по индейцам.

В наступившей тишине прозвучал робкий голос архитектора, который до этого смирно сидел на столе, по-детски качая ногами:

— Э... Если это вас еще интересует... Мой проект готов.

— Какой проект? — удивился Маккарти.

— Вы заказали крепость. Я исходил из тех материалов, которые были доступны мне визуально. Моя концепция...

— Нэт! — Крис коснулся руки Беллфайра. — Не забывай, ты не в Бостоне. Говори яснее.

— Ага, понял! — Нэт спрыгнул со стола и подошел к окну. — Парни, тут обзор — высший сорт. Простреливаются две боковые улицы, и вся площадь как на ладони. Любой ублюдок, который вздумает высунуть на площадь свою задницу, тут же превратится в кусок дерьма. Я достаточно ясно излагаю?

Крис одобрительно кивнул, и Беллфайр продолжал:

— Здесь в нашей крепости будет огневая позиция номер один, главный калибр. Ставим сюда двоих парней с тремя винтовками, а еще один сидит за ними на ящике с патронами и заряжает. Но, джентльмены, все это хорошо до тех пор, пока с площади и с обеих улиц не начнут стрелять наши оппоненты. Тогда мы сами превратимся в три куска дерьма. Чтобы избежать столь печальной участи, джентльмены, нам придется пожертвовать нашей мебелью. Сюда мы ставим стол, на него, боком, второй, а в столешнице проделываем аккуратные амбразуры. Что касается второго окна, то там мы опускаем ставни...

Глаза Беллфайра светились вдохновением, и он был готов развивать свой план, но Лысый Мак остановил его:

— Отлично, Нэт. Мы так и сделаем. Только не мешает застраховаться от пожара. Видишь, в углу стоит бочка? Она почти пустая. А теперь возьми ведро и натаскай в нее воды из колодца.

Архитектор живо принялся исполнять боевой приказ, а Крис и Маккарти занялись подготовкой к встрече гостей.

На рассвете Крис услышал звонкие, размеренные удары по висящему куску рельса. Через полчаса в бараках закрипели двери и улицы поселка заполнились толпой. Это было мрачное зрелище. Сотни мужчин в одинаковых черных робах шагали туда, где из-за холма выглядывали деревянные вышки и остроконечные пирамиды вынудой породы. Там был карьер, и там их ждала работа.

Криса тоже ждала работа, но не такая тяжелая, как у землекопов или грузчиков. Лежа на крыше полицейского участка, он оглядывал улицы, примыкающие к площади. Отсюда ему были видны и стрелки из охраны, которых Маккарти парами и тройками разместил на крышах других зданий. Люди запаслись патронами и водой, и теперь им оставалось только ждать, когда на площадь вылетят бандиты. И тогда даже на карьере будет слышно, как шериф исполняет свои обязанности.

Но все приготовления оказались напрасными.

Сначала показались ковбои с ранчо Фримонта. Их было много, не меньше дюжины — Крис попробовал пересчитать их по шляпам, но сбился со счета раньше, чем они всей гурьбой свернули за угол торговой лавки. Но он все же насчитал троих с повязками на ногах.

Для налетчиков эти парни вели себя слишком смирно. Прошло еще несколько минут, и появился хозяин ковбоев. По улице катилась коляска с поднятым верхом. Когда она выехала на площадь, Крис разглядел в ней Фримонта и пожилого мужчину в черной высокой шляпе.

На его сюртуке блестел серебряный значок в виде щита.

Слышно было, как внизу загремели отодвигаемые столы. Дверь со скрипом распахнулась, и Маккарти вышел на крыльцо. Крис затаился за своим укрытием, держа на мушке малиновый жилет Фримонта.

— Привет, Мак, — сказал человек в черной шляпе, тяжело спрыгивая на землю.

— Здравствуйте, маршал.

— Убери с крыш своих парней. Не люблю, когда в меня целятся.

— Они целятся не в вас, Энди. Мы ждем индейцев.

— Долго же тебе придется их ждать. Я не встретил по дороге ни одного из них, — сказал маршал Баррет, пожимая руку шерифу. — Отпусти людей. Нам надо поговорить.

Глава 15. ВИНСЕНТ КРОКЕТ. ГЕОГРАФИЯ ОКЛАХОМЫ

Если хочешь, чтобы с тобой обращались вежливо, не ленись держать в руке оружие. Когда мы подъехали к проходу в ограде из колючей проволоки, наши карабины смотрели стволами вперед. И двое охранников у прохода отодвинули рогатку без лишних вопросов.

— Что за баррикады? — спросил я. — От кого запираемся?

— Индейцы, — пояснил охранник, бросив косой взгляд в сторону Джуда.

— То ли апачи взбунтовались, то ли еще кто, — добавил второй. — Говорят, уже вырезали поселок на старом карьере, никого в живых не оставили.

— На старом карьере? — не выдержала Энни. — Да там и поселка нет никакого! Там и не живет никто уже лет семь!

— Вот потому и не живут, что всех вырезали, — сказал я.

Охранники снова сдвинули рогатки, наспех сколоченные из жердей. Это были простые фермеры, и их дробовики никогда не поражали противника опаснее гуся. Они стояли здесь на виду, в стороне дымился костерок с кофейником на камнях, а чуть поодаль третий фермер соорудил шалаш из веток срубленного мескита.

— Энни, я тебя не признал сразу, — сказал один из фермеров. — Опять вырядилась в мужика. Поезжайте спокойно, никаких индейцев не бойтесь.

— Спасибо, — сказал Джуд. — Не будем бояться.

— Это мы от землемеров отгородились, — пояснил фермер. — Говорят, их караван уже показался на дороге. Ну, мы-то их завернем в объезд. Но там, дальше, земля ирландцев. Энни, предупреди их, чтоб не проспали!

Владения ирландцев легко было заметить по оголенным склонам холмов и множеству овечьих орешков, рассыпанных на дороге. Овцы основательно поработали над местным ландшафтом, очистив его от травы, и эта полоса красноватой земли защищала пшеничное поле от бродящего стада лучше любой ограды.

Мы проехали под высокой аркой из двух изогнутых березовых стволов. Сверху свисала, раскачиваясь под ветром, табличка с латунными буквами. «Гэмбл» — успел прочитать я, прежде чем первая пуля ударила в землю.

— Эй, соседи, это же я! — закричала Энни в ответ на далекий выстрел.

Впереди, поперек дороги стоял фургон с высоко поднятым дышлом, на котором развевалась зеленая тряпка. В ней легко угадывалась хорошо послужившая рубашка, доживающая свой век на почетной должности флага. Над фургоном еще поднимался пороховой дым от первого выстрела, когда новая струя дыма с громом вырвалась наружу из темной прорехи и вторая пуля щелкнула по столбу арки.

— Частное владение! — донесся до нас высокий голос невидимого стрелка.

— Отдай! — заорал второй голос, такой же высокий. — Моя очередь!

— Дерутся из-за ружья, — спокойно объяснила нам Энни. — Братья, ничего не подлаешь.

— Эй, Гэмблы! — неожиданно закричал Джуд, утратив обычное хладнокровие. — Протрите глаза, это же мы!

— С вами чужие! Может, вас взяли в заложники! — ответили ему два мальчишеских голоса.

— Нет здесь чужих! — крикнула Энни. — Вы разве не знаете инженера Скилларда?

— Зря ты это сказала, — заметил Джуд. — Скиллард, не высовывайтесь. Они ведь потом скажут, что хотели напугать, но промахнулись.

Из фургона прокричали слаженно и дружно, на два голоса:

— Поворачивайте в объезд через овраги, мы все равно не пропустим! Отец сказал никого чужого не пускать, даже святого Патрика!

Энни махнула рукой, разворачивая коня:

— Бесполезно спорить. Пошли в объезд.

Скиллард охотно согласился и поскакал первым, но, миновав арку, остановился и подождал фотографа.

— Знаете, дружище, если вы захотите вложить свои деньги с максимальной выгодой, обращайтесь ко мне. Вы обратили внимание на табличку?

Не знаю, как все остальные, а я обратил внимание на табличку. Потому что на обратной ее стороне кривыми, но разборчивыми буквами было выведено: «Частное владение. Запретная зона. По нарушителям стреляют. По уцелевшим — дважды».

Инженер Скиллард был весьма доволен тем, что дискуссия закончилась так быстро.

— Старый Гэмбл подобрал эти буквы среди развалин сгоревшей аптеки. Там была роскошная вывеска: «Мыло» Слоновая Кость» фирмы «Проктер энд Гэмбл». Знаете, из чего делают мыло? Из жира. Проктер и Гэмбл пристроили свой заводик к бойням в Цинциннати и стали миллионерами. Мы с вами будем строить свой завод одновременно с бойней. Здесь неподалеку будет бойня, самая большая бойня Оклахомы. Дело выгодное, но в него уже вложились другие. А про мыловаренный завод никто еще не знает, только мы с вами. Ну, как вам эта идея?

— На мыло всегда будет спрос, — уклончиво ответил Соломон Коэн. — Особенно среди шахтеров. Но на всем пути я пока не видел никого, кому тут была бы нужна бойня, да еще самая большая.

— Вы про скот? Скот уже на подходе. Огромные массы скота ждут своего часа в Нью-Мексико и Колорадо. Вместо того чтобы платить бешеные деньги за перевоз в далекий Канзас, скотоводы с удовольствием пригонят свои стада сюда, к нам. Здесь же будет самый большой холодильник, и свежее мясо будет моментально замораживаться. Все рассчитано до мельчайших деталей. Я видел и чертежи холодильника, он будет работать на аммиаке. Знаете, что такое аммиак? Это обычный нашатырный спирт. Я видел даже эскизы упаковки для мяса. Но про мыловаренный завод никто не подумал! Это шанс, дружище, отличный шанс!

Фотограф не отвечал. Меня раздражал бодрый голос инженера, и хотелось, чтобы он поскорее замолк. Я уже сориентировался на местности и, когда мы перебрались через овраг, предупредил Скилларда:

— Мистер инженер, скоро покажется мост, там мы расстанемся. Вам в поселок, нам в другую сторону. Мистер Коэн, был счастлив познакомиться с вами.

— Минутку, Крокет! — сказал Соломон Коэн. — Я вовсе не собираюсь с вами прощаться. Мне нечего делать в поселке, потому что меня ждут в экспедиции. Если вы проводите меня туда, вам хорошо заплатят. И я мог бы поговорить с начальником экспедиции, чтобы вас взяли проводником. Поверьте, моя рекомендация много значит.

— Надо подумать, — сказал я.

— Хорошо, думайте, но быстрее.

Впереди уже блеснула река, потом она показалась всем своим изогнутым боком, вот уже и мост стало видно, а я все еще думал. Я думал над тем, как бы поделикатнее ответить фотографу.

Не хотелось обижать его отказом, но я не мог принять такое выгодное предложение. Вся беда была в том, что среди проводников любой географической экспедиции обязательно

найдется хоть один мой бывший товарищ по кавалерии или по школе рейнджеров.

Что делают молодые офицеры, когда нигде поблизости не идет война? Пьянствуют в пограничных гарнизонах либо сопровождают географические экспедиции. И в том, и в другом случае они будут одинаково рады встретить старого приятеля и засыпать его расспросами. Но что я, дезертир, мог бы им рассказать? Нет, я привык обходить все форты на дистанции трех пушечных выстрелов. С экспедициями все гораздо сложнее, потому что на них можно было наткнуться в любой точке Дикого Запада.

Маршевыми колоннами нахлынули сюда топографы, геодезисты, маркшейдеры. Наверно, на всей земле не осталось менее изученной территории, чем земли между Калифорнией и Миссисипи, и они хотели в самое ближайшее время стереть это белое пятно с карты мира.

Когда-то эти места манили к себе тех, кто искал Великий Водный Путь между двумя океанами. Для энергичных предпринимателей было совершенно очевидно, что Бог не мог создать континент, который нельзя было бы пересечь на барже, полной товаров и переселенцев. С одной карты на другую переходила река Сан-Буэнавентура, несшая свои воды от Великих Равнин к Тихому океану. Но, как выяснилось после многолетних поисков, все эти карты врал. Первым наврал безвестный испанский картограф. Может быть, касса мадридского двора оскудела на несколько лишних дублонов, заплаченных этому «первопроходцу» в качестве премии. Все же остальные переписчики карт вралі совершенно бескорыстно, и тем самым ввергли в огромные расходы Корпус топографических инженеров Соединенных Штатов. Потратив десятки лет на блуждания по горам Колорадо, обозленные географы вынесли приговор: «Все земли к востоку от Скалистых Гор представляют собой безводное, безлесное и безжизненное пространство». И на картах появилось новое обозначение. Оклахома была названа Великой Американской Пустыней.

Когда новая карта Америки, исправленная и дополненная, попала на стол к военному министру Джону Кэлхуну, он быстро сообразил, как можно использовать обширные пространства пустыни. По его проекту туда следовало переместить примерно сотню тысяч индейцев из района Великих Озер и из южных штатов. В результате этих перемещений ценные восточные земли освобождались для белых поселенцев, ликвидировалась угроза расовых конфликтов, а индейцы оказывались надежно изолированы от болезней и грехов белого человека. В дальнейшем индейцы должны были впитать достижения цивилизации и демократии, избрать достойных руководителей и создать свой собственный, чисто индейский штат. И тогда уже и все прочие индейцы будут переселены туда, на свою новую родину. На осуществление этого грандиозного проекта Кэлхун запросил всего-навсего тридцать тысяч долларов — именно столько, по его расчетам, следовало заплатить индейцам, чтобы они согласились покинуть родные леса.

А после переезда пустыню следовало оградить системой пограничных фортов и создать постоянную внутреннюю границу, и тогда «индейская проблема» была бы решена навеки.

Проект был принят, и индейцев переселили. Но граница была слишком зыбкой и прозрачной. Ее легко и часто пересекали с обеих сторон. И торговцы, и охотники, и старатели, возвращавшиеся с индейской территории, приносили с собой не только пушнину и золото. Их рассказы постепенно заставили белых задуматься: а не слишком ли хороши эти индейские земли АЛЯ того, чтобы на них жили индейцы?

И снова потянулись караваны экспедиций. На этот раз они принялись обследовать прерии и каньоны, чтобы доказать очевидное — раз тут живут индейцы, значит, выживут и белые. Легенду о Пустыне заменили легендой о Саде. Места в этом Саду хватит на всех желающих, вот только осталось нанести его на карту, чтобы, сгрудившись над столом где-нибудь в Бостоне, можно было поделить между собой участки в далекой Оклахоме.

По моим расчетам, уже недолго оставалось ждать появления новой легенды. Наверно, Сад, не оправдав надежд переселенцев, уступит место Аду. Оклахому снова объявят безжизненной пустыней, но теперь найдут ей новое применение. На месте министра юстиции я бы позаботился о том, чтобы устроить здесь всемирную каторгу.

Но я еще не был министром юстиции, и поэтому отказаться от стабильного государственного жалования мне было нелегко.

— Нет, Сол, — сказал я твердо. — У нас, у Крокетов, не принято наниматься на государственную службу.

— Глупо, — сказал инженер Скиллард. — Я бы на вашем месте не колебался. Сол, поехали, я найду для вас проводника из местных.

— Спасибо, Бен, но дальше вы все-таки поедете один, — сказал Соломон Коэн. — Я хочу сделать несколько портретов. Мисс Белая Сойка и ее семействе должны пополнить мою коллекцию.

Скиллард пожал плечами и, не прощаясь, поскакал к мосту.

— Что он там нес насчет бойни и мыла? — спросила Энни. — Неспроста это, да, Джуд? Как бы он не сговорился с пастухами.

— Мыло — хорошая вещь, но не для нас, — сказал Джуд. — Моет лучше, чем глина и песок. Но сильно пахнет.

— Бойня тоже хорошая вещь, — добавил я. — И пахнет еще сильнее.

Соломон Коэн поддержал разговор:

— Бойня в таком глухом месте — очень хорошая вещь. Угонщики скота со всего Запада будут записываться в очередь за полгода. У них не будет никаких трудностей со сбытом краденного. Ваш инженер Скиллард весьма деловой человек. Жалко, что я не успел его сфотографировать.

— Его еще можно догнать, — сказал я.

— Не стоит. Никуда он не денется. Лучше я сфотографирую семейство Белой Сойки. Так, кажется, называют ваш род, Энни?

— Ничего подобного, это просто кличка. Моего брата индейцы зовут Светлый Медведь. Хотя я бы дала ему другое имя. Например, Тупой Кабан. Но индейцы дают только безобидные прозвища. Они никого не обижают. Посмеяться могут, но не обидно.

— Мне всегда было интересно знать, как люди ругаются на разных языках, — сказал Соломон Коэн. — Я собрал больше двух сотен бранных слов — на итальянском, китайском, немецком, польском, португальском и так далее. Но не нашел ни одного индейского ругательства.

— Так они же не ругаются, — объяснила Энни. — Джуд, ты ругаешься? Ну, если тебя очень сильно разозлить, что ты скажешь?

— Ничего.

— Он ничего не скажет, — вмешался я, — он просто молча отрубит обидчику что-нибудь.

— Нет, — подумав, ответил Джуд.

— Индейцы не ругаются, — повторила Энни. — В гневе они молчат. У моей сестры муж кайова. Если он молчит пять минут, она начинает вокруг него бегать и заглядывать в глаза. Смешно, правда?

— Да, смешно, — согласился Соломон Коэн, но я видел, что он улыбается только из вежливости. — Вы давно здесь живете, Энни?

— Почти всю жизнь.

— Вам можно позавидовать. Я всегда мечтал жить в таком месте.

— В каком?

— Это трудно объяснить... Мне кажется, что здесь сейчас происходит то же самое, что происходило в первые годы открытия Америки. Здесь новая Америка, и ее только недавно открыли. Я чувствую себя, ну, если не Колумбом, то Джорджем Вашингтоном. Здесь есть еще тысячи уголков, куда не заглядывал ни один белый человек.

— Вы заблуждаетесь, Сол, — сказал я. — Америка вся давным-давно исхожена и переходена. Охотники, скупщики пушнины, да и просто бандиты побывали уже везде. Только они не собирались об этом никому рассказывать. Ведь ни один рыбак не станет приглашать чужаков на свои уловистые места.

— Похоже, что здесь уловистое место.

— Смотри что вы собираетесь ловить.

— Мой улов — это портреты, вы же знаете, — засмеялся он. — Энни, я не возьму с вас денег за фотографии. Только помогите мне снять всех ваших родственников.

— Вижу, вы не торопитесь в свою экспедицию, — сказал я.

— Не тороплюсь. А зачем торопиться? Через несколько дней экспедиция сама сюда придет. Я могу прекрасно поработать для себя. Здесь, потом с индейцами и с шахтерами.

Энни промолчала, и я понял, что Соломон Коэн не дожидается от нее приглашения.

Наверно, нас заметили издали. Мы еще ехали вдоль берега, а из рощи к нам летел на неоседланной лошади рыжеволосый мальчуган и кричал, размахивая рукой:

— В потельню сворачивайте, в потельню! Дед вас там ждет!

У индейцев принято проходить ритуал очищения в потельных палатках. Обычно это небольшой войлочный шатер на полукруглом каркасе из гибких ивовых прутьев. Внутри может поместиться только один человек. Рядом с палаткой горит костер, в котором разогреваются камни. Когда булыжники начинают потрескивать от жара, их укладывают в лунку, вырытую в самой середине палатки, и поливают водой. Человек раздевается догола и залезает в потельню под войлок. Горячий пар приходится терпеть до тех пор, пока вместе с обильным потом из тебя не выйдет все зло, которое пришлось совершить.

В то время как один индеец сидит и потеет в палатке, остальные ждут рядом своей очереди, выкуривая ритуальные трубки и ведя глубокомысленные разговоры.

Этот ритуал был обязательным для всех, кто вернулся с войны или охоты. Мне рассказывали, что раньше каждый воин, вернувшийся в племя после сражения, считался больным, и сорок дней должен был жить отдельно от семьи. Наверно, был такой обычай и среди шайенов, но я его не застал. Пришло иное время, воевать приходилось слишком часто, а воинов в семье становилось все меньше, и они просто не успевали «излечиться», как приходилось снова браться за оружие. А ритуал потения не требовал слишком много времени, особенно если удавалось устроить его в более вместительной палатке.

Увидев «потельню» старого Лукаса, я, наконец, понял, как ему удалось завоевать уважение индейцев.

Это был небольшой бревенчатый дом с одним-единственным, очень маленьким окошком и высокой трубой, сложенной из плоских булыжников. Дом стоял над быстрым ручьем, и одна его стенка нависала над неширокой запрудой, выложенной такими же булыжниками, как и труба. Плоские камни лежали в траве, образуя дорожку, по которой мы, босые и обернутые в белые полотнища, поднимались по кособокому к избушке.

Первым шагнул Лукас, неся под мышкой два пучка засушенных березовых ветвей с листьями. За ним бодро хромал Джуд. Одна его нога была слегка обстругана шайенским томагавком, другую навывлет прострелил Соломон Коэн. Все его раны Лукас замазал зеленым жидким тестом, которое быстро превратилось в плотную корку. Мои ссадины великий врачеватель залепил парой засоленных листьев из деревянной бочки. А круглый синяк на ребрах и вовсе не нуждался ни в каком лечении.

Соломон Коэн семенил за нами на почтительном расстоянии. Он то и дело останавливался, пытаясь завязать платок на голове и при этом как-то удержать полотно на своих костлявых бедрах. Нам пришлось подождать его, прежде чем зайти в потельню.

— Отдышитесь, успокойтесь, — попросил Лукас. — Надо выбросить из головы все ненужное. Думайте только о том, как хорошо вам сейчас будет. Как хорошо избавиться от грязи. Как хорошо смыть с себя грех убийства. Как хорошо заново родиться.

Слушая его, я глядел вниз и видел свои босые ступни. По ноге бежал муравей, останавливаясь, вертя головой и снова перебегая вперед и вверх. Я уже поднял другую ногу, чтобы пяткой раздавить наглеца, но вместо этого почему-то наклонился и осторожно стряхнул его краем полотна. Муравей был местным жителем, а я всего лишь пришел к нему в гости, без приглашения, но ненадолго.

Мы сидели на мокрых лавках в темной комнате с голыми стенами и огромной печью.

Лукас плескал воду из деревянной бочки, и воздух густел на глазах, превращаясь в мягкий, обжигающий пар. Пот выступил на моих плечах крупными бусинами и градом сыпался с лица.

— Ты хорошо потеешь, — сказал Лукас. — У тебя крепкое сердце и быстрая кровь. Твои дети будут здоровыми. И проживешь ты долго.

— А я? — спросил Соломон Коэн.

— А ты сядь на пол, там полегче тебе будет.

Лукас встал возле печи и принялся хлестать себя мокрыми вениками. Листья прилипали к его малиновой спине. Удовлетворенно крикнув, он отложил веники в бочку. Джуд, а потом и мы с Коэном, постепенно привыкнув к темноте и жару, повторили это ритуальное самобичевание. Чем сильнее я пытался хлестнуть себя, тем приятнее были эти удары размягченных ветвей.

Пропотев и покрывшись клейкими листьями, мы вышли из бани и один за другим прыгнули в ледяную воду запруды. Я подумал, что мое крепкое сердце не выдержит таких испытаний, но ритуал был не слишком жестоким — в воде полагалось остывать всего несколько секунд. Когда же мы выскочили на берег и завернулись в свои горячие простыни, все вокруг казалось обновленным — на сияющем небе застыли ослепительно белые пушинки облаков, а под ногами блестела изумрудная трава, и все это я видел, казалось, впервые в жизни.

Лукас разглаживал ладонями бороду, выжимая из нее воду, и с ласковой улыбкой оглядывал нас.

— Кто хорошо потеет, тот живет долго, — говорил он. — Когда я жил в Джорджии, там случился мор. Болотная лихорадка за три дня сводила человека в могилу. Вымирали целые семьи, и белых, и негров. А мы уцелели, хоть и болели вместе со всеми. И детишки мои переболели, а они совсем маленькие тогда были. Энни и трех лет не исполнилось. Но и она уже сама в баню бежала каждый вечер. Я баню в землянке устроил. Очаг каменный сложил, трубу из коры связал. Вернешься с поля, и сразу в баню. Не ешь, не пьешь, а поскорее огонь разводишь. Пропотеешь, обмоешься, потом можно и за стол. Так и выжили.

— Впервые слышу о таком лечении, — сказал Соломон Коэн.

— Баней и не такое лечат, — снисходительно ответил Лукас. — Над нами тогда соседи смеялись, когда я их звал попариться. Летом и без того жарко, да еще лихорадит, пот прошибает с головы до ног. А я их зову пропотеть. Смеялись над нами, думали, что мы дурные. Смеялись, пока сами не слегли. А через неделю нам же их хоронить пришлось. Так и остались мы совсем одни. Однажды утром вышли на огород, а вокруг никого не видно. Ни души. Только смрадом тянет со всех сторон. Пришлось нам всей семьей в могильщики записаться. Целыми днями копали да отпевали.

— Бедные дети, — сказал Коэн. — Хорошо, что они не понимали тогда всего ужаса.

— Все они понимали, — сказал Лукас. — А ужаса не было. Дело житейское. Все там будем. Плохо, что девки без подружек остались, и Питеру не с кем было больше драться. Но мы все равно собирались уходить из тех мест. Когда мор прошел, не стали мы судьбу искушать. Перезимовали, да и подались на новые земли. А уж здесь, на новой земле, первым делом выстроил я баню. И жили в ней поначалу, пока первый дом не поднял.

Лукас любовно оглядел покосившуюся избушку:

— Ничего, уже и внуков в ней принимал. Бог даст, и правнуков приму.

Мы еще дважды повторили очистительный ритуал и переоделись в белые крестьянские одежды.

Соломон Коэн так и не уговорил старика, и тот не разрешил ему фотографировать. Ему не дали даже подняться по склону горы, когда он пожелал полюбоваться оттуда видом на долину. Эти ограничения, однако, не испортили его настроения, и фотограф сидел с нами за столом под деревом, пил душистый листовенный чай и ел мед ложкой, приговаривая: «Как хорошо, как замечательно». — «Да, неплохо», — отвечал я, и Джуд кивал согласно.

Нашу размеренную и содержательную беседу прервал рыжий мальчишка,

прибежавший с фермы. Он припал к уху Лукаса, чтобы сообщить старику что-то важное и секретное.

— Вот и гости пожаловали, — сказал старик.

— Что, Крис вернулся? — спросил я.

— Нет. Землемеры. Переходят реку, скоро они будут здесь.

— Ты позвал людей? — спросил Джуд.

— Люди сами пришли.

Глава 16. ПЕРЕВОРОТ

Федеральный маршал Энди Баррет весьма гордился тем, что дожил до сорока лет. Он пережил всех своих приятелей, с кем когда-то бил бизонов и проводил караваны через Индейские Территории. Был он седым, невысоким, склонным к полноте. На его круглом, добром лице всегда держалась приветливая улыбка. Она легко превращалась в прощальную, когда маршалу приходилось отправлять кого-то на виселицу. В его спине, между лопатками, сидела пуля, которую не решился извлечь знакомый ветеринар, а до хирурга Баррету все недосуг было добраться. Из-за этого комочка свинца у маршала все чаще случались внезапные приступы боли то в руке, то в ноге. Чтобы не беспокоить пулю, он в последнее время старался поменьше ездить верхом и обзавелся легкой двуколкой на резиновом ходу. Но сегодня он где-то оставил свой экипаж и к полицейскому участку Крофорд-Сити его подвез Фримонт.

Сам Фримонт остался сидеть в коляске, а Баррет, приветливо поздоровавшись с Крисом и архитектором Беллфайром, прошел внутрь офиса.

Все охранники, которых Маккарти поставил под ружье, разошлись. С Лысым Маком остались только двое, и теперь маршал Баррет мог начать важный разговор.

— Занял круговую оборону, Маккарти? Хочешь, я угадаю, от кого ты собрался отбиваться? От Фримонта. Верно?

— Энди, вы всегда все знаете раньше меня, — Лысый Мак почесал переносицу. — А я, кажется, опять все узнаю последним.

— Скажи мне, Маккарти, где сейчас инженер Скиллард?

Шериф засопел.

— Не знаю.

— А жаль. Я хотел бы с ним поговорить. Очень важный разговор. Но, как я слышал, он сейчас вроде бы у индейцев?

— Вроде бы. Не волнуйтесь, маршал, мы разберемся. Мы все уладим. Только этот Фримонт не должен совать свой нос в наши дела! Пускай сидит на своем ранчо, нечего ему делать в нашем поселке.

— Не горячись, Маккарти. Ему есть что делать в поселке. Он показал мне две бумажки. Одна из них касается тебя.

— Меня?

— Да. Читай сам.

Маккарти развернул бланк Горнорудной Компании Берга, и лицо его залилось краской.

— Что? Уволен со вчерашнего числа? Сдать ключи и значок Скотту Фримонту? Кто такой Скотт Фримонт? Этого не может быть! Это подделка!

— Мне жаль, Маккарти. Но это не подделка. Вторая бумажка осталась у Фримонта. Приказ о его назначении начальником охраны карьера. Подписи подлинны. Не знаю, когда он все это провернул.

— Так вот зачем вы приехали, Энди, — с горечью произнес Маккарти. — Я думал, что вас привела сюда моя телеграмма, а вы, оказывается, решили помочь этому мошеннику.

— Я решил помочь тебе, Маккарти. Но и о себе я тоже подумал. Ты слишком быстрый стрелок, и мне было бы неприятно вешать тебя за убийство Фримонта.

Крис похлопал. Лысого Мака по спине:

— Радуйся, старик. Теперь ты вольная птица. Махнешь вместе со мной в Нью-Йорк?

— В Нью-Йорк? Да хоть на Луну, лишь бы подальше отсюда!

Маккарти сорвал с жилета латунную звезду и бросил ее на стол. Рывком выдернул ящик из стола и с грохотом вывалил ключи.

— Все, Энди? Вы довольны?

— Нет, пока не все. Нэт, позови сюда нового начальника охраны.

— Скажите, маршал, — спросил Крис, — вам не кажется это странным? Зачем богатому скотопромышленнику такая хлопотная должность? У него мало других забот?

— Так решила Компания, — Баррет развел руками.

— Но ему придется бросить ранчо.

— Не думаю. Он оставит в поселке своего помощника, а сам будет околачиваться поближе к управлению Компании. Он хочет стать там важной птицей, и он станет. Я знаю эту породу, — горько улыбнулся маршал.

На крыльце загремели шаги, и в офис вслед за Нэтом Беллфайром ввалились ковбои Фримонта. Среди них был и помощник Лански. Последним вошел сам Фримонт. Он остановился на пороге, насмешливо разглядывая Мака, сидевшего на краешке стола.

— Ну что, Маккарти, — сказал Фримонт почти дружелюбно, — теперь я такой же работник Компании, каким был ты.

Помощник Лански осторожно подошел к столу. Вопросительно глядя на Маккарти, протянул руку к шерифской звезде. Лысый Мак отвернулся, скрипнув зубами. Лански схватил звезду и передал ее Фримонту. Тотдохнул на нее, потер о рукав и нацепил на свой малиновый жилет.

Маккарти, тяжело дыша, с ненавистью смотрел на Фримонта. Федеральный маршал Баррет легко встал со стула и оказался между ними.

— Итак, дело сделано, — сказал он. — Но это только первое дело. А у меня есть еще и другие дела. По поручению окружного судьи я должен сопровождать инженера Скилларда на обмере спорных участков. Но Скилларда нет, и вряд ли он появится в ближайшие полчаса. Поэтому у меня вопрос к вам, парни. Маккарти, что это за спорные участки? С кем Компания спорит из-за земли?

— Спросите у работников Компании, — грубо ответил Мак.

— Я могу ответить вам, маршал! — улыбнулся Фримонт. — Обо всех спорных участках мы часто говорили со Скиллардом. Он надеется когда-нибудь восстановить законность на этой земле!

— Вы рано хороните своего нового босса, Фримонт, — остановил его маршал. — Если эти участки расположены достаточно близко, то я вам помогу. Думаю, моего присутствия будет достаточно, и мы обойдемся без вашей гвардии. Предлагаю отправиться не медля.

— Как вам угодно, маршал. Но сначала надо уладить некоторые формальности, — звенящим от напряжения голосом произнес Фримонт. — Клайд, ты остаешься моим помощником, не так ли?

— Конечно, босс! — подобострастно улыбнулся Лански.

— Маршал, обратите внимание: не все помощники прежнего шерифа сдали значки.

Крис улыбнулся и положил свою звезду на стол.

— Теперь все в порядке? — спросил он.

— Не совсем, не совсем, — Фримонт повернулся к своим ковбоям и скомандовал: — Быстрее, парни!

Они шумно набросились на Криса и вчетвером схватили его за руки. Еще двое вцепились в локти архитектора Беллфайра.

Крис не сопротивлялся, с любопытством глядя на Фримонта. А тот обратился к федеральному маршалу с короткой речью, вполне достойной того, чтобы прозвучать под сводами Верховного Суда.

— Моя обязанность — хранить имущество Компании и защищать работников Компании. Во исполнение своего долга я задерживаю этих двух джентльменов по

подозрению в убийстве моих помощников. Задерживаю и передаю их в руки закона. В ваши руки, федеральный маршал. Мои люди помогут вам доставить их в окружной суд.

— Что вы хотите сказать? — Баррет ободряюще улыбнулся Крису и Нэту. — Вы, мистер Фримонт, приступили к обязанностям две минуты назад. Эти парни никуда не отлучались. Каким образом они могли, — напоминаю, всего за две минуты, — убить ваших помощников, Фримонт? Лично я ничего такого не заметил.

— Погодите, маршал, погодите, — запротестовал Фримонт. — Во-первых, я должен задержать их хотя бы за подготовку убийства. Вы же видели, как они нас встречали? Они держали нас на мушке. И если бы вас со мной не было, здесь была бы устроена истинная бойня! Во-вторых, люди, которым вы так ласково улыбаетесь, — это матерые преступники. Один из них — Крис Беллоу, более известный в Теннесси как Потрошитель Банков. Второй — его сообщник.

— Серьезные парни, — Баррет улыбался во всю ширину своего круглого лица, его глаза превратились в щелки, окруженные лучами морщин. — Ой, какие серьезные парни! Ладно. Фримонт, чего вы хотите от меня? Чтобы я упал в обморок от ужаса? Или чтобы я заковал их в кандалы, повесил, а потом четвертовал и сжег на костре?

Фримонт открыл рот, но маршал не дал ему ответить.

— Маккарти, ты знаешь этих людей? — спросил он.

— Конечно, знаю.

— Слышал, в чем их обвиняют?

— Слышал. Это вранье, маршал. Крис — проводник, а Нэт — строитель. Никого они не собирались убивать. Вы же знаете, что мы ждали индейцев! Да этот Фримонт...

— Понятно, понятно, — маршал развернулся к Фримонту. — Я вас выслушал. Ваши обвинения ничем не подтверждены. Все ваши помощники живы. Кстати, у вас не так много помощников. Я вижу только одного. А все остальные ребята — это просто хорошие люди, ваши друзья, но не помощники начальника охраны. Вам надо будет еще привыкнуть к некоторым переменам в жизни. Но, безусловно, если с вашими друзьями что-нибудь случится, обращайтесь ко мне или к окружному судье, мы поможем. Что же до Потрошителя Банков... Где тут у нас ближайший банк, что-то я подзабыл? Хорошо, Фримонт. Благодарю за бдительность. Можете послать телеграмму в Теннесси, пусть они пришлют мне портрет Потрошителя Банков. Вы имеете право на такой запрос. Все ясно? А теперь принимайте дела, пересчитывайте стулья и давайте скорее проедемся по спорным участкам, потому что дело идет к ужину. У вас с собой земельные планы?

— Да. Я получил их вчера в управлении, — немного растерявшись, ответил Фримонт. — Но как же так, маршал? Этих людей нельзя выпускать! Они же опасны!

— Вам так кажется? А мне так не кажется. Маккарти, покажи новому начальнику все помещения, отдай ключи и отправляйся в салун. У вас, парни, есть повод для хорошей выпивки.

Но ковбои с ранчо Фримонта явно не разделяли благодушного настроения маршала. Они не выпускали ни Криса, ни Беллфайра.

— Маккарти незаконно арестовал моих людей, — сказал Фримонт.

— Вранье, — сказал Лысый Мак. — Никто их не арестовывал. Я им предоставил ночлег.

— Ночь прошла, — заметил маршал. — Они что-то натворили?

— Один пытался ночью забраться в участок. Другого привезли фермеры, думали, что он из какой-то банды.

— Мы честные работники! — выкрикнул Фред Моли, схватившись за решетку. — Мистер Фримонт, они подстрелили меня, когда я просто хотел заглянуть в таверну!

— Вранье! — заявил Маккарти.

— Теперь все будет по закону, — сказал Фримонт. — Прошу передать мне ключи от камеры.

— Сам возьми, — буркнул Маккарти. — Все ключи у тебя под носом, на столе.

Фримонт подошел к решетке и, неловко лязгая длинным ключом, отпер ее.

— Фред, выходи. Эй, парни, помогите Сэму.

— Спасибо, мистер Фримонт, — припадая на перевязанную ногу, Фред Моли добрался до середины комнаты и оперся на стол. Он повернулся к Маккарти и с усмешкой добавил: — Ну что, шериф, ты уже не шериф?

Следующим из-за решетки был вызволен однорукий Сэм. Он едва переставлял ноги, обняв за плечи двоих помощников, и что-то бормотал себе под нос, медленно и невнятно.

— Сэм! — Фримонт похлопал его по щеке, пытаясь привлечь внимание. — Эй, Сэм! Смотри, мы пришли за тобой!

— Что? — Сэм поднял блестящее изможденное лицо и обвел комнату невидящим взглядом. — Мистер Фримонт! Что вы здесь делаете?

— Сэм, что с тобой случилось? Ты уехал с ребятами, помнишь? На прошлой неделе, неужели забыл? Вы поехали проверять ограду на южном краю. Вспомнил?

— Проверять ограду? Ну да, ограду... Вспомнил...

— Что там случилось?

Сэм Блинчик перестал вздрагивать и бормотать. Лицо его приняло вполне осмысленное выражение. Он выпрямился, осматривая собравшихся, и взгляд его остановился на Крисе. Брови Сэма изумленно вскинулись кверху, он отшатнулся назад, но приятели удержали его на месте.

— Что случилось? Не помню. Помню только... В меня стреляли...

— Кто?

— Вот он, — произнес Сэм и его дрожащий палец показал на Криса.

Шумный ропот охранников Фримонта заставил маршала Баррета повысить голос:

— Спокойно, спокойно! Кто может подтвердить его слова?

Никто не ответил ему, но кольцо вокруг Криса и Беллфайра стало еще теснее. Архитектор побледнел, он смотрел то на Криса, то на Маккарти, словно ждал от них помощи. Но Лысый Мак только сопел, мрачно следя за Фримонтом, а Крис равнодушно глядел в окно.

— Видите, маршал? — Фримонт чуть не подпрыгнул от возбуждения. — В моего человека стреляли! Ему пришлось отрезать руку! Вы видите, что он умирает! Надеюсь, теперь вы имеете основания связать этого молодчика вместе с его сообщником?

— Связать? В жизни никого не связывал. Я попрошу его явиться в суд для разбирательства, — спокойно ответил маршал Баррет. — И он явится. А вот вашему человеку, кроме врача, понадобятся еще и свидетели в суде.

Питер Уолк, до сих пор молча наблюдавший за сменой власти, подошел к выходу из камеры:

— Джентльмены! Как насчет меня, мистер федеральный маршал? Мне тоже предоставили ночлег, и мне тоже пора домой.

Но охранники затолкали его обратно.

— С этим человеком придется еще разобраться, — с усмешкой сказал Фримонт. — Говорят, он причастен к убийству инженера Скилларда.

— А кто сказал, что инженера убили? — спросил маршал.

— Все в поселке только об этом и говорят.

— Вранье, — не выдержал Маккарти. — Говорят, его увезли к индейцам. Если бы Скилларда хотели убить, незачем было устраивать похищение.

— Резонно, — заметил маршал Баррет.

— Я знаю немного больше, чем вы думаете, — сказал Фримонт. — Когда человека увозят к индейцам, то это хуже убийства. Так что вам придется подождать здесь, мистер Уолк.

— Мы знакомы? — спросил Питер.

— Кто же не знает семейство Уолка? — насмешливо протянул Фримонт. — Мы еще поговорим, но немного позже. Сейчас, к сожалению, мне надо ехать по другим, более

важным делам. По делам Компании. Парни, под замок их!

Крис и Беллфайр были мгновенно обезоружены. Когда за ними с лязгом задвинулась решетка, Фримонт удовлетворенно потер руки:

— Обвиняемые задержаны до выяснения обстоятельств. Я правильно выражаюсь, маршал?

Маршал Баррет покачал головой:

— Резвое начало, мистер Фримонт. Похоже, вы долго ждали этой минуты.

Фримонт не успел ответить. Но он успел отпрыгнуть в сторону, когда Маккарти выстрелил в него.

В следующий миг на Лысом Маке повисли все охранники, набившиеся в комнату. Федеральный маршал прижался спиной к решетке, чтобы не пострадать в свалке. Когда же все повалились на пол, сломав по дороге стол, Баррет неторопливо достал револьвер и выстрелил в потолок.

— Спокойно, — сказал он, и все успокоились. — Маккарти, мне очень жаль.

— А мне-то как жаль, — сказал Лысый Мак, шагнув за решетку. — Промазать с трех шагов!

Фримонт поправил шляпу и произнес высокомерно

— Виселица не промахивается.

Глава 17. ВИНСЕНТ КРОКЕТ, ДИПЛОМАТ

— Я не понимаю, о каких землемерах идет речь, — удивился Соломон Коэн. — Если об экспедиции, то я ничего не понимаю.

— Да что тут понимать, — проговорил Лукас, вставая из-за стола. — Давно они к нам подбирались. Вот и добрались.

— Но как они оказались здесь? Лагерь экспедиции должен еще два дня находиться на Симарроне. Даже если что-то случилось и они ушли раньше срока, то им совершенно нечего делать здесь. Я же знаю маршрут. Экспедиция должна двигаться через Крофорд-Сити дальше на север. На север, а не на запад, вы понимаете, о чем я говорю?

— Понимаем, понимаем, — кивнул Лукас. — Они и свернут. Так и пойдут на север вдоль реки. На запад им дороги нет.

— Тогда зачем надо было переходить реку? Странно, странно. Но хорошо, что они не свернули еще куда-нибудь. Где прикажете их ловить, если они углубятся в горы? Нет, нет, что-то здесь не так. Придется их догонять.

Коэн торопливо переодевался, вздыхая и ропща на судьбу бродяги. Я решил проводить его. Джуд тоже быстро собрался.

— Куда это вы полетели? — спросил старик.

— Надо знать, кто к нам идет, — ответил Джуд.

— Зачем? Придут, тогда и узнаем. Даже чай не допили, не отдохнули. И куда вас несет, — ворчал Лукас, но мы уже натягивали сапоги.

Чемоданы фотографа так и остались не распакованными, но теперь мы погрузили их на мула. Коэн останется в экспедиции, а мы пригоним обратно и мула, и лошадь, доставшуюся ему от индейцев.

Мы поскакали через рощу и скоро увидели скопление всадников на нашем берегу реки. Я придержал Бронко, остановившись на опушке.

— А где обоз? — спросил Коэн, вглядываясь из-под руки. — И почему так много охраны?

— Не так и много. Всего-то тридцать два человека с винтовками, — сказал я.

— И один со значком федерального маршала, — добавил Джуд.

— Это не моя экспедиция, — решительно заявил Соломон Коэн, дергая поводья и пиная лошадь каблуками, чтобы она поживее разворачивалась. — Поехали допивать чай.

— Погодите, Сол, — сказал я как можно беззаботнее. — Не стоит возвращаться. Вы

знаете дорогу до лагеря вашей экспедиции?

— Найду, — немного обиженно ответил Коэн.

— Я вас провожу до лагеря, — сказал Джуд. — Оставайтесь на этом месте и ждите меня.

— И долго мне ждать?

— Не знаю.

Оставив расстроенного фотографа в роще, мы помчались к ферме Лукаса. Дорога, плавно огибая зеленый холм, привела нас к проволочной ограде. Еще вчера, когда мы отправлялись к Темному Быку, этой ограды здесь не было.

За колючей проволокой сидел у невысокого костра индеец в шкуре бизона, в рыжих мокасинах и с орлиным пером в волосах. Он поднялся нам навстречу, и я сразу вспомнил этого толстяка. Это был Кватто, муж одной из дочерей Лукаса.

— Они едут сюда, — сказал Джуд.

— Хорошо. — Кватто размотал веревку на макушке столбика, и проволока легла на землю, пропуская наших лошадей. — Давно ждем.

— Их много, — сказал я.

— Нас тоже много.

Он снова опустился на пятки и застыл над костром, словно собирался немного подкоптить свое плоское лицо, чтобы его не приняли случайно за белого.

Джуд скептически оглядел его наряд и поправил свои черные перья на шляпе. Наверно, у команчero готовы были сорваться с губ кое-какие замечания, но он сдержался. Мне тоже хотелось поговорить с Кватто, но и я промолчал. Его гордая фраза «Нас тоже много», наверно, относилась ко всему племени, разбросанному по Оклахоме. Или даже ко всем родственникам Кватто со стороны жены. Да их и в самом деле было много, но где они? Мне хотелось бы видеть их здесь, в боевом охранении или хотя бы в составе караула. Но здесь сидел один безобидный толстяк с недостаточно закопченной физиономией.

Лукас уже был у своего дома. Рядом стояла женщина в голубом платье с белым воротничком и в шляпке с кисейными оборками. Она повернулась к нам, и я узнал Энни.

— Наконец-то, — сердито сказала она. — Мистер Крокет, отец настаивает, чтобы вы были рядом со мной. Хорошо, вы будете рядом. Но не вмешивайтесь в разговор, как бы вам того ни хотелось. Говорить буду я.

Я вопросительно посмотрел на Лукаса.

— Мы так всегда делаем, — сказал старик. — Со всеми властями говорит Энни. Она тут хозяйка. Но сегодня я боюсь оставлять ее одну.

— Что я должен делать? — спросил я.

— Быть рядом. Они должны видеть, что у этой юной леди есть мужчина, — Лукас подмигнул мне.

— Папа! — Энни грозно глянула на меня и одернула платье. — Как я выгляжу? Все в порядке? Пора шить новое платье, это уже тесное. Вот сфотографируюсь в нем, и подарю кому-нибудь. А где мистер Коэн?

— Прячется от федерального маршала, — сказал Джуд. — Лукас, их много, и они не похожи на простых землемеров. У них большие винтовки за спиной, как у солдат.

— Может быть, это и есть солдаты. Федеральный маршал не ездит без охраны.

— Я присмотрю за ними, — сказал Джуд, и ушел, ведя за собой мустанга.

— Пора, — решительно сказала Энни.

Мальчишки вывели из конюшни вороного мерина под дамским седлом. Я поддержал стремя, за что был награжден очередным грозным взглядом.

Когда и я забрался в седло, старик подал мне объемистую, но легкую шкатулку:

— Винн, здесь все наши бумаги на эту землю. Договор, который ты привез. Вырезки из газет. Земельные планы. Здесь все, что у нас могут потребовать эти землемеры. Энни все знает, она справится.

— Я должен все время держать эту шкатулку? Или ее можно пока уложить в сумку?

- Держи перед собой. Пусть видят, что у нас много бумаг.
- Но тогда у меня будут заняты руки.
- Ничего. Об этом не беспокойся.
- Пора, пора, — торопила нас Энни. — Встретим их у самой ограды.
- Не беспокойся, — повторил Лукас и перекрестил меня на дорогу.

Догоняя Энни, я приоткрыл шкатулку и заглянул в нее. Шкура, сложенная вчетверо, лежала сверху, под ней виднелись бумажные листки, но сбоку еще оставалось вполне достаточно места для моего короткоствольного кольта. Я вытянул его из потайной кобуры, которую носил на поясе за спиной, и втиснул между бумагами и боковой стенкой. Теперь шкатулка закрывалась не так плотно, как раньше, но зато мне стало гораздо спокойнее.

Нас уже ждали. Двое всадников стояли по ту сторону колючей проволоки, а Квато все так же невозмутимо сидел у костра. Эта мирная картина встревожила меня, потому что я не видел остальных «гостей». Если по дороге их не унесло смерчем и не убило молнией, то они скорее всего стоят сейчас за холмом. Почему? Не хотят мешать переговорам? Я оценил их деликатность и поудобнее перехватил шкатулку.

— Добрый день, мэм, — человек в черном сюртуке с маршалским значком приподнял высокую шляпу. — Федеральный маршал Баррет из Гудворда.

— Это довольно далеко, — произнесла Энни тоном южной аристократки, которая изнемогала даже от прогулки по балкону своего дворца. — Что заставило вас проделать столь нелегкий путь?

— Служебный долг, мэм, служебный долг. Насколько я понимаю, вы — миссис Энн Уолк...

— Мисс, — высокомерно поправила Энни.

— Мисс Уолк, — продолжил маршал, — хозяйка этого участка, владелица дома и приемная мать двоих детей¹⁸. Все верно?

— Да, мистер Баррет.

— Мне бы хотелось проехать дальше по дороге, которая проходит через ваш участок, — застенчиво улыбаясь, произнес маршал.

— В чем же дело? — улыбнулась в ответ Энни. — Пожалуйста, проезжайте. Квато, пропусти мистера Баррета.

— Я не один, — извиняющимся тоном произнес Баррет. — Могу ли я проследовать по вашей дороге вместе со своими спутниками?

— Конечно, нет, — мягко ответила Энни. — На земле много других дорог, пусть ваши спутники проследуют по ним. А эта дорога проложена только для тех, кого мы сами приглашаем.

Я следил больше за спутником Баррета, чем за ним самим. Маршал сразу показался мне человеком рассудительным и покладистым. А вот парень, который держался за его спиной, требовал к себе особого внимания. Он был одет дорого, даже очень дорого. Шляпа из тисненой замши цвета слоновой кости. Высокие черные сапоги с рыжими вставками. Серебряные шпоры с невидимыми колокольчиками — они позванивали даже сейчас, когда он неподвижно сидел в седле. Представляю, как они поют при ходьбе. На пальцах его блестели сразу два золотых перстня. Уверен, что и на другой руке их было не меньше. Но больше всего меня привлек блеск значка на его малиновом жилете. Это была шерифская звезда.

Видимо, перехватив мой взгляд, маршал Баррет поспешил представить нам красавчика:

— Со мной Скотт Фримонт, начальник охраны Горнорудной Компании Берга.

— А те парни, что топчутся за холмом, они тоже с вами? — не выдержал я.

Баррет и Фримонт одновременно оглянулись, но, конечно, никого не увидели. Наверно,

¹⁸ Бездетная одинокая женщина не могла получить землю, поэтому девушки часто усыновляли соседских детей на время подачи заявок.

их разозлило, что они попались на мою уловку. Фримонт поправил свою звезду и сказал:

— Мы здесь не на прогулке. Нам надо нанести на новый земельный план расположение заявочных столбов, которые наша компания установила в Мертвой Долине. Мы не повредим ваши посевы и постройки, мы только проедем в долину и вернемся обратно.

— В долине нет никаких заявочных столбов, — твердо сказала Энни.

— У меня земельный план компании. Столбы обозначены — значит, они там.

— В долине никогда не было людей из вашей компании. Впрочем, не будем спорить, — Энни повернулась ко мне. — Договор, пожалуйста.

Я приподнял крышку шкатулки и, придерживая револьвер, вытянул енотовую шкуру. Энни развернула ее и подъехала ближе к ограде. Баррет и Фримонт тоже приблизились и так, стоя по разные стороны колючей проволоки, начали сверять документы.

Я думал, что это займет от силы пять минут. Но у Фримонта и Баррета, наверно, было слишком много свободного времени. Сначала они долго изучали договор, затем потребовали какие-то протоколы. Потом занялись газетами. По местным правилам, для закрепления участка земли за собой поселенцам требовалось не менее шести раз опубликовать заявку в любой, ближайшей к месту жительства газете. Фримонт так внимательно изучал каждую из предъявленных газет, словно это были векселя. Он смотрел их на свет, сверял даты публикаций, и даже тер пальцем шрифт.

Энни сохраняла высокомерное равнодушие, всем своим видом показывая, что она привыкла к таким проверкам. Больше того, как только Фримонт вернул мне последнюю газету, она потребовала предъявить ей тот самый земельный план Горнорудной Компании, в котором были отмечены несуществующие заявочные столбы.

Под укоризненным взглядом федерального маршала Фримонт долго перебирал листы в пухлой кожаной папке и наконец выудил оттуда какой-то смятый и надорванный на сгибах клочок бумаги. Он выглядел совсем не так внушительно, как наша енотовая шкура. Линии на нем еле виднелись, и подписей было не разобрать, но Фримонт прекрасно видел на этой пожелтевшей бумажке все, что хотел увидеть.

Еще полчаса, наверно, потребовалось, чтобы убедить и его, и маршала в том, что на плане десятилетней давности изображен другой берег реки. Тот самый, где и были устроены угольные карьеры, согласно заявочным столбам.

— Чем еще я могу вам помочь, джентльмены? — спросила Энни.

— Спасибо, мэм, — ответил маршал. — Примите мои извинения. Это недоразумение. Его вполне можно было избежать, если бы шериф Фримонт повнимательнее прочитал все надписи на своем плане. Но его оправдывает одно обстоятельство, мэм. Он только сегодня приступил к своим обязанностям.

— Погодите, маршал, — резко остановил его Фримонт. — Вы слишком рано сдаетесь. Эта шкура, которую нам тут показали, стоит, наверно, долларов двадцать. Ее можно продать в шоу Буффало Билла. Публика любит поглазеть на всякие мокасины и засушенные головы. Но это не документ. Кто такой этот Темный Бык, чтобы распоряжаться землей Соединенных Штатов Америки? Кто позволил ему продавать всю долину от реки до скал какой-то русской общине? А вы знаете, маршал, что именно Темный Бык похитил инженера Скилларда? Вы знаете, что он готовит бунт? Что вы скажете, когда его индейцы устроят резню в шахтерском поселке?

Энни подняла руку.

— Если позволите, мистер Баррет, я за вас отвечу на все эти вопросы. Первое. Темный Бык — избранный путем голосования лидер местного населения. Второе. Он распоряжается землей своего племени по договору с правительством. Третье. Инженер Скиллард сейчас находится у себя дома. Четвертое. Ни кайова, ни команчи не могут готовить бунт, потому что нельзя бунтовать против самих себя. А вся власть на этой земле принадлежит именно им. По крайней мере, будет принадлежать до тех пор, пока они не выразят желания присоединить Оклахому к вашему союзу штатов.

Когда она отчеканила последнюю фразу, я был готов аплодировать. И не только я.

— Где вы учились, мисс Уолк? — спросил маршал Баррет.

— Я изучала американское законодательство у судьи Бенсона, — скромно ответила Энни, поправляя шляпку.

— Это хорошая школа. Благодарю вас, мисс Уолк, — сказал Баррет. — Надеюсь, наша следующая встреча будет более приятной.

Фримонт процедил:

— Сомневаюсь. Следующая встреча произойдет в окружном суде, на слушании дела вашего братца, Питера Уолка. Если бы его родственники были более сговорчивыми, дело можно было бы закрыть прямо сейчас. Но вы сами все испортили, мисс Уолк.

— Бросьте, Скотт, — сказал маршал. — Что вы так рветесь в эту долину? Хотите найти там золото? Нет там никакого золота. Одни кости погибших бизонов.

— Я не рвусь в долину. Я исполняю свои обязанности, — вдруг повеселев, сказал Фримонт. — Ну что же, прощайте, мисс Уолк!

Кажется, я что-то прозевал. Фримонт явно получил какой-то знак, которого я не заметил. Возможно, до сих пор он просто тянул время, отвлекая нас пустыми разговорами.

Из-за холма показались несколько всадников. Они стояли боком к нам, готовые в любой момент снова спрятаться. Фримонт помахал им шляпой, и они исчезли.

— Что с моим братом, мистер Баррет? — спросила Энни.

— Его задержал Маккарти. Ошибочно. Я отпущу его, как только вернусь в поселок, — улыбаясь, проговорил маршал. — Всего доброго.

— Поехали, маршал, поехали, здесь не о чем разговаривать!

Фримонт неловко развернул жеребца и поскакал прочь. Посадка выдавала в нем горожанина. Пока он стоял на месте, это не было заметно, но в движении он ссутулился и поднял плечи, подпрыгивая в седле. Маршал не спеша, шагом, направил за ним свою кобылу.

— Вот он какой, Баррет, — произнесла Энни, глядя ему вслед. — Говорят, у него внутри сидит несколько пуль. В спине, в голове и под самым сердцем. Поэтому он такой спокойный и медлительный.

— Вы довольны, мэм? — спросил я. — Можем возвращаться?

— Мне надо в поселок. Надо забрать Питера из участка.

Квато зашевелился у костра, отгоняя дым ладонью.

— Энни, я могу отпустить людей? — спросил он. — Как мне надоел этот дым!

— Да, спасибо.

Квато поднялся и сбросил с плеч тяжелую шкуру. И сразу же ожила сухая трава, устилавшая склон холма. Она зашевелилась, зашуршала, и многочисленные фигуры индейцев выросли над ней, стряхивая с себя сухие пучки и стягивая с головы накидки из мешковины. Не говоря ни слова, они ушли за холм, и бурое море травы сомкнулось над их следами.

— Маршал все понимает, — сказал Квато. — Как только они подъехали, я сказал им, что здесь земля кайова. Новый шериф начал ругаться, а маршал только улыбнулся и попросил его замолчать, если он дорожит своим скальпом. Я спросил, где старый шериф. А этот болтун сказал, что старого шерифа повесили. Как думаешь, он сказал правду?

— Разве можно верить мужчине, который носит столько золота?

— Вот и я думаю, что белые никогда не повесят шерифа.

— Ты проводишь меня, когда я поеду за Питером? — спросила Энни.

— Мы все проводим тебя, — важно кивнул индеец. — Надо проучить этого городского болтуна.

На меня она даже не оглядывалась. Как будто я не мог ее проводить. Как будто я никогда ее не провожал. Как будто меня и не было здесь.

Подскакал Джуд. Он держал карабин на коленях.

— Я видел дым, — сказал он. — Поеду посмотрю.

— Где? — спросила Энни.

— Гэмблы.

— Черт! — я ударил кулаком по седлу. — Обошли с фланга!

Энни только успела прокричать нам вдогонку:

— Джуд! Посмотри и возвращайся! Только без стрельбы!

И снова, в который уже раз, я почувствовал легкую обиду на эту девчонку. Она по-прежнему не упускала случая напомнить мне, что я здесь чужой. Впрочем, так оно и было. Завтра мы с Крисом отправимся дальше, и когда мы доберемся до Нью-Йорка, я наверняка позабуду про эту колдунью.

Я поравнялся с Джудом и спросил его:

— Почему Энни все зовут колдуньей?

— Потому, что она колдунья.

— И в чем ее колдовство?

— Она ходит там, где не могут пройти команчи. Ее слушаются звери. Она видит пейот.

— Что видит? — переспросил я.

— Пейот. Только она может его собирать. Больше никто.

— Да разве пейот растет здесь? Это мексиканский кактус, его здесь не может быть.

— Он растет здесь, но его никто не видит. А она видит. Потому что колдунья.

— А где колдунья изучала американское законодательство?

— В салуне Бенсона. Зимой она моет у него посуду и лечит его семью. Крокет, ты слишком много спрашиваешь про Энни.

— Никогда не видел живую колдунью.

Мы проехали половину пути до фермы ирландцев, когда впереди над лесом поднялось мутное облачко дыма.

— Опять дым, — команчero показал стволом карабина на лес.

— Вижу. Что там может гореть? — спросил я и сам себе ответил: — Гореть может все.

Я повернул своего Бронко вверх по кособору, вслед за Джудом, и, поднявшись повыше, достал бинокль.

— Крокет, солнце, — сказал Джуд, вытягивая подзорную трубу.

— Что бы я без тебя делал, — поблагодарил я, прикрывая ладонью линзы бинокля, чтобы не выдать себя отблеском. Стекло подзорной трубы пряталось в тени черного широкого кольца. Это была хорошая труба. Вполне возможно, что именно через ее стекла адмирал Дрейк разглядывал испанские галеоны, тяжело нагруженные золотом. Но сейчас даже такая труба не могла бы разглядеть впереди ничего, кроме неподвижных верхушек деревьев и дымных, слоистых колец над ними.

Мы пропустили вперед. Кони дружно перемахнули через проволочную изгородь и помчали прямо по зеленеющим всходам. Обогнув густой лес, мы увидели вдалеке дымящийся фургон. Зеленая рубашка висела на задранном к небу дышле. Тент сгорел, и только черные лохмотья свисали с покосившихся дуг.

Несколько всадников, вытянувшись в плотную колонну, двигались от фургона по дороге в сторону белого дома с черными ставнями, который виднелся между деревьями на вершине холма.

— У ирландцев гости, — сказал Джуд. — Крокет, скажи Квато, пусть пришлет сюда людей.

— Сам скажи, — ответил я, передергивая затвор карабина.

Он снял шляпу и, сложив, сунул ее за пазуху. Встряхнул головой, и его черные длинные волосы упали на плечи.

— Тогда держись справа, — сказал он. — На бросок камня. Все, кто слева — мои, кто справа — твои. Готов?

— Да, сэр.

— Стреляй.

— Далеко.

— Ничего, услышат, — сказал он и, резко наклонившись, послал своего мустанга с

места в галоп.

Хитрый команчero решил сберечь один патрон за мой счет. Но и я не стал тратить боеприпасы зря. Вытащив из-за спины свой маленький кольт, я выстрелил в воздух.

Всадники остановились. Джуд стремительно удалялся от меня. Он вскинул карабин над головой и завизжал так, что даже мой Бронко прижал уши.

Вопль команчей подействовал на далеких всадников гораздо сильнее, чем мой хлопок из револьвера. Они развернулись и быстро поскакали обратно.

Я мчался справа от команчero, высчитывая дистанцию. Если они не остановятся, мы их не догоним. Неужели они не видят, что нас только двое? Я насчитал девять лошадей. Девять стволов против двух, почему бы им не остановиться?

Джуд выстрелил на скаку, и на дороге вскинулся белый фонтанчик пыли. Недолет словно подхлестнул убегающих, и они помчались еще быстрее, поднимая за собой густую пыль. Когда мы приблизились к сгоревшему фургону, всадников уже не было видно за лесом.

Джуд соскользнул с коня и, низко пригнувшись, зигзагом побежал к фургону. Я вертелся в седле, водя стволом винчестера по сторонам. Но вокруг не было никого. Только между деревьями на опушке леса на миг показалась длинноухая голова мула — показалась и снова опустилась, спрятавшись за кустами.

— Крокет, сюда! — позвал Джуд.

Я подбежал к фургону. Его дымящиеся, обугленные стенки были пробиты пулями. Щепки валялись повсюду. Похоже, стрелки палили по тем, кто прятался от них в фургоне, неторопливо объезжая его по кругу. А потом подожгли. Старый бандитский обычай. Ограбленные фургоны переселенцев сжигали вместе с трупами.

Мы вытащили два обугленных, скрюченных тела и накрыли их своими одеялами. Следы лошадей и стреляные гильзы привели нас еще к одному телу. Это был старик с топором, намертво зажатом в кулаке. Рядом валялся сломанный винчестер.

— Гэмблов больше нет, — сказал Джуд.

— Надо посмотреть в доме.

— Там пусто. Они жили вдвоем.

— Ну что же... Мы знаем, кто это сделал.

— Уже не догоним.

— В лесу бродит лошадь, — сказал я. — Или мул.

— Поймай, заберем с собой. Хорошо, что лопата не сгорела. Похороним их вместе, они не обидятся.

Он поплевал на руки и вонзил лопату в землю прямо там же, у дороги, рядом со сгоревшим фургоном.

Я направился к лесу. Под ногами часто попадались стреляные винтовочные гильзы. Подняв одну, я понял, что мальчишки были расстреляны из винтовок Маузера.

Из-за деревьев на меня смотрел мул, навьюченный черными чемоданами. Наверно, он признал во мне своего, потому что несмело тронулся навстречу. Я тоже узнал его, потому что совсем недавно сам грузил на его костлявую спину эти чемоданы.

Почему-то я сразу решил, что фотограф тоже убит. Не знаю, как он здесь оказался, но он никогда не бросил бы свои чемоданы без присмотра. Но его не видно. Значит, он убит. Лошадь они взяли с собой, а мула могли и не заметить.

И вдруг я услышал рядом с собой низкий хрип. Я замер.

— Крокет... Крокет... Я здесь...

Фотограф сидел между корнями старого толстого тополя, прикрытый сломанной веткой. Я мог бы сто раз пройти мимо и не заметить его.

— Вы здорово спрятались, Сол! — я осторожно отодрал надломленный сук от ствола и отбросил ветку. — Что вы тут делаете? Мы же договорились...

— Дайте мне сказать... — прохрипел он, вытирая рот окровавленным платком. — Я увидел, что они поехали сюда. Поехал за ними. Незаметно. Слушайте. Это Хаммер. Это

сделали его люди. Их было двое, они стреляли по фургону. Я не выдержал и стал стрелять в них. Но появились другие. Много других. Я не знал, что их много. Меня ранило, я упал. Отполз за деревья. Спрятался. Они еще долго стреляли. Искали меня. Но они торопились. Уехали...

Он замолчал и снова вытер рот. Поглядел на платок, отбросил его и провел по губам рукавом, размазав по серому лицу кровь.

— Не говорите ничего больше, — попросил я. — Сейчас мы вас доставим в такое место, где лечат любые раны. Вы только держитесь, Сол, держитесь.

— Мальчики... Как они?

— Убиты, — сказал я. Не смог соврать, хоть и следовало бы.

— Убиты... Слушайте, Крокет. Это Хаммер. Все в чемодане. Отдайте маршалу Баррету. Он разберется. Повторите.

Я ничего не понимал, но послушно повторил:

— Все в чемодане. Отдать Баррету.

— Отлично, Крокет.

Он закрыл глаза и тяжело выдохнул.

— Бросьте, Сол, — грубо сказал я. — Мы с вами не в театре. Никаких последних вздохов, слышите? Вы еще должны посчитаться с теми, кто стреляет по детям. Не передавайте это право никому.

— Хорошая идея.

Он кивнул, и уже не поднял головы. Я осмотрел его раны. В грудь навывлет. Голень перебита, словно обухом топора. Этот Маузер знает свое дело.

Но Лукас тоже знает свое дело, сказал я себе, Соломону Коэну и Маузеру, быстро перевязывая раны.

Глава 18. КРИС ДАЕТ УРОКИ

Питер Уолк по праву старожила предложил новичкам присесть в разных углах камеры. Сидеть приходилось на полу, потому что единственная лавка была измазана полосами крови, а никакой иной мебели арестантам не полагалось.

Некоторые неудобства вполне оправдывались коротким сроком заключения. Маршал должен был забрать с собой тех, кому предстоял суд в Гудворде: Крис обвинялся в покушении на убийство, такое же обвинение было выдвинуто против Маккарти. Питер был уверен, что его к вечеру отпустят домой, потому что его не в чем было обвинить. А Натаниэлю Беллфайру требовалось всего лишь доказать, что он Натаниэль Беллфайр, архитектор из Бостона, а вовсе не сообщник какого-то мифического Потрошителя Банков из Теннесси.

Если бы федеральному маршалу не надо было участвовать в обмере спорных участков, все эти юридические проблемы давно были бы решены. Но Фримонт увез маршала, оставив арестантов томиться за решеткой.

Скрашивая малоприятную обстановку, Питер Уолк завел вежливую беседу с архитектором. Его живо интересовали бостонские цены и ассортимент местных магазинов. Беллфайр отвечал невразумительно, поскольку никогда не запоминал такие пустяки. Кроме того, все это было так давно... Питер поведал ему о своих наблюдениях за жизнью Канзас-Сити, Мемфиса, Сент-Луиса и Чикаго. Дальше Чикаго он еще не забирался, и теперь планировал поездку на восток, может быть, и в Бостон, почему бы и нет? Он старался раз в год обязательно отправляться в короткое путешествие, просто чтобы знать, как сейчас живут люди. А Бостон, говорят, известен своей архитектурой. Гранитные дворцы, симфонический оркестр и порт — вот что Питер хотел бы увидеть с помощью Беллфайра. Нэт вынужден был огорчить собеседника отказом от совместных прогулок по Бостону. Ближайшие годы он проведет здесь, в Крофорд-Сити. Он получил очень важный заказ и все свои силы посвятит его выполнению. Какой именно заказ? Пока это является тайной. Питер понимающе

подмигнул. О конкуренции он знал не понаслышке.

За пленниками присматривали четверо охранников, все с окровавленными повязками на ногах. Они пострадали во время ночной прогулки в таверну. Один из них уже вполне освоился в помещении полицейского участка. Это был Фред Моли. Оказалось, у него прекрасная память, не пострадавшая ни от кулаков Лысого Мака, ни от лечения доктора Эванса. Он не забыл, откуда Маккарти доставал виски во время ночного допроса, и быстро обнаружил, что за оружейным шкафом прежний хозяин хранил еще несколько бутылок. Лысый Мак с ненавистью наблюдал, как надзиратели, глумясь, поглощают драгоценный напиток.

Крис опустил голову на колени, притворяясь спящим. После бессонной ночи и в самом деле не мешало бы вздремнуть, но, видимо, действие «наливочки» Лукаса еще не закончилось. Три дня не есть, три ночи не спать. Прекрасное средство для путешественников. И все же интересно знать, какими окажутся последствия. Чем кончается бодрящее действие многих других напитков, Крису было хорошо известно.

Например, дармовое виски, выпитое без закуски, приводит к беспричинной ярости, ушибам и переломам.

Охранники принялись играть в карты, продолжая уничтожать виски, и Крис внимательно прислушивался к их громким голосам. Как всегда, ковбои говорили о женщинах и о скоте. Причем каждый с легкостью перескакивал с одной темы на другую незаметно для остальных собеседников. Несколько имен, прозвучавших за столом, были знакомы Крису. Но это были не женские имена.

Они говорили о тропе Гуднайта. Чарли Гуднайт, знаменитый техасский скотовод, когда-то владел миллионами акров пастбищных земель. Его стада паслись не только в Техасе, но и в Нью-Мексико, Вайоминге и Колорадо. Он скрещивал бизонов и ангусов, чтобы вывести гибридную породу, и добился успеха в этом сомнительном деле. Больше того, он сумел примирить враждующие кланы «мясных баронов» и создал ассоциацию скотоводов — а это гораздо труднее, чем соединить дикого бизона с коровой. (Крис застал последние отголоски войны, которую пытался прекратить Чарли Гуднайт. Бароны примирились, и Крис остался без работы.)

«Тропой Гуднайта» назывался путь для перегона скота с юга на север в обход Индейской Территории вдоль восточных склонов Скалистых гор. Это был самый длинный маршрут и самый опасный, но он давал самую высокую прибыль. Тропой Гуднайта перестали пользоваться с тех пор, как железная дорога пересекла ее в нескольких местах. Но охранники, казалось, этого не знали. Они спорили о том, в какое время года опаснее всего проходить этой тропой со стороны Санта-Фе. Один считал, что летом на тропе слишком часто встречаются патрули рейнджеров. Другой настаивал на том, что осенью там не избежать столкновения с индейцами, которые заняты подготовкой к зиме. Но все спорщики были единодушны в одном. По тропе Гуднайта могут перегонять скот только отчаянные храбрецы. Именно такие, настоящие мужчины, и сидели сейчас за столом. Они важно подняли свои стаканы. Торжественность тоста была испорчена тем, что один из настоящих мужчин вдруг метнулся в угол, сметая все на своем пути, но споткнулся о ровный пол, и ему пришлось блевать у оружейного шкафа.

Маккарти забыл об изменениях в своем положении и грозно рявкнул из своего угла:

— Это офис шерифа, а не свинарник!

Охранники не сразу поняли, что к ним обращается арестант, и даже не повернулись в его сторону, занятые игрой и выпивкой. И Лысый Мак, теряя голову от нахлынувшей ярости, заревел:

— Уберите свое дерьмо! Я не собираюсь оставаться в свинарнике!

Фред Моли бросил карты на стол и подошел к решетке:

— Кто тут орет? Чем ты недоволен, приятель?

— Я не собираюсь оставаться в свинарнике, — повторил Маккарти.

— А мне сдается, что тут тебе самое подходящее место, — ухмыльнулся Моли. Глаза

его смотрели уже в разные стороны, язык заплетался, но Моли, видно, очень хотелось поговорить. — Сиди тихо, приятель. Не мешай нам отдыхать. У нас была тяжелая ночь. Не зли нас. Если не хочешь подохнуть при попытке к бегству, сиди тихо и молчи. Засунь свой язык в задницу, приятель, и помалкивай, понял? Лучше не зли нас, потому что мы парни заводные. Ты понял, приятель? Я ведь мог бы тебя просто шлепнуть через решетку за твои слова, а я с тобой разговариваю, как с человеком. Поэтому тебе остается только молчать. Конечно, другой на моем месте давно свел бы с тобой счеты. Другой на моем месте засадил бы тебе пулю между глаз, а потом сорок свидетелей подтвердят, что ты первым напал. Но я ничего такого не делаю, потому что я не убийца. Кто угодно, только не убийца. Я не убиваю людей. Поэтому ты до сих пор жив, шериф. Хочешь виски? У меня целое море отличного виски! Хочешь? Выпей со мной, шериф!

— Эй, Моли, садись за стол! Твой ход, Фредди! Чего привязался?

— Ну что, шериф, выпьешь со мной? — хватаясь за решетку, не унимался Моли.

— Я не пью в свинарнике.

— Вы слышали, парни? Он у нас чистюля!

Один из охранников тоже бросил карты и сказал:

— Когда я сидел в Санта-Фе, меня заставляли мыть полы в участке. По три раза в день. Давай, браток, сейчас твоя очередь!

— Точно!

— Сам убирай в своем свинарнике!

— Ты слышал, шериф? — Моли икнул и встряхнулся всем телом. — Слышал? Не нравится грязь? Хватайся за тряпку и приступай у к уборке! Ну, что застыл, как памятник Вашингтону?

Лысый Мак медленно и отчетливо произнес:

— Я не убираю за свиньями.

Крис легко поднялся и шагнул к решетке, встав так, чтобы Моли не видел Мака. Надо было вмешаться, пока пьяный не понял, что его обозвали свиньей.

— Пожалуй, и в самом деле не мешает прибрать. Я готов.

— Ты?

— А что такого? Тряпка, ведро воды и десять минут времени, больше мне ничего не требуется, — Крис улыбался, глядя в мутные глаза Моли.

— Ну, раз ты сам предложил... Давай приступай! Эй, дайте мне ключ!

— Не надо, Фредди. Босс будет ругаться, если узнает, что мы отпирали камеру.

— Босс будет ругаться еще больше, когда наступит на твое дерьмо! Ключ!

Моли выпустил Криса и снова запер решетку, оставив ключ в замке. Крис, засучив рукава, принялся за уборку. Мак осуждающе глянул на него и отвернулся, скрипя зубами. Охранники, сидя за столом, бросили игру и упражнялись в остроумии, обсуждая работу арестанта.

— Неплохо у него выходит. Не хуже, чем у негритянки.

— Где ты так наловчился, приятель?

— Черт! Кому рассказать, не поверят, что за мной убирал сам Потрошитель Банков!

— Да какой он Потрошитель? Разве такому под силу очистить банк? Очистить помойное ведро, вот и все, на что он способен!

— Да нет, мне сам Клайд Лански рассказал. Шериф по пьянке хвастался, что знает Потрошителя, что они друзья, водой не разольешь. А когда этот Потрошитель к нему появился, сразу язык прикусил. Да только поздно, уже каждая собака знала, что к шерифу пожаловал старый дружок. Парня ищут в трех штатах. Миссури, Теннесси, Арканзас. Босс даже подпрыгнул, как узнал о таком госте. Тысячи две, а то и три теперь получит. Слышишь, приятель, твоя голова стоит три тысячи, а ты нам бесплатно полы моешь!

Крис скромно улыбнулся и выжал тряпку над ведром.

— Эй, Потрошитель, неужели ты и в самом деле взял столько банков и никого не грохнул?

— Я не убиваю людей, — сказал Крис.

— Но как тебе это удавалось? Там же охранники всегда с пушками, и им разрешено стрелять при малейшей опасности. Может, это все сказки? Насчет банка в Додж-Сити, к примеру? Говорили, что ты его взял на пару с приятелем, а там было восемь человек охраны!

— Пять, — поправил Крис. — Пятеро сидели внутри банка, а трое спали после ночной смены. А теперь могу я вас попросить пересечь к окну? Хочу помыть под столом.

— Да ладно тебе врать-то! Как это может быть?

— Кто-то сказал, что я вру? — Крис выпрямился, стряхивая воду с рук.

Эта фраза способна отрезвить любого. Охранники молча переглянулись. Четверо вооруженных мужчин не знали, что ответить безоружному арестанту.

— Но я могу показать, как это было, — сказал Крис, прерывая напряженную паузу. — Здесь похожее помещение. Такая же решетка. Только в банке за ней были сейфы. Вас тут не пять, а только четверо, но и я — один, без напарника. Хотите посмотреть, как это было?

— Валяй. Показывай, а мы посмеемся, когда тебя скрутим.

Крис отставил в угол ведро с тряпкой и опустил рукава.

— Итак, джентльмены. Банк в Додж-Сити. Половина десятого утра. Дежурный охранник с карабином между ног сидит перед залом, где стоят сейфы. Давай, Фред, садись сюда. Вот так.

— Фредди, возьми карабин из шкафа, чтоб все было по-настоящему.

Моли положил карабин на колени, но потом, подумав, отошел к столу и разрядил магазин. Оставив патроны на столе, вернулся на стул у решетки.

— Эй, так не по правилам! Охранник должен быть вооружен винтовкой, а не дубинкой, Фредди!

— А это на что? — Моли похлопал себя по кобуре и даже отстегнул предохранительный ремешок с рукоятки кольта. — Ладно, Потрошитель, валяй дальше. Где сидели остальные сторожа?

— Двое прогуливались по кассовому залу, один сидел на крыльце.

— Парни, прогуливайтесь! А кому охота проветриться, может сесть на крыльце! Только дверь не закрывай, а то не увидишь ни черта!

Охранники разошлись в разные углы комнаты, не сводя глаз с Криса. Один из них встал в дверном проеме.

— Ну, и как же ты с ними справился? — сочувственно спросил Моли. — Я понимаю, если бы у тебя была бомба. Но ведь говорят, что ты всех скрутил и обчистил все сейфы! Сейфы, которые к тому же стояли за решеткой!

— Знаете, джентльмены... — Крис задумался. — На самом деле этого не знает никто. Иначе таким способом все бы стали чистить банки и уходить от погони. А это было бы губительно для финансовой системы. Поэтому я прошу вас об одном. Никому не рассказывайте о том, что сейчас увидите. И никогда сами так не делайте. Вы можете мне это обещать?

— Мы можем пообещать, можем, — ухмыльнулся Моли.

Крис подошел к окну и оглядел площадь.

— Все точно так же, как тогда. Никого на улице. Только охранник на крыльце и несколько клерков внутри банка. В это время всегда приходил старый негр, уборщик помещений.

Крис согнулся, смешно выпятил губы и вытаращил глаза, чем вызвал довольный гогот публики. Он вразвалочку доковылял до помойного ведра и двинулся с ним вдоль стены. Дошел до решетки и стал медленно возить тряпкой по прутьям.

Арестанты следили за его действиями. Крис подмигнул им.

— И вот, когда этот старый негр дошел до сейфов, на улице появился стекольщик с лестницей и инструментами, — продолжал рассказывать Крис. — Он подошел к боковому окну банка и громко в него постучал.

— Эй, кто там у нас возле окна? Стучите, парни, стучите громче. Чтоб все совпадало!

Это он стуком хочет отвлечь охрану. Но мы-то с вами знаем, зачем это делается. Нас он не отвлечет! Давай стучи! — скомандовал Моли.

Ковбой нехотя подошел к окну и согнутым пальцем стукнул по стеклу.

— Громче, — попросил Крис. — Гораздо громче.

— Ну стукни ты как следует! — насмешливо закричал Моли.

Его голос вдруг был заглушен плеском воды, а затем стал звучать с металлическим оттенком. Всею виной было помойное ведро, надетое ему на голову.

В следующую секунду Моли распростерся на полу, а Крис стоял над ним с его револьвером в руке.

Охранник у окна попытался схватиться за кольт, и Крис выстрелил. Пуля сорвала кобуру с пояса, и охранник молниеносно вскинул руки над головой. Двое других благоразумно последовали его примеру.

— На пол, — сказал Крис. — Видите, как лежит Фредди?

Пока они укладывались, он, не оборачиваясь, нащупал ключ в замочной скважине и попытался провернуть. Но ключ не поддавался.

— Мак, открой сам, я занят, — попросил Крис.

Маккарти просунул свои толстые руки между прутьями и принялся тыкать ключом в скважину.

— Позволь мне, шериф, — сказал Питер Уолк, оттеснив Мака.

Решетка со скрипом отодвинулась, и Мак кинулся разоружать и связывать лежащих охранников.

— Вот так все и было, — Крис продолжил свой рассказ. — Вы спросите, зачем был нужен стекольник? Вот зачем. Когда мы покинули банк, лестница стояла перед входом, а на крыльце были разложены инструменты. Любому прохожему было ясно, что в банк можно будет зайти, когда стекольник закончит работу. И никому не было дела до связанных охранников. Кстати, джентльмены, они сами друг друга связали. И весьма добросовестно. Мы с напарником успели скрыться в Техасе, пока их смогли развязать. Ну что, Мак, пора и нам в Техас?

— Да, — сказал Маккарти. — А потом в Мексику. Больше нам нечего здесь делать.

— А мы? — спросил Беллфайр. — Как быть с нами?

— Можете оставаться за решеткой и ждать федерального маршала, — Крис пожал плечами. — Вы оба ни в чем не виноваты.

— Ты тоже не виноват, но бежишь, — сказал Питер.

— Я не бегу. Я только соскучился по мексиканской кухне. А здесь, как видно, меня никто не собирается кормить даже гнилой солониной.

— Возьмите меня с собой, — сказал Нэт Беллфайр, запихивая свой блестящий револьвер за пояс. — В Мексике для меня найдется работа.

— Пожалуй, даже больше, чем здесь, — согласился Крис.

— Ну, тогда и я с вами! — махнул рукой Питер и прихватил карабин из оружейного шкафа. — Мне тут все равно житья не дадут!

— По коням! — скомандовал Лысый Мак. — Курс на Рио-Гранде!

Обернувшись на пороге, Крис обратился к неподвижным охранникам:

— Джентльмены! Не забывайте! Вы обещали никому об этом не рассказывать!

Они заперли участок, неторопливо спустились с крыльца и отвязали своих лошадей. Питер на радостях расцеловался со своим вороным. Для Нэта выбрали мерина помирнее, из тех, что принадлежали охранникам.

Так же неторопливо, шагом, пересекли они площадь и свернули на дорогу. Поселок словно вымер, и только собаки лежали в тени под заборами, высунув языки.

Издалека доносились частые, тревожные удары по рельсу, который заменял шахтерам и колокол, и фабричный гудок.

— Что-то стряслось на карьере, — Маккарти оглянулся.

— Тебя это уже не должно волновать, — напомнил Крис.

— Меня волнует другое. Бьют к общему сбору. Похоже, кого-то завалило. Или еще что-нибудь. Сейчас весь поселок сбежится.

Питер приложил ладонь к уху и сказал:

— Уже идут.

— Вот чего я не собирался делать, так это произносить прощальную речь, — сказал Лысый Мак. — Поторопимся, Крис.

Их кони прибавили шагу, но ропот толпы становился все слышнее. Он доносился из каждого прохода между бараками. Среди приземистых строений мелькали фигуры мальчишек. Они бегали, сбиваясь в стайки, и снова уносились туда, откуда доносились гул голосов и тяжелое шарканье сотен ног. У салуна не было ни души.

Крис остановился:

— Никто не уезжает, пока не заглянет сюда, чтобы освежиться.

— Ты уверен, что нам это нужно? — спросил Маккарти, оглядываясь. — У нас не так много времени в запасе.

— Я все рассчитал, — спокойно ответил Крис. — Питер, устрой лошадей в конюшне.

Крис и в самом деле рассчитал все, что можно было рассчитать. Их будут искать где угодно, только не в салуне. А гарцевать на виду у нескольких сотен свидетелей он не собирался.

— Что там за шум? — судья Бенсон оторвался от газеты и поднялся навстречу неожиданным посетителям. — Пожар или война?

— Завтра узнаем, — ответил Крис.

— Что я могу вам предложить? Пива? Виски? Газету?

— Вы можете нам предложить укромный уголок на четверых, — сказал Крис. — По моим расчетам, ваше заведение должно оказывать подобные услуги своим самым ценным клиентам.

Судья Бенсон поднял глаза на вошедших за Крисом и сказал:

— Безусловно, Крис. Так, значит, это правда, что нашего шерифа уволили... Что же, для него у меня найдется укромный уголок.

Он поднял барьер, пропуская всех за стойку бара, где находился незаметный люк. Сдвинув его в сторону, Крис первым спустился по мягким войлочным ступеням в просторный подвал. Из узких окошек сверху пробивался свет. Его пыльные лучи легли теплыми пятнами на низкий диван в углу, на круглый стол под зеленым сукном и четыре плюшевых кресла.

— Ага, — обличительно произнес Маккарти. — Подпольный притон для азартных игр и незаконных сделок.

— Всего лишь комната отдыха, и больше ничего, шериф, — судья Бенсон открыл дверцы встроенного шкафчика. — Здесь вы найдете воду и галеты. Прошу воздержаться от курения, пока в салуне не появятся клиенты. Сколько вы рассчитываете здесь пробыть, Крис?

— До ночи.

— Так вот, значит, где прятался от индейцев этот старый осел Мафусаил, кучер бедняги Скилларда, — Маккарти развалился на диване. — Вы знаете, судья Бенсон, меня вышвырнули на помойку. Теперь я ничем не отличаюсь от Мафусаила. Я такой же безработный старый осел, как и он.

— Работа сама найдет вас, — пообещал судья Бенсон, поднимаясь по лестнице обратно в салун. — Джентльмены, будьте как дома.

Питер сразу же подвинул кресло к стене и встал на него, чтобы заглянуть в окно.

Маккарти сунул руку в карман рубашки и выругался:

— Черт возьми, мои сигары... Все осталось в участке. Я разорен, Крис. Ни работы, ни сбережений, ни виски, ни сигар. Все придется начинать с нуля. Ты думаешь, эти олухи поверили, что мы отправились в Мексику?

— Посмотрим.

— А что за дела у тебя в Нью-Йорке?

— Ничего определенного.

— Тогда почему бы нам не рвануть в Калифорнию?

— Посмотрим, — рассеянно повторил Крис.

Архитектор Беллфайр, стоявший у шкафа, достал бутылку содовой и пару стаканов.

— Кто-нибудь хочет пить? Крис, разве мы не едем в Мексику?

— Я только что оттуда, Нэт.

— Значит, мне придется остаться здесь? Беллфайр разочарованно склонился над стаканом. Строить тюрьму? И каждый день здороваться с мистером Фримонтом?

Питер, не отрываясь от окна, предложил:

— А ты поживи у меня на ферме. Ты человек образованный, быстро освоишься.

— Что мне делать на ферме?

— Что-нибудь придумаем. Будешь ездить по ярмаркам как мой торговый представитель. Или займешься закупками новой техники. Заводик какой-нибудь построим. Станешь делать свечки или керосиновые лампы. Придумаем что-нибудь, не волнуйся. Бенсон правильно сказал. Работа сама тебя найдет.

— Что ты там высматриваешь? — спросил Маккарти.

— Кажется, все идут сюда.

Крис тоже встал на кресло и прильнул к стеклу. Вид из окна, прорезанного на уровне земли, закрывала телега, но и сквозь спицы деревянных колес Крис увидел, как на улице перед салуном собираются люди, одетые в черные робы, свою обычную одежду, в которой они каждое утро уходили в карьер. Толпа быстро заполнила улицу, и из окна не было видно ничего, кроме ног в стоптанных башмаках. Толпа гудела, не смолкая, пока не хлопнул громкий выстрел.

— Тихо! Дайте сказать! — послышался чей-то голос, и ропот толпы, перекатываясь из конца в конец, понемногу ослаб.

Теперь уже и Маккарти с Беллфайром пристроились к окну, напряженно ловя каждое слово, доносившееся с улицы.

Судья Бенсон! Видите, что мы принесли с собой?

Голоса Бенсона не было слышно, и в толпе раздались крики:

— Тише вы, братцы! Тише, тише! Громче, судья!

— Где вы его нашли? — спросил Бенсон.

— Он лежал у конторы.

— Не надо было его трогать, — сказал Бенсон.

Толпа зашумела, но несколько требовательных голосов перекричали ее:

— Это предупреждение! Они нас пугают! Индейцы хотят, чтобы мы убрались отсюда! Шерифа нет! Никто ничего не знает! Что нам делать, судья?

Маккарти спрыгнул с кресла и направился к лестнице.

— Ты куда, Мак? — спросил Крис. — Это тебя не касается.

— Там кого-то убили. Черт возьми! Они никогда еще так не шумели, Крис! Надо разобраться!

— Сами разберутся.

— Ты не знаешь, как они разбираются. Нет, Крис. Эти люди ждут шерифа. А шериф — это я, — сказал Лысый Мак и, поднявшись по ступеням, с грохотом отодвинул люк.

Глава 19. РАССЛЕДОВАНИЕ ШЕРИФА МАККАРТИ

Как только Маккарти появился на крыльце салуна, толпа разом затихла. Он шагнул со ступеньки, и шахтеры расступились перед ним.

— Ну, что тут у вас? — спросил он недовольно, словно они оторвали его от какого-то важного и приятного занятия.

Исподлобья глядя на Маккарти, шахтеры молча пятились в стороны, открывая перед ним проход. И ему ничего не оставалось, как двинуться вперед.

На черном куске брезента лежало ничком тело инженера Скилларда. Из его спины торчала длинная рукоятка топорика, лезвие которого погрузилось между лопаток.

Маккарти присел на корточки рядом с трупом и прикоснулся к холодной, грязной шее.

— Когда его нашли? — спросил он.

— Час назад, — ответили из толпы.

— Индейцы убили его! — выкрикнул кто-то. — Они всех нас убьют!

Внезапно где-то в толпе началась какая-то возня, послышались крики:

— Стой! Куда! Держите его! Попался, приятель! Вот он, краснокожий!

Шахтеры вертели черными лицами и приподнимались на носки, пытаясь разглядеть, кого это там схватили.

— Сюда его! — приказал Маккарти, выпрямившись и широко расставив ноги.

Толпа раздалась и вытолкнула изрядно потрепанного человека в серой рубаше.

— Привет, Дженкинс, — сказал Маккарти.

— Добрый день, шериф! — слегка заикаясь, выговорил Чокто Дженкинс. — Шериф, они меня чуть не разорвали на куски...

— Он убегал! — кричали из толпы. — Он хотел бежать к своим краснокожим!

— Никуда я не убегал! — заявил Чокто. — Просто хотел выбраться, мне тут нечего делать! Куда мне убегать? Я тут живу! Вы же все меня знаете!

— Знаем мы Тебя, краснокожий!

— Тихо! — рявкнул Маккарти. — Сейчас разберемся. Вы, двое, идите с Чокто в салун и сидите там с ним. Кто первым обнаружил Скилларда? Ты? И ты тоже? Тоже шагайте в салун, я задам вам пару вопросов.

Заложив руки за пояс, он оглядел шахтеров, и они один за другим замолкали под его тяжелым взглядом.

— Я разберусь в этом. Сейчас приедет федеральный маршал Баррет, и мы с ним решим, что надо делать. А вы расходитесь по домам. Мойтесь, ешьте, отдыхайте. Завтра всем на работу. Что случилось, то случилось. Это не конец света.

— Это хуже, чем конец света! — крикнула женщина из толпы. — Это война, шериф! Нам не нужна война! Лучше мы соберем свои узлы и отправимся отсюда, пока нас всех не зарубили топорами!

— Можешь ехать, женщина, — сказал Маккарти пренебрежительно. — Тебя никто не гнал сюда, и никто тебя здесь не держит. Вы слышали меня? Расходитесь по домам, не толпитесь тут!

Но шахтеры упрямо стояли на месте.

— Мы не разойдемся, шериф, — сказал тот, кто стоял ближе всех к Маккарти. — Люди хотят знать, кто убил инженера. Люди хотят судить убийцу прямо сейчас.

— Это не такой простой случай. Надо разобраться.

— Хорошо. Разбирайтесь. Мы подождем, — угрюмо сказал шахтер.

Но в толпе не поддержали его.

— Чего ждать? Индейцы убили инженера! Надо вздернуть индейца, чтоб неповадно было! Братцы, судью Бенсона сюда! Давайте избирать присяжных и побыстрее покончим с этим делом! Мы разберемся лучше любого шерифа!

Судья Бенсон встал рядом с Маккарти и поднял руку, призывая к тишине. Когда гомон смолк, он заговорил своим хорошо поставленным голосом проповедника:

— Вы требуете возмездия? Вы хотите ответить убийством на убийство? Что же, вы имеете право на месть.

Толпа радостно зашумела, засвистела, затопала ногами.

— Да, люди имеют право на месть, — возвысив голос, продолжал судья Бенсон. — Потому что люди подвержены страху, а страх рождает жажду мести. Вы думаете, что ваш страх пройдет, когда вы убьете кого-нибудь. Я не буду говорить вам, что вы ошибаетесь. Вы и сами в этом убедитесь. Страх не покинет вас, даже если на каждом столбе поселка будет висеть целая вязанка индейцев.

— Мы хотим справедливости!

— Будет вам справедливость. Выбирайте двенадцать человек в жюри. И пусть они соберутся у меня. Остальные могут идти по домам. Вас позовут, когда мы вынесем решение.

— Никуда мы не уйдем! — закричала женщина. — Они могут налететь в любую секунду!

— Я все сказал, — Бенсон снова поднял руку. — Помните, что присяжные должны быть трезвыми. Жду их у себя. Идемте, шериф.

— А что делать с инженером?

— А что еще можно сделать с покойником? Позовите гробовщика, — сказал Бенсон.

Маккарти наклонился над телом, еще раз потрогал его и с усилием выдернул топор из глубокой раны. В толпе истерически ахнула и зарыдала женщина. Лысый Мак вытер лезвие, несколько раз воткнув его в песок, и унес томагавк с собой.

Салун часто превращался в зал судебных заседаний, но шериф Маккарти никогда прежде не участвовал в этих процессах. Он не любил лишних разговоров. Ему и сейчас не по душе было то, что затеял Бенсон. До суда ли, когда самому надо бежать без оглядки? Но он не видел другого способа спасти Чокто Дженкинса от расправы.

Обитатели поселка уже не первый день только и говорили, что об индейцах. Здесь жили люди, приехавшие из разных концов Америки, но почти каждый из них мог припомнить страшные рассказы о внезапных индейских бунтах. Неважно, что все эти истории повествовали о далеком прошлом, и во многих из них не было ни слова правды. Индейцы оставались индейцами, а переселенцы — переселенцами, и война между ними закончится только тогда, когда одна из сторон будет полностью истреблена.

Хрупкое перемирие было разрушено слухом о похищении Скилларда. А первым выстрелом, сигналом к началу новой войны, стала его смерть.

Маккарти хмуро поглядел на Дженкинса. Тот сидел в углу, и над ним стояли двое шахтеров. Их лица были настолько черными от угольной пыли, что они казались неграми-близнецами.

— Не хотите умыться? — спросил у них Бенсон.

— Потом помоемся, — мрачно ответил шахтер.

— Шериф, вы хотели задать свидетелям пару вопросов, — напомнил судья Бенсон.

Свидетели, такие же черные близнецы, переминались в другом углу, не решаясь присесть на чистые стулья.

— Когда вы нашли тело? — начал допрос Маккарти.

— С час назад. Я увидел, что кто-то лежит на дороге. Позвал Джона. Подошли вместе, посмотрим — а это он...

— Лежал в луже крови, не подступиться.

— Он не дышал?

— Вроде нет. Нет, точно, он уже был мертвый. Погрузили его на брезент и понесли к участку, а там закрыто. Ну, народ решил сюда его. Мы всегда тут собираемся, вы же сами знаете, шериф...

— Говорите, он лежал в луже крови? — переспросил Бенсон. — И никого рядом не было?

— Никого. Пустая улица. Все в карьере были, а контора закрыта.

— Но тогда позвольте спросить, а что вы там делали, на улице возле конторы? — спросил судья Бенсон.

Шахтеры переглянулись.

— Мы шли сказать начальству, что ни один индеец сегодня не появился на работе. Мы хотели узнать, что случилось. Мы не обязаны за них работать. Подходим к конторе, а на дороге кто-то лежит...

— И еще там были конские следы, — добавил второй. — Следы без подков. Индейская лошадь. Они убили его, привезли, бросили у конторы, чтобы нас напугать.

— Да, — сказал Маккарти. — Все наши лошади подкованы. Если вы видели следы

неподкованной лошади, значит, это и в самом деле индейцы. Надо пройти по этим следам, посмотреть, куда они ведут...

Шахтер покачал головой.

— Там все затоптано, шериф. Мы все собрались там. Этих следов никто не найдет.

— Но вы же их видели? Вы точно видели? Значит, вы сможете сказать всем об этих следах? Сможете?

Они неуверенно кивнули, и Маккарти сказал:

— Спасибо, парни. Идите, приводите себя в порядок. Мне все ясно.

— Это индейцы, шериф, индейцы, — настойчиво, как заклинание, повторили шахтеры. — На работу не вышли, они что-то замышляют...

— Да, я тоже так думаю.

Маккарти почти силой вытолкнул их из салуна и повернулся к судье. Бенсон покачал головой:

— Похоже, беднягу убили там же, где и нашли, шериф.

— По-вашему, его привезли сюда живым?

— Привезли? Никто не видел, чтобы в поселок въезжали индейцы. Никто не видел, как они выезжали.

— Ничего удивительного. Меня тоже никто не видел, когда я шел сюда из участка, — сказал Маккарти. — Но эта лужа крови мне не нравится. И тело еще не окоченело, он еще не застыл. Инженера кончили здесь, вы правы. Может быть, никто его и не похищал? Черт его знает, мы же не искали его в конторе? Может, он там сидел все это время под замком? Ладно, не буду зря ломать голову. Следы индейских лошадок — вот все, что мне нужно. Индейцы приехали, убили, уехали. Вот и все. Ты понял, Дженкинс? Эти неподкованные лошадки спасли твою шкуру.

— Еще не спасли, — произнес судья Бенсон. — Людям на площади все равно, кто убил Скилларда. Им все равно, шериф. Они хотят повесить индейца. Если сейчас в поселок войдет любой другой индеец, они повесят его.

— Это верно, судья, — сказал шахтер, стороживший Чокто. — Краснокожие с нами не церемонятся. И мы не будем.

— Кажется, нам надо посоветоваться, — Маккарти скосил глаз под стойку бара. — Парни, оставьте нас. Чокто никуда не денется. Идите, позовите сюда присяжных.

Когда за шахтерами закрылась дверь, Маккарти, с неожиданной для его комплекции резвостью, живо юркнул в подвал.

— Крис, ты слышал?

— Да, мы все слышали, — ответил Крис.

На зеленом сукне стола был расстелен белый платок, на котором лежал разобранный револьвер Нэта, и архитектор старательно чистил ствол ершиком.

— Что будем делать?

— Тянуть время, — спокойно ответил Крис. — Вернется маршал, с ним будет новый шериф, пусть они и разбираются во всем. Нэт, достаточно. Теперь смотри, как его надо собирать.

Он накрыл блестящие детали ладонью, сгреб их, что-то щелкнуло — и в руке Криса появился собранный револьвер. Беллфайр, однако, не следил за ним, повернувшись к шерифу.

— Ты так спокойно говоришь... — Лысый Мак нахмурился. — Дженкинс — мой самый лучший помощник. Мы с ним не первый год. Мы в таких переделках с ним побывали... Я не могу его бросить.

Он нервно похлопывал себя по ноге томагавком. Архитектор Беллфайр широко раскрытыми глазами глядел на оружие убийства, и Крис заметил это.

— Что, Нэт, интересное оружие?

— Любимое оружие индейцев, — заявил Маккарти.

— Продается в любой лавке Гудворда, — добавил Питер Уолк. — Ну-ка, шериф, дай-ка

его сюда... Ну, так и знал. Видите клеймо? «Завод Бакса, Спрингфилд, Огайо». Я и сам такие привозил когда-то. Полюбуйся, Нэт.

Архитектор осторожно, как мертвую гадюку, взял томагавк и осмотрел его рукоятку. На лбу Беллфайра проступила испарина, и он обессиленно опустился на диван.

— Ты что это, Нэт? — Питер встряхнул его за плечо.

— Ничего, ничего... А что, у всех томагавков бывают такие рукоятки?

— Да нет, обычно продается только лезвие, а на рукоятку его насаживает хозяин. Каждый подгоняет по руке, по своему росту, по вкусу, — пояснил Питер. — Они все стараются отличиться от других. Каждая вещица имеет свое лицо. Индеец никогда не спутает свои мокасины с чужими. А томагавк — это куда важнее, чем мокасины. Так что над ним они работают, как хороший архитектор над собственным домом.

— Дорический ордер... — проговорил Нэт, ведя пальцем по продольным канавкам, раскрашенным красной и зеленой краской. — Каннелюры, как на дорической колонне. Кажется... Я видел этот топор. Он был у индейцев, которые похитили инженера Скилларда.

— Ты уверен? — спросил Крис.

— Абсолютно. Да. Это тот самый топор. Это были индейцы. С ними был вождь. Они называли его Красный Коготь. Да, Красный Коготь.

— Нэт, послушай, — наклонился к нему Маккарти. — Тебя никто не заставляет... Но ты можешь сказать это при всех? Сейчас тут будет что-то вроде суда. У меня есть двое свидетелей, которые видели следы индейских коней. Если еще ты скажешь, что это томагавк тех самых похитителей, то парням на площади придется задуматься. В конце концов, даже шахтеры не любят убивать невиновных. Ты сможешь это сказать?

— Не сомневайтесь, шериф, — Нэт встал и протянул ему томагавк.

— Пойдем со мной. Не стоит им знать, где я прятал такого важного свидетеля.

Беллфайр нерешительно оглянулся, но Крис ободряюще улыбнулся ему, а Питер хлопнул по плечу.

Наверху послышались шаги и загремели отодвигаемые стулья.

— Черт, как они спешат, — выругался Маккарти. — Нэт, я позову тебя.

Он выбрался наверх и встал за стойкой. Шахтеры набились в салун, и от скопления их черных фигур в помещении стало темно. В воздухе стоял кислый запах угольной пыли.

— Так много присяжных? — спросил Маккарти.

— Голосовать будут все, — ответил шахтер. — Дело слишком важное. Голосовать будут все. Откройте окна, пускай все слышат, что мы тут решим.

— Приступим, — сказал судья Бенсон и достал с полки томик Библии. — Дженкинс, подойди. Положи ладонь сюда и поклянись говорить правду.

— Клянусь говорить правду.

— Ты видел сегодня инженера Скилларда?

— Все его видели. Я видел вместе со всеми.

— Что ты делал на площади?

— Просто пришел вместе со всеми.

— Ты пытался убежать?

— Нет.

Судья Бенсон повернулся к толпе.

— Пусть подойдет сюда тот, кто первым схватил Чокто в толпе. Скажи, он пытался убежать? Как он себя вел?

— Ну... Он стоял рядом со мной и тоже что-то такое кричал вместе со всеми. Потом увидел шерифа и рванул бежать. Толкнул меня, я его схватил, он меня в зубы, ну а я его в ухо. Вот так и схватили.

— Спасибо, — сказал Бенсон, поднимая руку, чтобы успокоить зашумевших шахтеров. — Подойдите сюда те, кто нашел Скилларда на улице. Вы видели следы лошадей?

— Да, судья.

— Какие это были следы?

- Неподкованные.
- Сколько было лошадей?
- Вроде одна.
- Одна? Вы уверены?
- Вроде уверены.

Судья Бенсон взглянул на Маккарти. Тот озабоченно почесал переносицу и ничего не сказал.

— Шериф, у вас есть вопросы?

— Нет, — сказал Маккарти. — Но у меня есть еще один свидетель. Нэт, вылезай. Вот, судья, это архитектор из Бостона. Он был вместе с инженером Скиллардом, когда того похитили. И он может вам всем доказать, что инженера убили индейцы из банды Красного Когтя. Мы с вами сейчас же соберем отряд и отправимся за этим Когтем. И вздернем его на площади, парни!

— Постой, шериф! — крикнул шахтер. — Красный Коготь далеко, его еще надо поймать. А Чокто уже у нас в руках, и непохоже, что он ни в чем не виноват!

— И похоже, что ты его выгораживаешь, шериф! Ведь он твой дружок!

Маккарти закричал, чтобы перекрыть гвалт:

— Да вы послушайте свидетеля, черти! Послушайте, и вам все станет понятно! Нэт, расскажи им. Тихо, черти!

Судья Бенсон обратился к архитектору, который стоял возле буфетных полок с посудой, сам белый, как фарфор:

— Представься, тебя тут никто не знает.

— Меня зовут... — начал Беллфайр и замолчал, растерянно переводя взгляд с Чокто на шерифа. — Но ведь это же... Его зовут Шухта...

И тут Чокто вдруг сорвался со стула, вскочил на стойку бара, в два прыжка пробежал по ней и кинулся в распахнутое окно.

— Держи его! — закричали в толпе.

С кошачьей ловкостью он взлетел по столбу на галерею, перебежал на угол здания и, подтянувшись на карнизе, закинул ногу на скат крыши. Несколько черепиц выпали из-под его ноги, и он чуть не сорвался, повиснув на одних пальцах. Но, раскачавшись, Чокто все же сумел забросить тело на край крыши.

— Лезет на крышу! Стреляйте, уйдет!

На улице захлопали револьверные выстрелы, и сразу же их заглушил торжествующий вопль толпы. Маккарти и судья Бенсон пробились на крыльцо.

— Вон он! На крыше! Слезай, скотина краснокожая!

Поверх толпы уже плыла длинная лестница. Ее приставили к стенке салуна, и Маккарти оттолкнул всех и сам поднялся по ней до карниза.

Чокто Дженкинс лежал за печной трубой, зажимая рукой рану в боку. По черепице из-под него сбегала тонкая струйка крови.

— Ну что же ты, приятель? — спросил Маккарти. — Ты все испортил. Я бы не отдал им тебя.

— Иди к черту, шериф, — равнодушно ответил метис. — Скилларда прибил я. Обещай, что не повесишь меня, и я расскажу тебе, кому был нужен его скальп. Только соображай быстрее, пока я не сдох тут, на крыше.

Глава 20. ЛОВУШКА ДЛЯ ХАММЕРА

По-настоящему богатого человека легко отличить от обычного богача. Да, у Скотта Фримонта блестели золотые перстни на пальцах, его кольт был отделан серебром, и один его сапог стоил больше, чем месячная зарплата шахтера. Но не в этом проявлялось его богатство. Перстни можно и не заметить, особенно издали, да и сапоги оценит не всякий. А вот многочисленная охрана, вооруженная до зубов, сопровождает только по-настоящему

богатого человека.

Федеральный маршал Энди Баррет чувствовал себя довольно неуютно в сопровождении такой охраны. Он привык перемещаться по земле в одиночестве. Скромный значок на груди был его лучшей защитой. Каждый знал, что за маршалом следует невидимая, но непобедимая сила, имя которой — Закон. Однако сейчас маршал ехал рядом с Фримонтом, а вокруг них гарцевали три десятка всадников. И даже самый последний воришка, встретив такую процессию, мог бы предположить, что маршал более не полагается на могущество Закона и отдал себя под покровительство тридцати винтовок Маузера.

— Вы всегда берете с собой столько народу? — спросил он у Фримонта.

— О нет. Только тогда, когда сопровождаю федерального маршала.

На развилке, у поворота в сторону поселка, им встретился местный телеграфист на двуколке.

— Маршал Баррет! Маршал Баррет! — издалека принялся кричать он, размахивая своей фуражкой. — Вам срочная телеграмма!

Баррет развернул сложенный листок, прочитал и удивленно хмыкнул.

— Что-то случилось? — спросил его Фримонт.

— Ничего особенного. Но мне придется поторопиться.

— Вы обещали поужинать на моем ранчо, — напомнил Фримонт.

— Отложим ужин до следующего визита. Приготовьте фургон для арестантов и пару охранников.

— Пару? С вами отправится дюжина, — важно сказал Фримонт. — Для меня большая честь, Энди, оказать вам такую скромную услугу.

— Спасибо, Скотт.

Баррет свернул с дороги на улицу, ведущую к салуну.

— Загляну к Бенсону, надо напомнить ему кое-что. Поезжайте в участок, Скотт, готовьте людей к отправке.

— Если не возражаете, я подожду вас, — сказал Фримонт, сворачивая вместе с маршалом. — Что там творится? Что за шум?

Они повернули за угол дома и остановились перед толпой. Вся улица перед салуном была запружена людьми в черных робах. Их черные лица блестели от пота. Они молча глядели на маршала и Фримонта, неохотно расступаясь перед лошадьми.

— Что за собрание? — недовольно спросил Фримонт, встав в стременах. — Кто вас сюда пригнал?

— А мы не скот, чтобы нас пригонять! — мрачно прозвучал голос из толпы, и за ним прокатилась слабеющая вдалеке волна других голосов: — Кто этот хлыщ? Гляньте, у него шерифская звезда! Это же новый начальник сторожей! Вот кого нам назначили! Крутой, ничего не скажешь!

Баррет осторожно спустился с лошади и прошел к салуну. Толпа расступалась перед ним и снова смыкалась за его спиной. Маршал поднялся по ступеням и оглянулся. Фримонт возвышался над толпой, пробираясь назад, к своему отряду. Охранники остановились, перегородив улицу.

Шагнув между качающимися створками, маршал Баррет обнаружил в салуне необычную картину. Столы были сдвинуты к стенам, а посреди освободившегося пространства лежало тело, укрытое одеялом. Люди в черном мрачно стояли вокруг, прижимаясь к стенкам. Рэймонд Бенсон вышел из-за стойки и пожал руку маршалу.

— Догадываюсь, что вы получили мое послание, — сказал он. — Хорошо, что вам удалось отделаться от своего попутчика. Потому что при нем наш свидетель теряет дар речи.

— Свидетель? — маршал скосил глаза на покойника. — Свидетель убийства?

— Вы знали инженера Скилларда? — спросил судья Бенсон.

— Конечно.

— Его убили пару часов назад. Убийца у нас в руках. Он сознался во всем. Думаю, вам будет интересно его послушать. Дженкинс, вы хотели видеть маршала? Он вас слушает.

Бенсон поманил маршала к себе. Шахтеры расступились, и Баррет увидел, что на поставленных в ряд стульях у самой стены лежит человек с перевязанной грудью. Его черные прямые волосы свисали почти до пола. Лицо было пепельно-желтым, ястребиный нос заострился и побелел на кончике. Баррет не сразу признал в нем одного из помощников Маккарти.

— Я Вашингтон Дженкинс, по прозвищу Чокто. Мистер Фримонт заплатил мне двадцать долларов, чтобы я подстроил гибель инженера Скилларда. Еще пятьдесят он обещал выплатить, когда Скиллард будет мертв. Я подговорил индейцев из банды Красного Когтя, чтобы они выкрали инженера. Они обещали убить его, но обманули меня и отпустили его живым. Я отдал свои двадцать долларов шайенам, чтобы они убили Скилларда, но они тоже обманули меня, и он вернулся в поселок. Я встретился с ним у конторы. Никто нас не видел, и я убил его. Я не успел снять с него скальп, и только оставил томагавк между лопатками, чтобы всем стало понятно — его убили индейцы.

— Зачем ты это сделал? — спросил судья Бенсон.

— Я же сказал, мне заплатил мистер Фримонт.

— Хорошо, а ему зачем это было нужно?

— Он хотел, чтобы началась паника. Чтобы началась война с индейцами. Ему нужны эти земли. Ему нужно, чтобы все разбежались отсюда. Он хочет построить большую бойню. Скиллард был его компаньоном. Они вместе вложили свои деньги в это дело. Теперь у бойни будет один хозяин.

— Куда тебя ранило? — спросил маршал Баррет.

— Под ребро.

— Судья Бенсон, этот парень дотянет до суда? — спросил Баррет.

— Он постарается.

— Что мне светит? — раненый повернул голову и посмотрел Баррету в глаза. — Петля?

— Окружной судья не любит загружать работой гробовщика. Сколько тебя сейчас?

— Двадцать девять.

— Когда ты выйдешь на свободу, тебе не будет и сорока, это я могу обещать, — сказал маршал.

— Ну да, если выйду, — криво улыбнулся Чокто.

— Зависит от тебя самого.

Судья Бенсон обеспокоенно сказал, глядя в окно:

— Дженкинса мы доведем до суда. Но что делать с Фримонтом? Не всякие новости можно сообщать в присутствии такой охраны.

— Надо подумать, — маршал Баррет потер подбородок.

— Чего там думать! — нетерпеливо выпалил Маккарти, выходя на середину салуна. — Я арестую его за соучастие в убийстве! И судить мы его будем прямо сейчас!

— Маккарти? — удивился маршал. — Помнится, я оставил тебя за решеткой. Кто тебя выпустил?

— Меня выпустил народ, — Маккарти кивнул в сторону распахнутого окна, где чернела толпа. — Судья Бенсон, сегодня маршал привез мне пару бумажек. Дайте ему еще одну бумажку, чтобы он увез ее окружному судье.

— Что за бумажка?

— Меня всегда умиляла та легкость, с которой шериф Маккарти относится к важнейшим документам, — сказал судья Бенсон, разворачивая свернутый в трубку лист. — Позвольте зачитать. Мы, нижеподписавшиеся жители поселка Крофорд-Сити, территория Оклахома, путем всеобщего добровольного голосования избрали Теодора Дункана Маккарти на должность шерифа, обязав его денно и ночно вылавливать воров и убийц и возвращать краденое, соблюдать Закон, всегда быть верным справедливости, и да поможет ему Бог. Подписи на восьми листах прилагаются.

Баррет взял лист, запятнанный внизу серыми отпечатками шахтерских рук.

— Перо мне, — попросил он. — С моей подписью этот документ будет весить немного

больше.

Когда бумага была подписана, свернута и приобщена к стопке других листов, Маккарти сказал:

— Ну теперь-то, Энди, могу я арестовать этого негодяя?

— Не думаю. Скотт Фримонт слишком важная птица. Он хозяин огромного ранчо, и, кроме того, получил высокую должность в Компании. Нет, Маккарти, мы не можем его арестовать только потому, что имеем показания против него. Сделаем иначе. Я попробую заманить его в Гудворд. Там будут рассматривать дело твоего помощника, Криса, а Фримонта мы пригласим как свидетеля... Что ты улыбаешься? Криса тоже освободил народ?

— Вы все усложняете, Энди, — заявил Маккарти, уклонившись от ответа. — Люди, которые стоят на площади, давно могли бы разойтись по домам. Им надо помыться, и у них желудки свело от голода. Но они не расходятся, потому что ждут нашего решения. У них на глазах убили инженера Скилларда. Их пугают индейцами, и они не смогут заснуть этой ночью. Кто виноват во всем этом? Фримонт. Достоин он того, чтобы висеть в петле?

— Достоин! — в один голос ответили шахтеры.

— Судья! — маршал с надеждой взглянул на Бенсона. — Неужели вы ничего не можете сказать им? До сих пор вам удавалось удерживать людей от расправ!

— Это не тот случай. Невозможно не придти соблазнам. Но горе тому, через кого они приходят. Лучше бы ему утонуть с мельничным жерновом на шее, чем соблазнить одного из малых сих¹⁹. А Фримонт соблазнил к убийству не только несчастного Дженкинса.

— И вы не сможете мне помешать, маршал, — предупредил Маккарти, шагая к выходу.

— А его охранники? Они тебе не помешают? — спросил вдогонку Баррет.

— Пусть только дернутся. Мы размажем их, как куриный помет. Верно, парни?

Маккарти уже стоял у самого выхода, когда в толпе на площади вдруг началось непонятное движение. Невнятный гомон внезапно был пререзан истошным криком: «Индейцы! Краснокожие идут!»

Шахтеры, стоявшие в салуне, рванулись к выходу, отталкивая друг друга. Баррет отлетел в сторону, Маккарти благоразумно прижался к стене. Через окна салуна было хорошо видно, как быстро редет толпа, растворяясь между бараками. Хлопали двери и ставни, визжал перепуганный поросенок — жители поселка забивались в свои ненадежные дома и прятали все свое достояние под кровати.

Не прошло и минуты, как на опустевшей площади осела пыль, и стали видны всадники Фримонта, неспешно подъехавшие к салуну. Они выстроились полуколем, окружив салун и держа под прицелом прилегающие улицы.

Фримонт, неловко свешиваясь с седла, закричал:

— Эй, мистер Баррет! У вас все в порядке?

Маршал поднялся с пола, стряхивая черную пыль помятой шляпы и крикнул в ответ:

— Да, Скотт! Что там стряслось?

— Нас атакуют индейцы! Оставайтесь внутри, мои люди их встретят!

— Что еще за индейцы? Откуда они взялись?

— Не знаю, но их целая армия!

Скотт Фримонт спешился и в сопровождении нескольких охранников перебежал к салуну.

— Придется занять круговую оборону, — бодро проговорил он, вбегая внутрь, и осекся, увидев Маккарти. — Что за черт!

— Босс, они схватили Чокто! — выкрикнул охранник.

— Вижу, — ледяным тоном произнес Фримонт. — Надеюсь, никто не будет делать резких движений.

Его охранники вскинули свои винтовки. Их было четверо, и каждый выбрал себе одну

¹⁹ Евангелие от Луки, глава 17.

мишень — Баррета, Бенсона, Маккарти и неподвижно лежащего Чокто. Фримонт держал револьвер у пояса, нацелив его на маршала.

— Скотт, что это с вами? — спокойно спросил Баррет. — Что случилось?

— Со мной? Это я должен спросить, что случилось. Это я должен спросить, о чем вы тут шушукаетесь с беглым арестантом. И это я должен спросить, что тут делает этот метис.

— А вы не догадываетесь? — улыбнулся Баррет. — Угадайте, чье это тело под брезентом?

Фримонт побледнел и опустил револьвер.

— Скиллард?

— Верно. Вы хотите мне что-то сказать, Скотт? Дженкинс уже все рассказал. Теперь ваша очередь. Смелее, Скотт, — ободряюще улыбнулся Баррет. Он словно не замечал направленного на него оружия.

— Мне очень жаль, — медленно сказал Фримонт и взвел курок.

— Босс, что с ними делать? — спросил охранник, прижимая ствол винтовки к спине Маккарти.

— Сейчас решим, — дрогнувшим голосом сказал Фримонт. — Сейчас придумаем.

— Не ломайте голову, Скотт, — по-дружески посоветовал маршал Баррет. — Спокойно отправляйтесь на свое ранчо. Вы прекрасно знаете, чьим словам верят наши суды — словам безродного бродяги или словам уважаемого гражданина. Вам нечего опасаться. Поезжайте на ранчо. И выкиньте из головы дурные мысли.

Фримонт стоял, облизывая губы и неотрывно глядя на маршала.

— Не знаю, что вам наговорил этот метис, — хрипло произнес он. — Но вы тут все сговорились против меня. Ладно, я улаживал и не такие дела. Ну-ка, парни, позовите сюда еще пару ребят...

Через минуту охранники разоружили и связали Баррета и Маккарти, а потом затолкали их вместе с Бенсоном в угол к раненому Чокто.

С улицы донесся тревожный крик:

— Босс! Индейцы окружают поселок! Пора уходить!

— Да, пора, — задумчиво произнес Фримонт. — Мне очень жаль, Энди, что так вышло. Я думал, мы станем друзьями. Нас ждал хороший ужин на ранчо... Я не смогу есть один. Придется выбросить собакам.

Он отступал к выходу, медленно поднимая револьвер. Его охранники тоже вскинули винтовки, целясь в людей, связанных в углу.

В напряженной тишине неожиданно прозвучал насмешливый голос Криса:

— Не жалеешь ты своих собак, Фримонт.

Он стоял за стойкой бара и приветливо улыбался, словно образцовый буфетчик. Но на полированной полке перед ним не было ни кружек, ни стаканов. Никто даже не успел разглядеть в руке Криса кольт, как тот начал стрелять. Шесть выстрелов прозвучали слитно, как рычание огромного зверя. Пороховой дым затянул воздух плотной кисеей, а когда дым развеялся, Криса уже не было за стойкой. Он стоял у входа, водя перед собой «смит-и-вессоном», и как только Фримонт наклонился за выпавшим из рук револьвером, Крис выстрелил, и кольт отлетел в сторону.

Охранники лежали вповалку, раскидав винтовки.

— Развяжи моих друзей, Фримонт, — попросил Крис.

— Да он не сможет и с места шагнуть, — снисходительно заметил Питер Уолк, перепрыгивая через стойку. — С полными штанами далеко не уйдешь.

Питер быстро разрезал узлы на руках пленников. Маккарти и Баррет сразу же подобрали винтовки с пола и кинулись к окнам. Нэт Беллфайр с грохотом опрокинул стол, переграживая вход.

— Фримонт, прикажите вашим людям уходить, — сказал маршал.

— Ладно, — кивнул Фримонт, и Питер подтолкнул его к окну.

Новые беспокойные крики раздавались на улице:

— Босс, краснокожие нас не выпустят! Босс!

— Слушайте меня! — закричал Фримонт. — Парни! Все кончено! Мне не уйти, но вы еще можете спастись! Перебейте тех, кто держит меня тут! Сожгите этот дом! Забирайте все мое барахло и отправляйтесь в Мертвую Долину! Сметайте с пути всех, кто вам мешает. Парни! Убейте их всех, как они убили меня!

Выстрел и звон разбитого стекла заглушили его последние слова. Пули влетали в салун, взрываясь в буфете и осыпая всех осколками стекла и фарфора. С оглушительным звоном сорвалась люстра с потолка. Маккарти и Баррет отстреливались из винтовок, Нэт палил из своего блестящего револьвера. Крис стрелял из кольта, приставив перевернутый стол к окну. А Питер сидел верхом на поваленном Фримонте и аккуратно связывал ему руки и ноги.

И вдруг все кончилось. Смолкла стрельба, затихли крики, и только топот копыт еще гремел какое-то время, затихая вместе с оседающей пылью.

Когда же пыль и дым растворились окончательно, на площади перед салуном стояли совсем другие всадники: с белыми перьями в волосах, с красными полосами на щеках, в белых рубахах с красным кругом на груди. Длинные копыта высились над ними.

Лысый Мак бросил под ноги разряженную винтовку.

— А я уж думал, что это все сказки...

Индейцы стояли неподвижной стеной, и даже их лошади застыли, словно деревянные.

Все молчали, затаив дыхание, и только Крис невозмутимо щелкал патронами, перезаряжая револьвер.

— Черт, да кого они хотят напугать? — возмутился Маккарти и шагнул к выходу.

Судья Бенсон попытался удержать его, но Маккарти отмахнулся:

— Кажется, вы избрали меня шерифом? Не мешайте работать.

Он вышел на крыльцо и скрестил руки на груди. Белые перья индейцев заколыхались, послышались приглушенные голоса.

— Шериф Маккарти? — спросил индеец.

— Некоторые зовут меня именно так, — процедил Лысый Мак. — Что вам нужно?

— Мы хотим забрать нашего брата. Его зовут Питер, и он сидит в вашей тюрьме, — ответил индеец торжественно и звучно, но тут же сменил тон: — Маккарти, это и вправду ты?

Он соскочил с лошади и подошел к крыльцу, на ходу стаскивая с головы связку перьев. Индейцы за его спиной заговорили громче, и кто-то засмеялся.

— Верно, — сказал индеец и протянул руку. — Здравствуй, шериф. А нам сказали, что тебя уже повесили в Гудворде.

— Рано радуется, — грубо ответил Маккарти, пожав пухлую ладонь. — Забирайте вашего драгоценного Питера. И кончайте свой маскарад.

Глава 21. ВИНСЕНТ КРОКЕТ. ЭПИЛОГ

В чемоданах Соломона Коэна были фотографии. Много фотографий, и все — с именами на обороте. На некоторых картонках имен было несколько. На фотографии котта Фримонта было написано: Генри Гамильтон, Джеральд Руби, Шервуд «Хаммер» Скотт. Может быть, кому-то все это и могло показаться странным, но только не федеральному маршалу Баррету.

Портреты, которые так терпеливо коллекционировал Коэн, были нужны ему отнюдь не для выставки. Он бродил со своими камерами по глухим уголкам Запада, фотографировал жителей, а потом, возвращаясь к себе в Денвер, передавал эти карточки в сыскное агентство. Финансовая компания «Уэллс и Фарго» платила ему, как специальному агенту, и десятки других специальных агентов ежедневно просматривали новые десятки портретов в поисках знакомого лица. Так были обнаружены многие из тех, кто пытался укрыться от закона.

Генри Гамильтон сколотил свое состояние на перепродаже земельных участков. Он мог

бы стать миллионером у себя в Чикаго, если бы этих участков у него было хотя бы два. Когда все те, кому он продал одну и ту же землю, однажды встретились, познакомились и объединились в праведном гневе, Генри Гамильтон превратился в Джеральда Руби и уехал в Сан-Антонио, штат Техас. Там он вложил капитал в крупный рогатый скот. Скоро выяснилось, что он не слишком придирчиво проверяет документы, когда покупает скотину. Это привлекло к нему людей, хорошо знающих географию Техаса и основы животноводства, но неискушенных в вопросах законности. Когда же местные власти сочли, что мистер Руби торгует краденными коровами, мистер Руби не стал оправдываться, а просто исчез.

Руби исчез, зато на границе Техаса и Оклахомы появился новый «мясной барон», Шервуд Хаммер. Ему служили самые отпетые головорезы, и никто не осмеливался спросить, почему стада Хаммера растут так быстро. Казалось, его коровы телятся дважды в неделю.

Там, на перегонной тропе, фотограф Соломон Коэн впервые встретился с Хаммером и пополнил свою коллекцию.

Никто не знает, почему «мясной барон» вдруг перебрался в Канзас и сменил имя. Наверно, любая роль быстро надоедала ему. Но своих людей он не бросил. Они по-прежнему заботились о росте его поголовья, а он всегда надежно защищал их от нескромных вопросов разных законников. Для скотокрада самое трудное — не угнать скот, а превратить его в деньги. Хаммер избавлял своих людей от этих забот. Он платил им достаточно, чтобы они не искали себе другого занятия.

Но в конце концов Хаммер затеял слишком сложную игру — и проиграл. Он оказался в руках федерального маршала, и тот, наверно, гадал, в какую же сторону лучше всего отправить своего арестанта: в Чикаго, в Сан-Антонио или к себе в Гудворд?

Мы так и не узнали о решении маршала, потому что уехали из Крофорд-Сити раньше, чем он.

Мы уезжали вдвоем. Нам с Крисом хотелось поскорее попасть в Нью-Йорк, а для всех остальных нашлись важные дела в Оклахоме.

Соломон Коэн проходил курс лечения песком, пейотом и заклинаниями. Местная медицина еще не знала лечебных свойств девичьей мочи.

Лысый Мак нацепил самодельную шерифскую звезду и погнался вылавливать в прерии остатки банды Хаммера. У бандитов не было никаких шансов, потому что в помощники к Маккарти записался команчиро Джуд.

Питер уговорил бостонского архитектора остаться на ферме. Они затеяли грандиозный проект, о котором поведали мне по секрету — Нэт нашел в долине огромные залежи костей, из которых можно приготовить замечательное удобрение, а Питер давал под эту идею деньги, мельницу и рабочих.

Энни попросила меня найти в Нью-Йорке книгу со странным названием «Черный Камень»²⁰ и прислать по почте на адрес судьи Бенсона.

— Могу я приложить к посылке короткое письмо для тебя? — спросил я.

— Конечно. Но... мне еще никто не писал писем, — сказала она, и я впервые увидел, как выглядит смущенная Энни.

Черт возьми, подумал я, мне придется постараться, чтобы не расстроить эту девушку своими письмами.

— Я вернусь, — сказал я. — Вот сделаем наши дела в Нью-Йорке, и я вернусь.

— Тогда не надо тратить деньги на посылку, — сказала она. — Просто привези книгу с собой. Я подожду.

— Это будет нескоро, — предупредил я.

— Ничего. Здесь время летит быстро, а я умею ждать, — сказала она.

Лукас тоже дал нам поручение. Непростое поручение. Мы должны были найти в Нью-Йорке надежного человека на пароходе, который уходил бы в Россию, и передать с ним объявление для российских газет. Лукас дал нам десять долларов и текст объявления.

Доллары были серебряные, а объявление лаконичным. Вот оно, я привожу его на языке оригинала:

«ЗЕМЛЯ БЕСПЛАТНО.

ВСЕМ ЖЕЛАЮЩИМ.

Америка, Территория Оклахома, Крофорд-Сити.

Спросить Петра Лукича Волкова».